

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2022`2

Кермен Толга

Djangar,
Barun

Satellite Earth, Digital Globe,
GeoEye, EarthStar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2022. № 2

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2022. № 2

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:

33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2022. No. 2

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Баянова А. Т., канд. фил. наук; *Ванчикова Ц. П.*, д-р ист. наук;
Голенкова З. Т., д-р филос. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Жуковская Н. Л., д-р ист. наук; *Зайцев И. В.*, д-р ист. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Казиева А. М.*, д-р фил. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лушников Д. А., д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Очир-Горяева М. А.*, д-р ист. наук;
Пюрбеев Г. Ц., д-р фил. наук; *Ринчинов О. С.*, канд. физ.-мат. наук, д-р
ист. наук; *Ситдиков А. Г.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: С. В. Джагрунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов

© КалмНЦ РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.,* Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy);
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.,* Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.,* Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.,* Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.,* Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Komandzhaev A. N.,* Dr. Sc. (History);
Krinko E. F., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.,* Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.,* Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.,* Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.,* Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.,* Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology); *Yarmarkina G. M.,* Cand. Sc.
(Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Traslator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

© KalmSC RAS, 2022

© Composite authors, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Источниковедение

- Тепкеев В. Т., Ярмаркина Г. М., Гедеева Д. Б.** Письмо тайши Аюки 1688 г. 10
- Митруев Б. Л.** Печать Дондук-Даши 39
- Манджикова Л. Б.** Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) 70
- Белоусов С. С.** Записка И. И. Пересвет-Солтана «По вопросу о поземельном устройстве самовольных поселков, находящихся в пределах береговой полосы Каспийского моря» как источник по государственной политике в отношении самовольных переселенцев Прикаспия 88
- Каруева М. Д.** У истоков формирования «калмыцкой» коллекции Астраханского музея-заповедника. 104

Фольклористика

- Корякина А. Ф.** Сравнительный анализ мотивов в якутском и шорском эпосах 144
- Борисова А. А.** Многоликое чудовище абаасы (на материале олонхо) 162

Литературоведение

- Ханинова Р. М.** «Биийин мактал» Д. Н. Кугультинова и его русский перевод в аспекте жанра 177
- Санькова А. А., Фокин А. А.** Деструкция как важнейший принцип организации художественного мира Владимира Сорокина 209

Социология

- Гриценко Г. Д.** Общественно-политическая жизнь на Северном Кавказе и проблемы ее этнизации: размышление экспертов 224

Бадмаева Н. В. Проблема старения населения в Республике Калмыкия	238
Намруева Л. В. Статистический анализ безработицы в южнороссийских регионах	255

CONTENT

SOURCE STUDIES

Tepkeev V. T., Yarmarkina G. M., Gedeeva D. B. Taisha Ayuka's letter 1688	10
Mitruiev B. L. One Seal of Donduk-Dashi Reviewed	39
Mandzhikova L. B. Collection И-2 'Kalmyk Affairs Commission, 1825–1836' (National Archive, Elista) as a Source in the History of Government Agencies and Pre-Revolutionary Kalmykia: Some Issues of Records Management Revisited	70
Belousov S. S. Revisiting Land Use Patterns in Uncontrolled Settlements along the Caspian Coastal Strip: The Official Note by I. I. Peresvet-Soltan as a Source on Government Policies towards Unauthorized Migrants in the Caspian	88
Karueva M. D. Astrakhan Reserve Museum: Origins of the 'Kalmyk' Collection Analyzed	104

FOLKLORE STUDIES

Koryakina A. F. Epic Traditions of the Yakut and Shor Peoples: Paralleled Motifs Reviewed	144
Borisova A. A. The Many-Faced Monster Abaasy: Transformation of Epic Images Revisited	162

LITERATURE STUDIES

Khaninova R. M. David Kugultinov's <i>Biiyin Maktal</i> ('Dance Praise') and Its Russian Translation: A Genre Perspective	177
Sankova A. A., Fokin A. A. Vladimir Sorokin's Artistic World: Destruction as Key Organizing Principle	224

SOCIOLOGY

Gritsenko G. D. Sociopolitical Life in the North Caucasus and Problems of Its Ethnicization: Expert Opinions Reviewed	224
Badmaeva N. V. Population Ageing in Kalmykia Reviewed	238

Namrueva L. V. Statistical Analysis of Unemployment in Southern Russian Regions	255
--	-----

Письмо тайши Аюки 1688 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹, Галина Михайловна Ярмаркина², Дарья Бадмаевна Гедеева³

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

³ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Тепкеев В. Т., Ярмаркина Г. М., Гедеева Д. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается письмо тайши Аюки как образец источника по калмыцко-русским отношениям конца XVII в. *Материалы.* Письмо тайши Аюки и его русский перевод хранится в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5). *Результаты.* Послание Аюки на старокалмыцкой письменности, привезенное в Москву в феврале 1688 г., адресовано московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Отношения Аюки с царским правительством в это время складывались весьма непросто: тесные контакты калмыков с Азовом и Крымом не могли не тревожить центральные власти. В письме, которое привез калмыцкий посол, даны ответы практически на все претензии царского правительства. Действия калмыков, судя по содержанию письма, являлись в определенной степени демонстрацией независимости и были вызваны необходимостью защиты собственных торговых или военных интересов. Рассматриваемый источник

дополняет портрет Аюки как политика, каким он проявляет себя еще не получив ханского титула.

Ключевые слова: исторические источники, русско-калмыцкие отношения, калмыцкое письмо, синхронический перевод, тайша Аюка

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6), проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Тепкеев В. Т., Ярмаркина Г. М., Гедеева Д. Б. Письмо тайши Аюки 1688 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 10–38. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-10-38

Taisha Ayuka's letter 1688

Vladimir T. Tepkeev¹, Galina M. Yarmarkina², Daria B. Gedeeva³

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Tepkeev V. T., Yarmarkina G. M., Gedeeva D. B. 2022

Abstract. Introduction. The article examines the letter of taisha Ayuka as a source on Kalmyk-Russian relations of the late 17th century. *Materials.* Taisha Ayuka's letter with parallel Russian translation is kept in the Russian State

Archive of Ancient Acts (F. 119. Op. 1. 1688, D. 5). *Results*. Ayuka's message written in Old Kalmyk script was delivered to Moscow in February 1688 and addressed to Moscow sovereigns Ivan Alekseevich and Pyotr Alekseevich. Relations between Ayuka and the tsar administration at that period cannot be characterized as simple: close contacts of Kalmyks with Azov and the Crimea could not but disturb the central authorities. The letter brought by the Kalmyk ambassador contains answers to almost all the claims of the tsar government. The letter shows that activities of the Kalmyks mentioned in it can be referred to a certain extent as demonstration of independence and were caused by necessity to protect their trade or military interests. The source under study complements the portrait of Ayuka as a political figure before he was bestowed *khan* title.

Keywords: historical sources, Russian-Kalmyk relations, Kalmyk letter, simultaneous translation, Taisha Ayuka

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups', AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Tepkeev V. T., Yarmarkina G. M., Gedeeva D. B. Taisha Ayuka's Letter 1688. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 2: 10–38. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-10-38

Введение

В российских архивах хранится огромное количество калмыцких писем, требующих серьезного исследования и введения в научный оборот. Наибольший интерес для исследователей представляют материалы Российского государственного архива древних актов (г. Москва), где хранится наиболее ранний пласт письменного наследия калмыцкого народа. Основной массив писем калмыцких ханов и владельцев можно обнаружить не только в фонде 119 («Калмыцкие дела»), но и в других фондах. Например, они встречаются, хотя и редко, в фондах 113 («Зюнгорские (контайшинские) дела»), 127 («Сношения России с ногайскими татарами») и др. Основной фонд писем хана Аюки хранится в трех архивах: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Национальном архиве

Республики Калмыкия (НА РК). Материалы фонда 119 («Калмыцкие дела») поделены между двумя федеральными архивами: письма хана Аюки с XVII в. по 1719 г. представлены в РГАДА, а с 1720 по 1724 гг. — в АВПРИ [Тепкеев 2021: 12].

Публикация писем хана Аюки началась относительно недавно. Так, Д. А. Сусеева опубликовала большую часть деловой переписки хана Аюки с астраханскими властями с 1714 по 1724 гг., хранящуюся в Национальном архиве Республики Калмыкия [Сусеева 2003; Сусеева 2009]. В 2016 г. впервые вышла публикация самого раннего письменного свидетельства Аюки (1685 г.), которое было найдено в фонде «Калмыцких дел» РГАДА [Тепкеев, Нацагдорж 2016]. В 2020 г. были опубликованы два письма калмыцкого хана Аюки к государю Петру Алексеевичу и канцлеру Гавриилу Ивановичу Головкину, также обнаруженные в фонде «Калмыцких дел» Российского государственного архива древних актов [Тепкеев, Бембеев 2020]. Особый интерес представляет публикация одного оригинала и нескольких копий писем хана Аюки за 1708 г., хранящихся в Библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета [Успенский, Яхонтова 2021]. Письма калмыцкого хана Аюки и их русские переводы, сохранившиеся в российских архивах, используются в качестве источников по истории калмыцко-русских отношений в XVII–XVIII вв. [Тепкеев 2021]. В монографии, посвященной хану Аюке, В. Т. Тепкеев дает подробную характеристику основных политических событий в Калмыцком ханстве, детально описывает русско-калмыцкие отношения, рассматривает место и роль калмыков в системе международных отношений [Тепкеев 2018].

Рассматривая специфику сложившихся в 1686–1690 гг. русско-калмыцких отношений и военно-политических отношений калмыков с соседними народами и государствами, В. Т. Тепкеев опирается на многочисленные архивные источники, в том числе и на перевод письма тайши Аюки 1688 г. [Тепкеев 2018: 95–114].

В данной работе указанное письмо тайши Аюки 1688 г. и перевод письма, датированный 22 февраля 1688 г., приводится полностью.

Результаты

Письмо калмыцкого тайши Аюки хранится в фонде 119 («Калмыцкие дела»), в деле под № 5 под названием «Февр. 22. Приезд в Москву присланных от Калмыцкаго Тайши Аюки посланца Бикеды и Манидая с оправданием, что он [Аюка] ни в Крым, на в Азов, ни в Уфу никого не посылал» (16 л.) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5].

Приезд калмыцких послов в Москву был связан с событиями, которые протекали в предыдущие годы, а именно — в 1686–1687 гг. Подписав «Вечный мир» с Польшей в 1686 г., Московское государство стало членом антитурецкой коалиции, так называемой Священной Лиги, состоявшей из Австрии, Венеции и Речи Посполитой, боровшихся с Османской империей и её вассалом — Крымским ханством. Согласно принятому плану, русская армия должна была развернуть наступательные действия против крымских татар. В мае 1687 г. 100-тысячная русская армия под началом князя В. В. Голицына выступила из левобережной Украины в сторону Крыма. Однако крымские татары подожгли степь, в результате чего русская армия в июне повернула назад.

Кроме джунгарского отряда Цаган-Батура, калмыки Аюки так и не приняли должного военного участия в крымском походе В. В. Голицына. Этот факт на какое-то время осложнил калмыцко-русские отношения. В Москве на многочисленные просьбы тайшей реагировали довольно прохладно. Например, жалование, которое было выплачено тайшам в 1685 г. и 1687 г., «того жалования [они] не заслужили». Объяснялось это тем, что они отправили недостаточное количество своих улусных людей на государеву службу, а тех, кого отправили, было немного, и они так не объявились в полках [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 25].

Масло в огонь подливали и донские атаманы, которые неоднократно предупреждали центральные власти о подозрительных действиях Аюки, от которого, как они считали, «добра ждать нечего», так как «безпрестанно с турским и с крымским списываетца и послов своих посылает». Калмыки, по их мнению, постоянно приезжали в Азов для торга с местными жителями, и казаки не раз в степи перехватывали таких торговых представителей, перегоня-

вших скот из улусов на продажу в крымские и турецкие владения [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 3, 16].

Отношения Аюки с царским правительством в это время складывались весьма непросто. В Москву из различных мест поступала информация, обрастающая свежими подробностями, о контактах калмыков с крымскими и азовскими людьми. Например, в январе 1688 г. в Астрахани узнали о приезде в калмыцкие улусы посланца из турецкого Азова с «листами». Аюка срочно был предупрежден, чтобы он с крымцами и азовцами не имел никаких контактов, не продавал им лошадей и выдал письма. 15 января в Астрахань прибыл калмыцкий посланник Унитей-бакши и привез с собой 3 письма: одно письмо от персидского шаха и два других — от азовского бия [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 1]. Однако, чтобы в условиях продолжающейся русско-турецкой войны не оттолкнуть окончательно от себя калмыков, астраханский воевода в начале 1688 г. все-таки выплатил Аюке жалованье за 1687 и 1688 гг. в размере 1 180 руб., что составило по 590 руб. за год [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 1. Л. 2].

Тесные контакты калмыков с Азовом и Крымом не могли не тревожить центральные власти. Поэтому, когда в Москву в феврале 1688 г. прибыл посол Аюки — Бекей, этот вопрос на переговорах был затронут в первую очередь. Практически на все претензии царского правительства Аюка дал ответ в своем письме, которое привез калмыцкий посол.

Послание Аюки на старокалмыцкой письменности (см. фото 1) адресовано московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу¹ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 1]. Синхрони-

¹ В черновом варианте перевода упомянуты три адресата: великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая княгиня Софья: *Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [и великая государыня благодерная царевна и великая княгиня София Алексеевна], всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, бутте здоровы, а я здесь здрав есть* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 7]. Обращение к великой княгине Софье зачеркнуто и в окончательный вариант перевода не вошло. В калмыцком письме (оригинале) обращение к царевне Софье отсутствует.

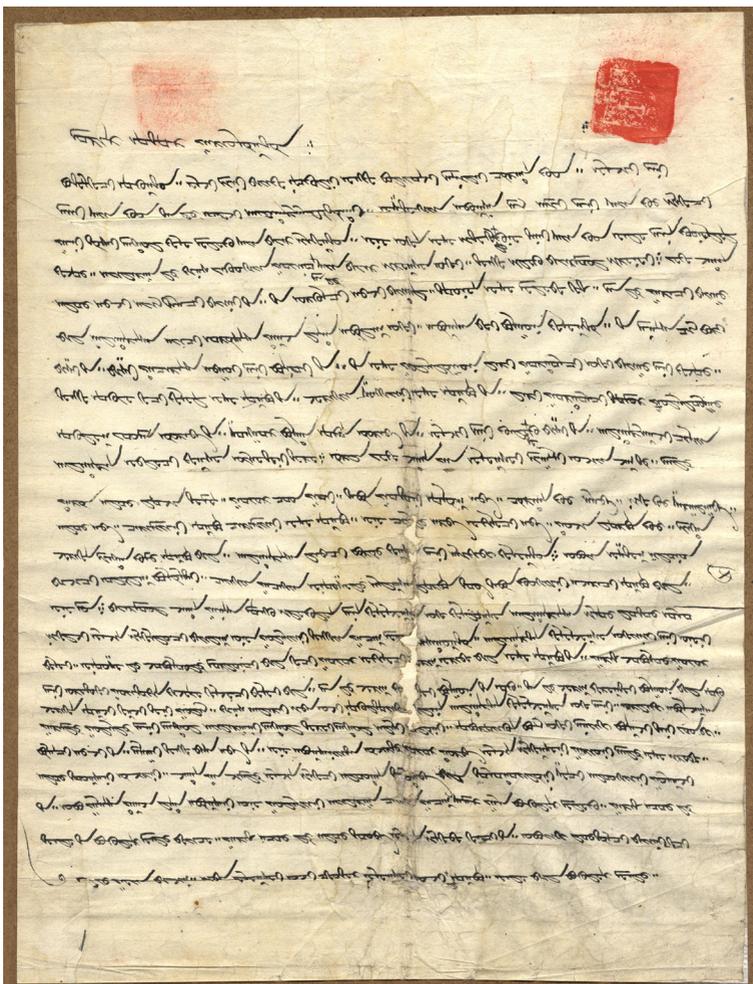

Фото 1. Письмо калмыцкого тайши Аюки московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 1]

ческий перевод (перевод XVII в.) сохранился в двух вариантах — черновом и окончательном [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3–13].

На листах 3–6 (см. фото 2–9) представлен окончательный вариант перевода: текст написан без помарок, четким почерком, на полях нет помет. Листы 5 и 6 написаны другим почерком. Часть листов 5 и 6 утрачена (в основном по краям), некоторые буквы и фрагменты текста, отсутствуют.

На листах 7–13 сохранился рабочий (черновой) вариант русского перевода того же самого письма. Текст содержит правки: некоторые слова зачеркнуты, над ними написаны другие, более подходящие, по мнению переводчика, слова (часто синонимичные). Зачеркнутыми оказываются не только слова, но и целые строки, фрагменты текста. Л. 9 сохранился не полностью — правый край листа неровный, утрачены некоторые фрагменты листа вместе с написанным текстом. Лист 10 в нумерации пропущен, после листа 9 следует лист 11. Правый верхний и правый нижний углы листа 11 оборваны, правый край листов 11 и 12 неровный. Имя переводчика в архивных материалах не упоминается.

В ходе сопоставления оригинала и перевода письма обнаруживается, что основное содержание в переводе передано верно. Более того, русский перевод содержит в некоторых случаях детали, не названные в письме, но, вероятно, известные посланцу и включенные в перевод на основе устного сообщения.

Рассматриваемое письмо отражает двойственность калмыцко-русских отношений. В письме тайша Аюка, обращаясь к государям Ивану Алексеичу и Петру Алексеичу, объясняет причину продажи лошадей в Крым и Азов. Причиной перенаправления продажи лошадей, как изложено в письме, являются инциденты, случившиеся с калмыцкими послами по дороге в Москву: «Преж сего посылал я послов своих с лошадьми к Москве. Под Пензою у валу на воротех на посылщиков пензенцы насцали им на голову. По дороге и на Москве руские люди ардабазарных лошадеи крали и насилно отимали, и шапки срывали и денги обрывали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3]. Об этом, по словам Аюки, было

Ойона Панама Ахитер Писемин

К Свнше Спри при Свнше шон Понинъ
 Ахитеране Петръ Ахитеране
 Мса Пинна Иманна Ибана Рони
 Самуилане Котите Сфоране Ахитер
 Сфоране Сита Соморин Лом Пинне
 Спри Ето. А. Писмане Ахитер Шо
 Деват Спретаннине Кешадун Ит
 С. М. Мокани Ахитер Среда Кешовани
 Иконо Свнше. Кешовани Кеш ма
 Мши Уни Кота Адно Ахитеране Ето
 Пинне Спри Ветри Самитто Кешовани
 Ахитераннине Иманнине Кешовани
 Ахитер Шо. Кешовани. Сонали Ето
 Мши Прада Свнше при Пр. С. С.

Фото 2. Перевод письма калмыцкого тайши Аюки
 московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу
 [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3]

Правда Обири при Прѣсе
Посла А. Покров стонъ
Кмоуа Попензов Уматъ
Напомишинов Пенвенцо
Казарі Кабо
Ломо Педоро Інакоматъ
Роме Лати
Аздабарноі Лашадъ
Ром Інакина
Ойман Лашаді Ишлатин
Срмани Урв
Ормани АПолѣ Ппо
Посламан вѣра
Піина Иштис
Посламанъ Отмоу
Грабозар ОПомати
Нинно Нешаган
Врмив Пѣданъ
Стлотари
Аттарха
шир Иштис
Иши Платари
Индсай
цо АШойда
ми на сайихъ
Мата
Глеушиасте
Амоухъ
Униасте
Есо
Врмив шабманъ
ми
Латами
Наго
-моу
Вона
Иштѣ
Лода
Етте
При
Боларис
Вобеша
Принзе
Адротъ
Видовитъ
Сошидонъ
Стлотарили
каивъ
аштисова

Фото 3. Перевод письма калмыцкого тайши Аюки московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3]

Иосифовичи Нарев Поле твое. ⁴ *руши*
 Иже ив Нинаи Нарев Мы не единичи
 Это Дашети Вето было собвхв это
 сомъ твое. Маи Иванъ ф. Стрешин
 Маи твое. Маи твое. Вето
 Иже ив твое. спрашивати Вето
 ф. Дна было Пашинъ Стрешин
 Понадобитца Нарев твое. Маи ив
 было Дашети Пашинъ Иже ив
 ив Иже ив ратныхъ Иже Дашети
 а Иже ив Маи Нарев Иже ив
 Иже ив я Поле твое. Дашети
 Проити Маи Иже ив Стрешин
 Дашети ив неужави Дашети Иже ив
 Поле твое. Иже ив Дашети Иже ив
 Снабитца Поле твое. Проити
 Себа Иже ив неужави Проити
 тое Дашети Дашети Иже ив

Фото 4. Перевод письма калмыцкого тайши Аюки
 московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу
 [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 4]

Мое почтение Касанаме Ушестин Соо
 рини Словами Промысла Присни
 Матраганине Боаре Косоведо Нево Со
 мога Квал Великий Служб Писма
 Да слуга мой много Личное Аме
 Боури Матрагани Ахти Петру
 Вича Саломов Аме Абуна Повеа
 Шинил Служб Наме Себа Личное Да
 Личное Вича Абуна Служб Личное
 Привоарине Косоведо Присни Ахти
 Вановане Солнце Матрагани
 иль Шайне Ичичил Матрагани Наме
 Со Служб Абуна Недало Личное
 Касане Касане Повеа Кони Личное
 Недало Наме Моего Оуб
 Абуна Шайне Касане Повеа Наме
 Ахти Наме Емил Абуна Личное
 Касане Личное Наме Шайне Наме
 Да Касанаме Ичичил Наме Наме

Фото 5. Перевод письма калмыцкого тайши Аюки
 московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу
 [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 4]

Томъ дикомъ хавоттомъ вздичеши
Евста ъбуки бносо Елиа Поранки
Пове шедши въ подраки стрѣхне
Пеликиа Грѣи Грѣи ѡуѣтѣ иахалаки
Кеня Хювкѣ Стойи Грѣи
Хютаки айнѣ мѣтѣ Грѣи
маня кѣтѣ Причловаки Грѣи
Хрѣдѣи и собоки поамо Грѣи
Ело При Грѣи Хювкѣи
Хювкѣи айнѣ кѣтѣ Полаки
Кой Грѣи Грѣи Грѣи
Хювкѣи кѣтѣ Которѣи
Грѣи Грѣи Грѣи
Кѣтѣ Грѣи Грѣи
Полдѣи Грѣи
Евста айнѣ моѣ кѣтѣ
Грѣи Грѣи Грѣи
Пороху Грѣи Грѣи
Грѣи Грѣи Грѣи
Грѣи Грѣи Грѣи
Грѣи Грѣи Грѣи

Фото 7. Перевод письма калмыцкого тайши Аюки
московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу
[РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 5]

сообщено властям, но ответ не был получен: «и тем посыльным о том грабежу отпovedи никакой не сказали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3].

В письме Аюка опровергает несколько обвинений, в частности о якобы имевшем место нападении на Уфу и предоставлении войска крымцам: «А Уфу де города не воевали и воиноу ничего не имывали. Буде мы взяли у них хотя одного жеребенка, чтоб великие государи велели сыскать казаками астраханскими, и яицкими, и самарскими» [РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3]; «Что в Крым сказывали мы давали на помощь воиска, и то де ложь есть» [РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3].

Неоднократно Аюка ссылается на шерть, заключенную ранее, и напоминает об обоюдных обязательствах помощи, в том числе и военной: «При боярине и воеводах при князе Андрее Ивановиче Голицыне с товарищи как я шертовал, и договаривалис на чем, после того руским людям никаких налог мы не чинили. Что до шерти взято было с обеих сторон, того вам и нам не спрашивать, а после шерти что взято будет, и того спрашивати. В договоре у нас было, великим Государем как понадобится на службу моего войску, и мне было давал, тако ж де и великим Государем мне, Аюкаю, ратных людей давать же. Я ходил войною на Хиву и на Чеполова, и посылал я послов своих двжды просить войску, и великие государи войску дать мне не указали» [РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3–4].

Сообщая о нападениях башкирцев на калмыцкие улусы, Аюка обращает внимание на то, что калмыки пострадали после шертования: «В прошлом году башкирцы у меня лошадеи отогнали, половину лошадеи отдали, а другую не отдали. Нынешним годом десятью приезжали и многое число лошадеи отгоняли, тритцат четыре человка взяли мускова полу и женскова, тысячу лошадеи взяли, сорок верблюдов, двести баранов, пять кибиток со всяким животом взяли, шесть человек убили, одного человека поранили. После шерти все побрали» [РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 5].

Апеллируя к шерти, Аюка не только уверяет русских монархов в неукоснительном соблюдении договоренностей и готовно-

сти расследовать случаи нарушения взятых на себя обещаний, но и считает возможным предупредить о том, что не станет терпеть бездействие со стороны русских властей: <Как>² де шertz учинили, мы <русских городов> не розаряли и скоту <не отганяли>, и нигде ни одного жеребенка ни взяли, а буде взяли мы, и вы к нам пишете. А у нас еже год лошадеи отгоняете и улусных моих людей в полон берут. И про то де вам вам³, великим государем извесно ль. Буде великие государи изволите тех лошадеи сыскать и прикажите отдать. Отдали то добро, а не сыщутца терпеть не станем» [РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 6].

Транслитерация текста

- (1) a yu şeyin biçiq: iban eleqseiüçi peüter eleqsei-üçi- {dü} öqbö: ende bida bügüdër mendü:
- (2) tende ta bügüdër mendü beyize: xaram azou-du adou touba elçin ilgebe genei ta: übüyigi dobtulji bayinai geji
- (3) ta: übü xalāsa ɣaɣsa⁴ dāya abuqsani⁵ üne xudaliyini ayidarxan zayigiyin xazaq samar xala⁶ bügüdër medekü: xaram azou-du
- (4) adou touqsani uçirni: saɣān xan⁷ čimadu elçin ilgeji adouɣān tuulɣaba

² Здесь и далее в треугольных скобках написан текст, восстановленный по черновому варианту синхронического перевода.

³ Так в источнике.

⁴ *übü xalā* — башкирский город Уфа. От тюркского топонима *уv* ‘холм, курган’, часто употребляется с географическим термином *хала* ‘крепость’.

⁵ Выражение *dāya abu* (*daah av*) означает ‘брать реванш, произвести ответный удар’ [БАРМС 2001: 660]. В современном калмыцком языке выражение устаревшее.

⁶ Имеется в виду город Самара. Название города, предположительно, имеет тюркское происхождение со значением ‘мешок’, ‘кувшин’ из-за излучины, в которой находится город [Фасмер 1971: 552]. К названию также добавляется термин *хала* ‘крепость’.

⁷ Написание титула *хан*, относящийся к российскому царю, отличается от титула калмыцкого хана Аюки *xān* долготой гласной буквы в слове. Титул *хан* принадлежал царю по происхождению, знатности и значимости ниже царя с титулом *xān*, означающего в монгольском языке ‘великий царь, император (каган)’. В письмах Аюки сохраняется письменная

- bida toloyoyiduni šēji adougiyini xulaqči
- (5) bulāji abči ta: malaxa tengge basa aba ta: ene abuqsaniyitan učirtu xoyor ɣurba elčīn ilgeqseni xariuni mandu ese irebe:
 - (6) xaramdu xudaldu manai mangɣud ayidarxanai mangɣud terei⁸ mangɣud adali odunai: öböröyigōn bōl ügei manayigi bōqči tani youn bi:
 - (7) cerigēn öqči geqči–teni xudal: kinas andarai iban-üči nöködtöyigōn nidanā andayārtān kelelceqsen üge mani urdaki abulcaqsan
 - (8) mani üretügei xoyitukīn kicēye gelceji belei bida: man-du ceriq kereqtei bolxuna ta ökü: tan-du ceriq kereqtei bolxuna bida ökü
 - (9) belei: enöüše-dü coboloudu mordonoı bida geji xoyor ekeleji ceriq eribe bida ese öqbö ta: xaram cobolou xoyor
 - (10) nignedči elčīn ilgeldüji bayıdaq ünen xudaliyini tenggiyin xazaq me[dekü] asayıqtun: andayārtān kelelceqsen ügeyiniy mani üneni
 - (11) ene mün:: bayarmoud caɣān xanāsa mönggö ideküdēn manā kelelceqsen üge keldüqsen andayārāsan ilöü dotou olo
 - (12) bičiji odudaq bolultai: zayigiyin xazagiyin enöüshedü aldaqsan dörbön tob tabun küügiyini acaraji öqbö bida::
 - (13) cerigēn mingyan kümü öqbö bida: andayārāsan dabaji buruu keqsen mani alikibi keleqtün:: übüyin eşteq nidonon
 - (14) adou aba: zarimiyini öqbö zarimiyini ese öqbö: ene jıldü arba ekileji aba: ɣučin dörbön küü: mingya
 - (15) ɣarun adou döčin temē: xoyor zoun xoi: tabun xotoni ölüq aba: zuryān küü alaba: nige güü šarxadxaba:
 - (16) andayārān ebdeji keqsen üyiletene tere:: urda yeke caɣān xan eleqsei mixāli-üčiyin caq–tu: mandu
 - (17) ögüdeq youmān uuraba ta: šongxor bulaya ökön uuraba ta: elčiy mani künde{le}kü biši ta: andayārlaqči jiliyin
 - (18) tengge ögüye geji kelēd ese öqbö ta: cerigiyin šanggiyini ese öqbö ta: dari xorɣolji tömür xudaldoulxu

традиция называть монгольских правителей великими. В современном языке с переходом на кириллическое письмо, когда долгота гласного звука перестала обозначаться в именительном падеже, было забыто и о существовании двух разных слов, что и отразилось в нашем переложении этого слова на современный калмыцкий язык.

⁸ *ter* — гидроним, река Терек. Топоним имеет тюркское происхождение со значением ‘родник, ручей, источник’ [Поспелов 2003: 282]. Здесь топоним передает название Терского городка.

- (19) biši ta: biši ʧazarāsa abxui mani bōnoi ta: ta ese xudalduxuna dari xorʧolʧi ügei bayixu mani kecöü:
- (20) bida andayārāsan ayiʧi orusāsa ʧaqca dāʧa abudaq ügei: abuqsan bei bolxuna keleqtun: ta manāsa ʧil büri
- (21) adou abci ayil talaji bayinai ta: ta ürgülʧi abci bayiyād: töünēn ese medebe gem: man—du xaraji bayixu
- (22) kecöü: ayidarxan—du kinas yakougiyin⁹ xoyino {man—du} sayin bayar ireqsen ügei: tengge idekü bayarmoud irenei: yeke caʧān
- (23) xani tusai mangyud kele medekü sayin bayar ilgeqtün: ene ügēn ese itegel {dü} küne tanai sayin köün ende manā köüneldēd
- (24) manai sayin köün tan—du ireji andayārlaldutuʧai: eʧtegiyin abuqsan mal amiy mani sayin köü ilgeji
- (25) bütēlgeji ögüqtün: elci mini biyike nöködni engke bodiyöci mānidai zurʧān köün: elciy mani
- (26) morʧr ötür xariuluqtun:

Переложение на современный калмыцкий язык

Аюшин (тиб. Аюкан) бичг. Иван Элексеүч, Пеүтр Элексеүчд өгв. Энд бидн бүгдәр менд. Тенд та бүгдәр менд вииз. Харм Азуд аду туув, элчән илгәв гинәт. Үвиг довтлж бәәнә гижт. Үв халас һанц дааһ авсиг үн худлинь әәдрхн, зәәһин хазг, Самр хала бүгдәр медх. Харм Азуд аду туусна учрнь. Цаһан хан, чамд элчән илгәж, адуһан туулһввидн, толһаднь шееш, адуһинь хулхалж булаж авчт. Махла теңг бас аввт. Эн авсинтн учрт хойр һурв элчән илгәснә хәрүнь манд эс ирв. Хармд хулдд мана маңһд, әәдрхнә маңһд, терә маңһд әдл одна. Эврәһән бол уга манаг боогчтн юмб? Цергән өгч гигчтн худл. Кинәс Андра Иваныч нөкдтәһән ниднә андһартан келлцсн үг: «Мана урдк авлцсмдн үртхә, хөөткән кицәйә», — гилцж биләвидн. «Манд церг кергтә болхна, та өгх, танд церг кергтә болхна бидн өгх», — билә. Энүнәс Цовлуд морднавидн гиж хойр эклж (дәкж) церг эрввидн — эс өгвт. Харм Цовлу хойр негдж, элчән илгәлдж бәәдг үнн худлинь теңгин хазг медх, суртн. Андһартан

⁹ *yakougiyin* — при адаптации в калмыцком языке русских слов, в частности личных имен, согласный *в* в середине и конце слова часто преобразуется в гласный звук. Имена *Яков, Алексеевич, Ефремович, Матвеевич* пишутся как *Якуу, Алексеүч, Йебрмүч, Мадпиүч*.

келлсн үгинмдн үннь эн мүн. Баярмуд Цаһан ханас мөңг идхдэн манла келлсн үг, келдсн андһарасн үлү дуту ол бичж оддг боллта. Зээһин хазгин Энүшд алдсн дөрвн тов, тавн күүгинь асрж өгввидн. Цергэн миңһн күм өгввидн. Андһарасн давж буру кесн мана алькв келтн. Үвин эштг ниднн аду авв. Зәрминь өгв, зәрминь эс өгв. Эн жилд арв эклж (дәкж) авв. Гучн дөрвн кү, миңһ һару аду, дөчн темә, хойр зуун хө, тавн хотна өлг авв. Зурһан кү алв, нег кү шархдхв. Андһаран эвдж кесн үүлтн тер. Урдк Ик Цаһан хан Элексей Михаличин цагт манд өгдг юман уурвт. Шоңхр, булһ өгхән уурвт. Элчимдн күндлхшт. Андһарлгч жилин теңг өгйә гиж келәд, эс өгвт. Цергин шаңгинь эс өгвт. Дәр хорһлж, төмр хулдулхшт. Биш һазрас авхмдн боонат. Та эс хулдхна, дәр, хорһлж уга бәэхмдн кецү. Бидн андһарасн әәж, орсас һанц дааһ авдго, авсн болхна, келтн. Та манас жил болһн аду авч, әәл талж бәәнәт. Та үрглж авч бәәһәд, түүнән эс медв гем. Манд харж бәәх кецү= Әәдрхнд кинәс Якугин хөөн манд сән баяр ирсн уга. Теңг идх баярмуд ирнә. Ик Цаһан хана туса маңһд кел медх сән баяр илгәтн. Эн үгән эс итклдкнә, тана сән күн энд манла күүндләд, мана сән күн танд ирж, андһарллдтха. Эштегин авсн мал әмимдн сән кү илгәж бүтәлһж өгтн. Элч мини Биик. Нөкднь Эңк, бодьяч Мааньда зурһан күн. Элчимдн мөрәр өтр харултн.

Диахронический перевод на русский язык

Письмо Аюки. Подал Ивану Алексеевичу, Петру Алексеевичу. Здесь мы со всеми здоровы. Там вы со всеми, вероятно, здоровы.

Вы говорите, что мы в Крым и Азов погнали своих лошадей и послали своего посланца. Говорите, что нападаем на Уфу. С Уфимской крепостью мы только сводили счеты, правда это или ложь знают все: Астрахань, яицкие казаки, Самарская крепость (1).

Причина, почему погнали лошадей в Крым и Азов: Белый хан, мы, послав к тебе своего посланца, приказали погнать наших лошадей, а вы помочились на голову, украли и отобрали лошадей. Забрали также шапку с деньгами. По поводу отобранного мы посылали двух-трех своих посланцев, ответ нам так и не пришел.

В Крым для торговли одинаково ходят и наши ногайцы, и астраханские ногайцы, и терские ногайцы. Своим [вы] не запрещаете, а нашим запрещаете [торговать], что это? Слова ваши о том, что мы [в Крым] давали войско – ложь (2).

Князь Андрей Иванович со своими помощниками и мы в прошлом году в своей присяге договорились, что взятое друг у друга ранее не будем брать во внимание, будем заботиться о будущем (3). Вы должны дать войско, если это потребуется нам, и мы должны дать войско, если это потребуется вам. Мы дважды просили у вас войско, чтобы выступить на Хиву (4) и против Чеполова (5), но вы его не дали. Правду и ложь о том, что Крым и Чеполов объединились и обмениваются посланцами, будут знать донские казаки, спросите у них. Это есть правда о взаимной договоренности в нашей присяге.

Похоже на то, что бояре, расходуя деньги Белого хана, пишут много всякого, что-то не дописывают, а что-то пишут лишнее помимо нашей договоренности и нашей присяги.

Мы забрали в Хиве и вернули яицким казакам четыре пушки и пять человек, которых они там лишились. Мы предоставили войско в тысячу человек (6). Где мы нарушили свою присягу и поступили неверно, скажите?

Уфимские башкиры в прошлом году забрали лошадей. Некоторых вернули, некоторых нет. В этом году забирали десять раз. Взяли тридцать четыре человека, тысячу лошадей, сорок верблюдов, двести овец, имущество пяти хотонов. Убили шесть человек, одного ранили. Вот такие вы совершили поступки, нарушив свою присягу.

Вы перестали давать нам то, что давалось во времена предыдущего Великого Белого хана Алексея Михайловича. Перестали давать кречетов и соболей. Послам нашим не оказываете уважения. В год, когда давали присягу, вы обещали дать денежное жалованье и не дали. Жалованье войску также не выдали. Не позволяете продавать [нам] порох и железо. Брать в других местах [нам] не разрешаете. Без вашей продажи пороха и свинца прожить будет трудно. Мы, боясь своей присяги, не мстили русским, если мстили, то скажите [когда]. Вы каждый год берете у нас лошадей, тем самым разоряете айлы. Это преступление — забирая постоянно, не думать об этом. Нам сложно нести охранную службу.

После князя Якова (7) к нам так и не прибыл хороший боярин. Приходят бояре, желающие нажиться деньгами. Пришлите от Великого Белого хана хорошего боярина, знающего татарский язык.

Если нет доверия нашим словам, пусть ваш хороший человек поговорит здесь с нами, наш хороший человек отправится к вам и пусть вместе присягают.

Пошлите хорошего человека и прикажите вернуть сполна наши скот и людей, которых забрали башкиры.

Мой посланец Биик. Его помощники — Энке и подьячий Мааньда. Всего — шесть человек.

Посланца нашего быстрее отправьте назад на лошади.

Комментарии

1. В это время отмечаются вооруженные столкновения на уфимском направлении. Например, в августе 1687 г. калмыки обращались к самарским властям в содействии разрешения конфликта с башкирами, которые еще зимой захватили 200 лошадей. Попытки тайшей обратиться с претензиями к уфимскому воеводе только еще больше подогрели конфликтную ситуацию, поскольку тот взамен захваченных отослал к калмыкам «худых» лошадей. Калмыцкая сторона пригрозила в случае невыполнения их требований «учинить задор»¹⁰.

2. В 1686 г. отмечается резкая активизация контактов калмыков с турецким Азовом и Крымом. Летом из Москвы к Аюке даже был направлен указ о запрете под страхом смертной казни вести всяческие торговые операции с турками и крымцами, продавать им скот и лошадей, возить товары и т. д. В основном информация об этих контактах поступала в Москву через донских казаков, которые имели свою собственную сеть осведомителей, как в калмыцких улусах, так и в турецком Азове. Часто донские посланцы для различных переговоров приезжали к Аюке и были невольными свидетелями таких же приездов в улусы крымских или турецких посланцев. Активизация крымской дипломатии на калмыцком направлении, в первую очередь, была связана с тем, что 21 апреля 1686 г. между Россией и Речью Посполитой был заключен «Вечный мир». Отныне Москва становилась членом антитурецкой коалиции, борющейся с Османской империей и ее вассалом — Крымским ханством.

В декабре 1686 г. из Царицына поступило сообщение, на основе полученной информации от донских казаков, что в Азов прибыло крупное калмыцкое представительство из 100 человек. Часть

¹⁰ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 5. Л. 3].

из них отправилась далее в Турцию, другая — в Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 1]. По всей видимости, именно об этом посольстве от «калмыцкого короля» упоминает в своем сочинении турецкий историк Фундуклулу, когда оно прибыло в Крым с предложением дружбы и услуг. Крымских хан Селим-Гирей, получив приглашение в Порту, взял с собой калмыцких послов в Адрианополь: «Посмотрите, — говорит, — какой падишах еще есть больше меня; и чей я слуга, кому службу правлю» [Смирнов 2005: 438].

3. 24 января 1684 г. Аюка дал вторую шерть астраханскому воеводе кн. Андрею Ивановичу Голицыну, который с 1683 по 1685 гг. находился в этой должности.

4. После заключения шерти 1684 г. Аюка планировал двигаться походом против хивинского хана, который, «от тайши их отложился и дани давать не почал, и торговых людей из улусов их торговать не пускает». Аюка рассчитывал на военную поддержку донских и яицких казаков [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 30. Л. 169, 174–175]. Весной 1686 г. он продолжил подготовку к походу против Хивы и Бухары и просил у Москвы выделить ему 30 пушек с порохом и свинцом, а также 3 тыс. служилых людей. На эту просьбу правительство Софьи Алексеевны указало в Среднюю Азию царские войска не посылать, но отправить с калмыками 1 200 яицких казаков с имеющимся у них вооружением [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 63, 67].

5. Чеполов (*калм.* Цовла) — кумыкский владелец Эндиреевского княжества (Андреевской деревни). В 1686 г. Аюка писал в Москву, что люди Чеполова и Алибека убили «брата Аюкаева» и еще 7 калмыков. Тайша просил царские власти предоставить ему вспомогательный отряд для похода на Эндирей [Шмелев 2004: 233–234]. Сведения об убийстве брата Аюки по наущению эндиреевцев косвенно подтверждает и кумыкское историческое сочинение «Гарихи Эндирей» [Шихсаидов, Айтберов, Оразаев 1993: 116]. В калмыцкой исторической хронике Габан Шараба также упоминается о том, что Аюка-хан простил «... Муртазалия, убившего его, Аюки хана, меньшего брата» [Габан Шараб 2003: 103]. По сведениям А. С. Шмелева, именно Муртузали являлся млад-

шим братом Чеполова и Алибека [Шмелев 2004: 234]. Отсюда можно сделать вывод, что жертвой убийства кумыкского владельца в 1686 г., скорее всего, стал именно Бага-Замса, так как его имя после этого времени больше не фигурирует в русских документах. Аюка дважды запрашивал у Москвы военную помощь против Чеполова, но каждый раз получал отказ. На объяснения властей, что Чеполов является царским подданным, у калмыцкого тайши была своя информация о враждебных его связях с крымским ханом.

6. Здесь имеется в виду предоставление Аюкой тысячного калмыцкого отряда для первого Крымского похода В. В. Голицына в 1687 г. Этот отряд так и не присоединился к русской армии.

7. Под этим именем подразумевается боярин, кн. Яков Никитич Одоевский, который с 1672 по 1674 гг. был астраханским воеводой. 27 февраля 1673 г. именно он принял первую шерть от Аюки под Астраханью, заручившись поддержкой калмыков в войне России против Турции и Крымского ханства [Тепкеев 2010: 49–52].

Синхронический перевод

(Л. 3) Аюка тайша в листу пишет.

Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы бутте здоровы. А я здесь здоровъ есть. Говорили вы, великие государи, что я посылал в Крым и в Озов с продажными лошадми и Уфу город воевали. А Уфу де города не воевали и воиноу ничего не имывали. Буде мы взяли у них хотя одного жеребенка, чтоб великие государи велели сыскать казаками астраханскими, и яйцкими, и самарскими. В Крым и в Озовъ лошадеи гоняли, то (?) ваша правда, Белья цари. Преж сего посылал я послов своих с лошадьми к Москве. Под Пензою у валу на воротех на посыльщиков пензенцы насцали им на голову. По дороге и на Москве руские люди ардабазарных лошадеи крали и насилно отимали, и шапки срывали и денги обрывали, а после де того посылали в два пойма и тем посыльным о том грабежу отповеди никакой не сказали. В Крым ездят с товары астраханские, и терские, и наши татары и нагайцы, а своих де вы нагайских татар не унимаете, а моих де унимаете. Что в Крым сказывали мы давали на помочь воиска, и то де ложь есть. При боярине и воеводах при

князе Андрее Ивановиче Голицыне с товарищи как я шертовал, (Л. 4) и договаривалис на чем, после того руским людем никаких налог мы не чинили. Что до шерти взято было с обеих сторон, того вам и нам не спрашивать, а после шерти что взято будет, и того спрашивати. В договоре у нас было, великим Государем как понадобитца на службу моего войску, и мне было давал, тако ж де и великим Государем мне, Аюкаю, ратных людеи давать же. Я ходил войною на Хиву и на Чеполова (3), и посылал я послов своих двожды просить войску, и великие государи воиску дать мне не указали. Крымские люди с Чеполовомъ мурзою вместе заодно и пересылаютца послами своими промеж себя. Буде мне не поверите, проведаете донскими казаками. У шерти говорили словами правду. Прежние астраханские бояре и воеводы на договорах к вам, великим государем, писывали для служеб своих многое лишное, а ныне боярин в Астарахани Алексей Петрович Салтыков ему, Аюкаю, по указу великих государей на два года денежное жалованье выдал. А как был договор при боярине и воеводах, при князе Андрее Ивановиче Голицыне с товарищи, мне таише и иным таишам на тот год Государева жалованья не дано. Яицкие казаки ходили под Хиву, и они до Хивы не дошли, померли. И после того он, Аюкай тайши, ходил под Хиву, нашел а степи пять человек живых яицких казаков да четыре пушки медных, и тех де казаков и пушки отдал на Яик (Л. 5) <казаком. А> у яицких де казаков <пропали> иконы и они де казаки ему, Аюкаю таише, говорили, бутто видели они те иконы у калмык, и за иконы платил де он, Аюкай, две тысячи рублей казаком, чтоб не быть им в соре. Посылал де я, Аюкай, в прошлом году на службу в полк з Букой таижи тысячу человек. Моего послушания против прежнего есть или нет. В прошлом году башкирцы у меня лошадеи отогнали, полови ну лошадеи отдали, а другую не отдали. Нынешним годом десятью приезжали и многое число лошадеи отгоняли, тритцат четыре человека взяли мускова полу и женскова, тысячу лошадеи взяли, сорок верблюдов, двести баранов, пять кибиток со всяким животом взяли, шесть человек убили, одного человека поранили. После шерти все побрали. Прежние великие государи царь Алексеи Михайловичь меня жаловал своим государским жалованьем, а ныне де мне государева жалованья нет. Присылавали преж сего кречеты и соболи. Послы мои преж сего приезживали к Москве, и их жаловали, а ныне нет, посланников моих против прежнего вашего государева жалования нет. Которые бывали на вашей великих Государей службе калмыки, им государево жалованья давано по порти-

шу сукна да по шапке на человека, а ныне того нет. По вашему великих Государей указу. А в Астарахани пороху свинцу и железа нам не продают, и мы де свинец и порохъ и железа станем покупать и (нрзб), а в Крымъ лошадеи гонять (Л. 6) < не велеть. Как> де шерть учинили, мы <русских городов> не розаряли и скоту <не отганяли>, и нигде ни одного жеребенка ни взяли, а буде взяли мы, и вы к нам пишите. А у нас еже год лошадеи отгоняете и улусных моих людей в полон берут. И про то де вам вам¹¹, великим государем извесно ль. Буде великие государи изволите тех лошадеи сыскать и прикажите отдать. Отдали то добро, а не сыщутца терпеть не станем. После князь Якова Никитича в Астарахани воевод добрых не бывало, только де приезжают денег наживать. Чтоб великие государи пожаловали прислали доброго человека язычного, чтоб по татарски знал. Преж сего езживали язычные люди ко мне. Буде не поверите етому писму, доброго человека пришлите, и я с ним сам стану говорить. Пожалуйте, великие государи, пришлите с Москвы доброго человека, и я с ним переговорю. Да и посланника своего доброго ж пришлю к вам, великим государем. Башкирцы взяли животы, чтоб тот посланник на Уфе у башкирцов сыскал и отдал ему. Присланной мой Бике да товарищ Манидай, да подячей Инкей, адин человек кошевник, всего четыре человека. Великие государи, пожалуйте посланников моих отпустите вскоре конми. Как уедут в степь, так и ардабазарной станицы к Москве не будет, чтоб им застать у Волги [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 3–6].

Заключение

Письмо тайши Аюки 1688 г. содержит отсылки как к местным конфликтам, так и к событиям, связанным с непростой международной политической ситуацией. В письме, которое калмыцкий посол привез в Москву, даны ответы практически на все претензии царского правительства, в частности на имеющиеся контакты калмыков с Азовом и Крымом. Действия калмыков, судя по содержанию письма, являлись в определенной степени демонстрацией независимости и были вызваны необходимостью защиты собственных торговых или военных интересов. Рассматриваемый источник дополняет портрет Аюки как политика, каким он проявляет себя еще не получив ханского титула.

¹¹ Так в источнике.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

БАРМС — Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: В 4-х т.: ок. 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1: А – Г). М.: Academia, 2001. 485 с.

Габан Шараб 2003 — *Габан Шараб*. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 84–107.

Поспелов 2003 — *Поспелов Е. М.* Географические названия России. М.: Книжная лавка, 2003. 348 с.

Смирнов 2005 — *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. В 2 т. Т. 1. М., 2005. 540 с.

Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.

Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 992 с.

Тепкеев 2010 — *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 45–51.

Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалМНЦ РАН, 2018. 359 с.

Тепкеев 2021 — *Тепкеев В. Т.* Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII – первой четверти XVIII в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 10–22. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22

Тепкеев, Бембеев 2020 – *Тепкеев В. Т., Бембеев Е. В.* «Я очень возрадовался тому, что по указу Великого Белого Царя наше дело будет решаться». Письма калмыцкого хана Аюки к государю Петру Алексеевичу и канцлеру Г. И. Головкину в 1714 г. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 223–235.

Тепкеев, Нацагдорж 2016 — *Тепкеев В. Т., Нацагдорж Ц. Б.* Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // Монголоведение. 2016. № 8(1). С. 5–12.

Успенский, Яхонтова 2021 — *Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге: сб. ст. Вып. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 267–294.

Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Том III (Муза — Сят). М.: Прогресс. 1971. 827 с.

Шихсаидов, Айтберов, Оразаев 1993 — *Шихсаидов А. Р., Айтберов М. Т., Оразаев Г. М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. 302 с.

Шмелев 2004 — *Шмелев А. С.* Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. (по материалам кумыкско-калмыцких контактов) // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 2(9). Махачкала, 2004. С. 228–235.

Печать Дондук-Даши

Бембя Леонидович Митруев ¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Митруев Б. Л., 2022

Аннотация. *Введение.* Среди документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкии, сохранилось более 800 писем Дондук-Даши (ум. 21 января 1761 г.) — калмыцкого хана (годы правления: 1741–1761), младшего сына Чакдоржаба и внука Аюки. На всех письмах Дондук-Даши, за исключением двух случаев, стоит китайская печать, перешедшая Дондук-Даши от его отца Чакдоржаба. Исключением является печать, стоящая лишь на одном письме Дондук-Даши, сохранившемся в Национальном архиве Республики Калмыкии, именно она и станет объектом настоящего исследования. *Цель* статьи — ввести в научный оборот сфрагистические данные о печати калмыцкого хана Дондук-Даши и провести параллели со схожей печатью дербетского владельца Ценден-Дорджи, а также предоставить предположение о происхождении печати Дондук-Даши. *Материалом* для исследования послужили письма Дондук-Даши и Ценден-Дорджи, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* В ходе исследования выяснено, что легенды на печатях Дондук-Даши и Ценден-Дорджи написаны тибетской скорописью умэ (тиб. dbu med) с сокращениями, известными на тибетском языке как skung yig. Выдвинуто предположение о калмыцком происхождении печатей.

Ключевые слова: Дондук-Даши, Ценден-Дорджи, печать, сфрагистика, Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Митруев Б. Л. Печать Дондук-Даши // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 39–69. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69

One Seal of Donduk-Dashi Reviewed

*Bembya L. Mitruiev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2022

© Mitruiev B. L., 2022

Abstract. *Introduction.* The National Archive of Kalmykia houses over 800 letters of Donduk-Dashi (d. January 21, 1761), the fourth Kalmyk Khan (r. 1741–1761), younger son of Prince Chakdorjab and grandson of Khan Ayuka. All the letters attributed to Donduk-Dashi — except for two only — bear impresses of the Chinese seal inherited by him from his father Chakdorjab. One of the exceptions is an impress of another seal registered on only one letter of Donduk-Dashi stored at the National Archive of Kalmykia. So, the study focuses on this very seal of Donduk-Dashi. *Goals.* The article seeks to introduce sphragistic data from the seal of Kalmyk Khan Donduk-Dashi, draw parallels with a similar seal once owned by the Dorbet landlord Tsenden-Dorji, and to articulate a hypothesis regarding the origins of Donduk-Dashi’s seal. *Materials.* The study provides insights into the letters of Donduk-Dashi and Tsenden-Dorji housed by the National Archive of Kalmykia. *Results.* The study reveals that legends of the mentioned seals of Donduk-Dashi and Tsenden-Dorji are written in Tibetan *dbu-med* cursive script using abbreviations known in Tibetan as *skung yig*. The Kalmyk origin of the seals is assumed.

Keywords: Donduk-Dashi, Tsenden-Dorji, seal, sphragistics, Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Mitruiev B. L. One Seal of Donduk-Dashi Reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 2: 39–69. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69

Введение

Печати калмыцких ханов и владельцев — малоизученная область исследований. Печатам придавалось особое значение как знакам преемственности власти и ее легитимизации. В этой связи важными аспектами при их изучении и владельцев являются анализ генеалогических линий преемственности, а также возможного получения ханской печати от Далай-ламы, утверждение которым лидеров кочевого государства в ханском звании являлось знаком инвеституры, сопровождавшейся передачей печати «на ханство» и титула.

Автором ранее рассматривались печати хана Аюки [Митруев 2021; Митруев, Гедеева 2021] и хана Церен-Дондука [Митруев 2022б]. В этой статье рассматривается одна из печатей хана Дондук-Даши, внука хана Аюки.

Известно, что у калмыцкого хана Аюки (ум. 19 февраля 1724 г.) было четыре жены¹. Его старший сын Чакдоржаб² (ум. 19 февраля 1722 г.) имел девять жен³. Седьмая жена Чакдоржаба, Даши Би-

¹ Ю. Лыткин в примечании к «Истории калмыцких ханов» перечисляет их имена и дает сведения о детях, которые были от них рождены: «а) Ахала, дочь хошутского Кундулен Убашия; была ученая, умная женщина, от нее родился Чакдоржаб; б) Ванчжил, тоже из дома хошутских владельцев (кого?), от нее родился Гунчжаб; когда Аюки был на войне, нутук прогнал ее к ее родным; в) Тайчжи Абга, дочь зюнгарского Цеван Рабтана, от нее родились: Церен Дондок, Галдан Данчжин, Арабтан, Баран Церен; г) неизвестно ни имя, ни род ее» [Лыткин 1969: 74].

² Калмыцкие имена в русских источниках пишутся по-разному. Поэтому написание имен владельцев в цитатах может отличаться.

³ В. М. Бакунин приводит их имена: «1-я Джал, дочь хошоутова владельца; 2-я Талбаджит, также дочь хошоутова владельца; 3-я Габиль, дочь Дербетева владельца Менко Темира; 4-я Цаган Лама, дочь Цецен хана хошоутова; 5-я Джизага, дочь хошоутова владельца, а прежде Чакдоржапа была замужем за Аюкиным родным братом, а за Чакдоржаповым дядею Джамсою; 6-я Бату, дочь хошоутова владельца <...>. 7-я Даши Би-рюнь, дочь зенгорского владельца прежде была замужем за сыном хана Аюки Гунделеком, от которого имела и сына, имянуемого Амдоу, он же и Дамрин Бамбар <...>. 8-я вышеписанная татарка Хандаза. 9-я — вдова, бывшая жена российского подданного, жившего на реке Терке, недалеко

рюнь⁴, стремясь передать владение своим улусом своему малолетнему сыну Дамрин Бамбару, вынуждена была усыновить Дондук-Даши, «чтоб сыну ее был за брата», и объединить свой улус с улусом Дондук-Даши, «дабы от насильства и от неприятелей защищал» [Батмаев 1993: 56].

После смерти 21 марта 1741 г. калмыцкого хана Дондук-Омбо наместником Калмыцкого ханства грамотой от 16 августа 1741 г. был назначен сын Чакдоржаба Дондук-Даши. Объявление наместником было провозглашено В. Н. Татищевым во время съезда калмыцкой знати в урочище Харабали 16 ноября 1741 г. [Батмаев 1993: 75]. 21 марта 1757 г. Елизавета Петровна подписала указ о назначении Дондук-Даши ханом, а его сына — наместником ханства. Письмом от 11 мая 1757 г. канцлер А. П. Бестужев-Рюмин сообщил об этом Дондук-Даши [Батмаев 1993: 300]. Провозглашение же Дондук-Даши ханом и сына его наместником ханства состоялось спустя год, 30 апреля 1758 г., в Соляном займище недалеко от Черного Яра [Батмаев 1993: 301]. 21 января 1761 г. калмыцкий хан Дондук-Даши скончался в урочище Бугута севернее р. Кумы, в 200 верстах южнее Астрахани. На другой день тело хана было

от казачьего Щедрина городка, брагунского владельца Кучюка, к которой Чакдоржап приезжал только по зимам» [Бакунин 1995: 33–34]. От этих жен у Чакдоржаба были следующие дети: «От первой Джалы — Дасанг, Баксадай Доржи, Нитар Доржи и Гунцук Джап (нем и безумен). От третьей Габилы — Дондук Даши, Бодонг, Солом Допчин, Доржи Раши, Яндак и Бусурман Тайджи. От четвертой Цаган Ламы — Данжин Доржи, отец владельца Лаванга <...>. У него же, Чакдоржапа, был старшей сын Бату, рожденной от подложницы, однако же почитался в числе его детей и нойонов» [Бакунин 1995: 34].

⁴ Даши Бирюнь была замужем последовательно за тремя братьями, сыновьями Аюки: Гунчжабом, Гунделеком и Чакдоржабом [Батмаев 1993: 55]. После смерти Чакдоржаба ее руки стали добиваться сыновья бывших мужей: Досанг, Баксадай-Доржи (дети Чакдоржаба), Дондук-Омбо (сын Гунчжаба), а также их дядя Церен-Дондук (сын Аюки), стремившиеся заполучить находившийся под ее управлением Багацатановский улус, который по разным данным состоял от 1 000 до 5 000 кибиток [Батмаев 1993: 55].

кремировано⁵ [Батмаев 1993: 346]. Затем следовал младший сын Убаши (даты правления 1761–1771).

У Дондук-Даши было три жены. Первая жена Церен-Джит умерла в 1742 г., а 16 августа 1744 г. умер 10-летний сын Асарай, содержавшийся в Астрахани аманатом. Вторая жена Деджит в 1744 г. родила сына Убаши. Она умерла в 1755 г. В 1756 г. Дондук-Даши женился на младшей родной сестре умершей Деджит — Церен-Джал, известной также и под именем ханши Найджитун [Батмаев 1993: 344]. Впоследствии ханша Найджитун откочевала в 1771 г. вместе с Убаши в Джунгарию.

В правление Дондук-Даши калмыцкая конница участвовала на стороне русской армии в Семилетней войне с Пруссией. Дондук-Даши стал инициатором принятия новой редакции законов, перевод которых был опубликован К. Ф. Голстунским [Голстунский 1880].

Активная деятельность хана Дондук-Даши отражена в разных документах, сохранившихся в архивных хранилищах, в том числе в его переписке. Письма хана Дондук-Даши имеют печати, среди которых одна печать встречается лишь на одном письме из Национального архива Республики Калмыкия. Цель статьи — ввести в научный оборот сфрагистические данные о печати калмыцкого хана Дондук-Даши и провести параллели со схожей печатью дербетского владельца Ценден-Дорджи, а также предоставить предположение о происхождении этой печати Дондук-Даши.

О посольстве Дондук-Даши к Далай-ламе и возможном получении печати от религиозного иерарха

Дондук-Даши стал заботиться о получении инвеституры власти от Далай-ламы вскоре после назначения наместником. 7 июля 1742 г. он обратился к российским властям отпустить его посольство, состоящее из 10 человек, к Далай-ламе. Кроме того, Дон-

⁵ Место его кремации находится на кургане, называемом в народе Чиндурта (ныне — территория Лаганского района Республики Калмыкия). На месте кремации в разные периоды были установлены различные культовые объекты, среди которых последней по времени возведения явилась ступа Просветления [Бакаева 2018: 5].

дук-Даши просил императрицу Елизавету Петровну, чтобы «о пропуске ево посланцов послать грамоту к китайскому хану, ибо он бес того не пропускает» (цит. по: [Китинов 2020: 429]). После долгой переписки через Тушэту-хана Тубдандоржа (годы правления 1742–1746), а затем после его смерти через Тушэту-хана Жампилдоржа (годы правления 1746–1760) китайский двор отказал в разрешении отправить посольство [Китинов 2020: 429].

24 февраля 1748 г. Дондук-Даши пишет в Коллегию иностранных дел (КИД) о желании отправить в мае 1748 г. посольство из 118 человек, из которых четыре — «главные посланцы»: Зоучи-гелюнг, Хошучи Цойджиб Тайджин, Шарап Даржа, Абуджи. Из них 23 должны были остаться на обучение в Тибете [Курапов 2018: 221⁶]. В конечном итоге Дондук-Даши удалось добиться одобрения численности посольства в 60 человек, из которых 40 ехали за калмыцкий счет, а 20 человек за казенный⁷. 3 сентября 1755 г. Н. Г. Спицын выдал посольству подорожную и сообщил об отправлении 60 калмыков в Сибирь и далее в Тибет казанской, сибирской и иркутской канцеляриям. Чжао Линчжи пишет, что посольство состояло из 20 посланников, 20 обучающихся и 20 слуг [Zhào Lingzhì 2021: 101], однако те, кто прибыл для изучения писаний, были оставлены на границе. Таким образом, посольство было уменьшено до 40 человек, включающих в себя 19 посланцев и 21 слугу, и имело при себе 100 наемных верблюдов, 33 собственных верблюда, 60 собственных лошадей, 17 ружей и 11 колчанов стрел [Zhào Lingzhì 2021: 102]. 18 марта 1756 г. посланцы наместника Дондук-Даши в составе 61 человека выехали из Иркутска на китайскую границу. После смерти Зоучи-гелюнга⁸ в пути во главе

⁶ Авторы по-разному читают этот документ из Архива внешней политики Российской империи [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 42об.]. Б. У. Китинов, который также ссылается на этот документ, письмо датирует 28 февраля 1748 г., адресатом указывает императрицу [Китинов 2020: 429], речь идет о 113 участниках посольства [Китинов 2020: 429].

⁷ У Б. У. Китинова: «Власти согласились оплатить 40 чел., за 20 Дондук-Даши заплатил сам» [Китинов 2020: 429].

⁸ В китайских документах он назван Рабдан [Zhào Lingzhì 2021: 107].

калмыцкого посольства встал Хошучи Цойджиб. Позднее в пути посольство потеряло еще трех человек, которые умерли «на китайской стороне» [Пальмов 1927: 162]. 2 декабря 1757 г. посольство Дондук-Даши перешло русскую границу с китайской стороны и было принято в Кяхте пограничным русским начальством от китайского зургучея Улюмча [Пальмов 1927: 162–163].

Во время своего путешествия в Тибет посольство встретилось с императором Цяньлуном (годы правления 1736–1795). В 16 томе написанных Чжан-му (кит. 张穆; Zhāng mù) «Записок о монгольских кочевьях» (кит. 蒙古游牧; měnggǔ yóu mù jì), озаглавленном «Новый и старый элюто-монгольские Торгутские аймаки», сказано: «В 21 год правления Цяньлуна [т. е. в 1756 г. — Б. М.] посланник Чой чжаб (кит. 吹札布; chuī zhá bù) и другие получили аудиенцию [у Цянь-луна], где он заявил, что, получив приказ от своего хана Донроб-раши⁹ (кит. 汗惇啰布喇什; hàn dūn luō bù lǎ shén), проехав через [всю] Россию, только на третий год¹⁰ прибыл на место [т. е. Китай. — Б. М.]. Он просил разрешения отправиться в Тибет (кит. 唐古特; tánggǔ tè) посетить Далай-ламу. [Император] отправил с ним [проводимыми] чиновников. В 22 год [правления Цяньлуна] [т. е. в 1757 г. — Б. М.] по возвращении из Тибета ему были жалованы подарки для хана Донроб-раши»¹¹ [Zhāng mù 1867: 4]. В переводе П. С. Попова этого отрывка из «Мэн-гу-ю-му-цзи» местом встречи с Цяньлуном назван Пекин, хотя он не упоминается в оригинале [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 144].

Вернемся к началу посольства. В мае 1756 г. оно прибыло в Цурухайту, место недалеко Кяхты. Таким образом, маршрут посольства проходил от Кяхты в Чжанцзякоу, откуда, отдохнув в течение 10 дней, оно отправилось в путь 20 числа по лунному календарю (13 сентября 1756 г.) и за 5 дней добралось до Пекина [Zhào Lingzhi 2021: 102]. Из Пекина посольство отправилось в Жэхэ, где

⁹ Донроб-раши — близкий тибетскому оригиналу (тиб. don grub bkra shis) вариант написания имени хана Дондук-Даши.

¹⁰ Путешествие посольства началось в сентябре 1755 г., а границу на обратном пути оно пересекло 2 декабря 1757 г.

¹¹ Перевод автора статьи.

5 октября 1756 г. состоялась встреча с императором Цяньлуном [Zhào Lìngzhì 2021: 102; Fu Lo-shu 1966: 198–199]. После этого посольство снова вернулось в Пекин, откуда в начале октября отправилось в Тибет, на своем пути проходя через почтовые станции в следующих уездах и городах: Чжэндин, Цзинсин, Тайюань, Линьфэнь, Тунгуань, Сиань, Баоцзи, Нинцян, Мянъян, Чэнду, Батанг, Чамдо. 25 дня первого месяца по лунному календарю (15 марта 1757 г.) посольство достигло Лхасы [Zhào Lìngzhì 2021: 103], где его участники встретились с VII Далай-ламой.

Во втором томе «Краткого изложения биографии VII Далай-ламы „Сноп деревьев, исполняющих желания“» (тиб. rgyal ba'i dbang po thams cad mkhyen gzigs rdo rje 'chang blo bzang bskal bzang rgya mtsho dpal bzang po zhal snga nas kyī rnam par thar pa mdo tsam brjod pa drag bsam rin po che'i snye ma), написанном Чангкья Ролпе Дордже (lcang skya rol pa'i rdo rje; 1717–1786) есть текст, повествующий о встрече с китайскими чиновниками, сопровождавшими посольство Дондук-Даши: «В это время дворянин, начальник императорских телохранителей¹² Фу Цзин (кит. 傅景; Fù jǐng) вместе с чиновниками, отправленными специально для сопровождения торгутских паломников, совершающих добродетели, прибыли для сообщения о своем прибытии. Далай-лама, как и прежде, с благодарностью принял переданное с ними благое послание великого императора [Цяньлуна] и опухало с рукоятью, сделанной из драгоценного камня, а также подарок в виде множества парчовых тканей. Затем он даровал благоговение своей дланью и угощение чаем, а также побеседовал с ними»¹³ [lcang skya rol pa'i rdo rje: 309].

Интересно, что в этом отрывке использован заимствованный из монгольского термин *khiyA*, «телохранитель, начальник импе-

¹² В статье Чжао Линчжи он назван «стражем главных ворот внутреннего двора Запретного города в Пекине» (кит. 乾清门侍卫; Qián qīng mén shìwèi) [Zhào Lìngzhì 2021: 100]. Фу Цзин являлся чиновником третьего класса (кит. 三品; sānpǐn) из девяти, что говорит о его достаточно высоком положении в цинской администрации [Zhào Lìngzhì 2021: 105].

¹³ Здесь и далее перевод с тибетского языка автора статьи.

раторских телохранителей» — это монгольское слово *kiy-a*, позднее заимствованное в маньчжурский [ЭСМЯ 2016: 131], здесь оно переведено «начальник императорских телохранителей».

Таким образом, сопровождающие посольство Дондук-Даши чиновники доложили о своем прибытии Далай-ламе и передали подарки от Цяньлуна.

18 марта 1757 г. посольство Дондук-Даши было принято VII Далай-ламой [Zhào Lingzhi 2021: 103], здоровье которого продолжало ухудшаться. Его недуг, возникший еще в год «Воды-Птицы» (1753 г.) [Icang skya rol pa'i rdo rje: 312], постепенно ослаблял здоровье¹⁴ Далай-ламы, в конечном итоге приведя к его кончине во дворце Потала 3 числа второго лунного месяца по тибетскому календарю [Shakabpa 2010: 477; Norman 2009: 364], эта дата соответствует 22 марта 1757 г. по европейскому календарю¹⁵.

В биографии Далай-ламы VII имеются уникальные сведения о посольстве калмыцкого хана Дондук-Даши, которое все же получило аудиенцию у верховного иерарха — хотя в историографии высказывались разные мнения о том, выполнило ли посольство свою задачу [Бакаева 2019: 909; Курапов 2018: 222; Китинов 2020: 430¹⁶]. Учитывая значение этого свидетельства тибетского источника, приведем полностью отрывок о посольстве Дондук-Даши. Так, в биографии сказано¹⁷:

¹⁴ Возможно, Далай-лама был болен туберкулезом, так как он страдал от кашля с кровью, а симптомы болезни напоминали простуду.

¹⁵ Эту же дату приводит Б. У. Китинов [Китинов 2020: 430].

¹⁶ Б. У. Китинов пишет: «Вероятно, посланцы Дондук-Даши успели получить от Далай-ламы ханское звание и печать — калмыцкие владельцы получают такие печати из Тибета от Далай-ламы...; это отмечено в архивном материале после возвращения посольства [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 22. 1760. Л. 2]» [Китинов 2020: 430].

¹⁷ А. М. Позднеев отмечает это упоминание посольства калмыцкого хана Дондук-Даши в биографии Далай-ламы VII, привезенной в 1880 г. из Урги Цэрэн-Бальджир Дугаровой, вдовствующей супругой харахусовского нойона Церен-Убуши Дугарова (ум. 29 ноября 1872 г.) [Позднеев 1897: 122].

de nas 'di skabs sku dngos kyis 'dul ba'i gdul bya'i mtha' ma thor god nas bod gangs can gyi yul du nmam dkar gyi ched du yongs pa'i mi sna nmams la ston chen gyi thog 'byor phyga ga gnang rtsis yin yang sku khams gdangs bskyed gtan nas ma bzhes pa bcas/ sku 'khor ba nmams nas da cha rezhig mjal kha mi gnang ba dang slar sku khams gdangs bskyed bzhes 'phral gnang bar gsol ba la/ sa thag ring nas dka' spyad kyis sdug bsngal khur du bzod par byas nas yongs par song gshis da lam ngos 'phrad ma byas na slad char rten 'brel 'dzom pa zhi rang e yong mi shes des na kho tsho yid pham 'gro/ ngos 'phrad byas pa rang gis nged kyis gzugs ma bde ba dang 'khrugs skyon sogs mi yong bas cis kyang mjal kha thong phebs pa bzhin gzim chung du/ tA zhin sogs dpon khag dang thor god a yu She rgyal po'i tsha bo thor god kyis dpon don grub bkra shis kyis mi sna sngar rgyal mchog lnga pa chen po'i sku dus zhwa ser gyis bstan par bya ba byas pa sha chin ni dar han gsung rab ba dur tha'i ji'i tsha bo yin tshul chos skyabs tha'i ji/ a yu She khang gi ha thun d+harma pa la'i mi sna tshul khriims/ don grub bkra shis kyis bu o pa shi kun dga' tshe ring gi mi sna kun dga'/ don grub bkra shis kyis spun rdo rje bkra shis kyis mi sna shes rab dge slong / yang de'i spun snyan grags kyis mi sna bstan pa dar rgyas/ yang de'i spun bu sa ra man gyis mi sna blo bzang bstan pa/ tshe dpag rdo rje'imi sna shes rab/ ma shi'i mi sna dkon cog/ dur bod kyis dpon dga' ldan tshe ring gi mi sna thabs mkhas/ ho shod dpon 'jam dbyangs kyis mi sna ngag dbang / ho shod dpon yar 'phel gyis mi sna sbyin pa/ ho shod kyis dpon thub chi'i mi sna rgya mtsho/ tshe ring don grub kyis dge sgrub pa chos grags/ dga' ldan bstan 'dzin gyis dge sgrub pa ngag dbang sbyin pa/ kun dga' bde legs kyis dge sgrub pa chos 'phel bkra shis/ zla bzang gi dge sgrub pa ngag dbang bkra shis/ don grub dbang po'i dge sgrub pa 'phrin las/ sang skyabs kyis dge sgrub pa bsam gtan/ bo dung gi dge sgrub pa em chi/ don grub bkra shis kyis ha thun gnyis kyis dge sgrub pa ngag dbang dang rgya mtsho gnyis/ rab 'byams pa blo bzang gi mtshams zhu dang spos khang bla ma'i dge sgrub pa smon lam dar rgyas/ a yu She rgyal pos sngar nas rgyal ba mchog la phul ba'i dung kha stong phrag gnyis sde spyi'i mtshams zhu ba dang shag skor bla ma'i dge sgrub pa dpal ldan/ gnas chung chos skyong la [316] phul ba'i sde stong phrag gcig spyi nas btang ba'i sbyin pa bkra shis dang ngag dbang shes rab/ rab 'byams pahu thog thu'i dge sgrub pa nam mkha' dar rgyas/ chu bzang bla ma'i dge sgrub pa ngag dbang don grub/ sgo mang bla ma'i dge sgrub pa bzang po/ dge slong em chi ngag dbang grags pa'i dge sgrub pa yon tan/ al dar dka' bcu'i

dge sgrub pa bsam gtan/ em chi rab 'byams pa'i dge sgrub pa rgya mtsho rnams dang / gzhan yang dang bas yongs pa dang rogs byed bcas gong gsal ngo g.yog rnams kyis phyag rten maN+Dal sogs phul zhing mjal kha ja gral stsal/ skabs 'dir bka' las khyed rnams gong ma chen por dgongs zhus kyis bod chos kyi zhing dam par bla ma dkon mchog la mchod pa dang dge 'dun la bsnyen bkur ba'i slad du yongs ba shin tu legs/ lam bgrod bde zhing rang yul du sangs rgyas kyi bstan pa'i snying po dri ma med pa zhwa ser cod pan 'chang ba'i ring lugs 'phel rgyas che ba e yod phebs 'dug par/ el chi tha'i ji chos skyabs nas/ rgyal ba rdo rje 'chang khyed kyi thugs rjer brten nged rnams lam bgrod bde bar byung / yul du sangs rgyas kyi bstan pa rgyas pa'i thabsdang smon lam la brtson pa lhur len bgyis shing mgon po khyed la gsol ba btab pa'i mthus da phan dga' mo yod/ da ni rgyal khams spyi dang khyad par bdag cag gi yul phyogs su sangs rgyas kyi bstan rgyas pa dang / 'gro ba bde ba sogs rgyal ba khyed rang gi thugs rjer rag lus kyi gsol ba 'debs pa lags na thugs rjes skyong ba dang / lo snga ma rim can nas sku ma bde ba'i tshul bzhes lugs/ de la gong ma chen pos [317] kyang bod du sman pa ched du gnang ba dang / pho brang pi cing du yang sku rim rgya cher mdzad pa sogs nged tshor yang gong nas bka' phebs byung / lhag par da lam nged tsho 'byor gdong 'dir sku khams sngar las kyang mi gdangs pa'i tshul bzhes pa ni nged rnams bsod nams re dman snyam du sdug bsngal bzod glags mi gda' bas nyam thag 'gro ba nged tsho gcig pu'i don du yang sku rin po che bsnyun tshul las myur du gdangs pa dang / zab rgyas chos 'khor bskor ba sogs ring nas smon pa'i rnam dkar phan bde'i 'dod don zhu rgyu rim bzhin zhus chog pa zhig cis kyang mkhyen mkhyen zhus 'dug par/ bka' las nged sngar nas 'khrugs glo lta bu zhig gis ma bde nas yun ring tsam song / da lam gсар du cham nad lta bus bro 'tshal ba las nad kyi zug rngu sogs mi 'dug/ nged ma bde ba 'dir khyed rnams yid dub mi dgos zhes phebs snang /.

«Затем в это время последними из обуздываемых, кого необходимо обуздать»¹⁸, были посланцы, прибывшие из торгутской земли в снежную страну Тибет ради совершения добродетельных деяний. Хотя [Далай-лама] собирался устроить для них пир и принять их доклад о прибытии, так как его здоровье ухудшилось, его окружение молило его не давать аудиенцию в этот раз,

¹⁸ Тиб. gdul bya, букв. «те, кого необходимо обуздать», т. е. ученики.

а принять посольство, когда его здоровье улучшится. В ответ Далай-лама изрек: „Так как члены посольства прибыли издалека, перенеся много страданий из-за трудностей в пути, если я не встречу с ними сейчас, неизвестно, возникнут ли условия для [встречи] снова позднее, из-за этого они будут разочарованы. Сама же встреча не вызовет у меня недомогания, ухудшения здоровья и прочего, поэтому несмотря ни на что, дам им аудиенцию“. Согласно сказанному, в покоях [Далай-ламы] была дана аудиенция и угощение чаем министру¹⁹ и прочим чиновникам, а также посланникам торгутского наместника Дондук-Даши, внука торгутского Аюка-хана: Чойджаб-тайджи, внуку шашини-дархана Сунграб Батур-тайджи, который прежде во времена Великого пятого Далай-ламы вершил деяния ради желтошапочного учения; Цюрюм-[гецулю], посланнику хатун Аюки-хана Дарма-Балы; Гунге, посланнику сына Дондук-Даши Убаши-Гунга-Церена; Шарап-гелюнгу, посланнику брата Дондук-Даши Дорджи-Раши; Дамба-Дардже, посланнику его другого брата Яндыка; Лузан-Дамбе, посланнику его другого брата Бусурмана; Шарару, посланнику Цебек-Дорджи; Гуңуку, посланнику Маши; Табка, посланнику дербетского владельца Галдан-Церена; Габану, посланнику хошутского владельца Замьяна; Джимбе, посланнику хошутского владельца Еремпяля; Джамцо, посланнику хошутского владельца Тукчи; Чой-рагу, посланнику Церен-Дондука; Габан-Джимбе, посланнику Галдан-Данджина; Цомпил-Раши, посланнику Гунделека; Габан-Раши, посланнику Дасанга; Принлаю, посланнику Дондук-Омбо; Самтану, посланнику Санджиба; Эмчи, посланнику Бодонга; Габан и Джамцо, посланникам двух хатун Дондук-Даши; Молом-Дардже, посыльному Лузан-равджамбы и посланнику Буканг-ламы; посыльному аймака из двух тысяч семейств, поднесенных Аюка-ханом Далай-ламе; Балдану, посланнику Шакур-ламы; Джимба-Раши и Габан-Шерапу, отправленным от миньгана, поднесенного защитнику учения Нечунгу; Намка-Джардже, посланнику Аранджамба-хутугты; Ендону, посланнику Чубзан-ламы; Самтану, посланнику

¹⁹ В данном случае «министр» (тиб. tA zhin; кит. 大臣; dàchén) обозначает Фу Цзиня, занимавшего пост стража главных ворот внутреннего двора Запретного города в Пекине.

Алдар-габцу; Джамцо, посланнику Эмчи-Равджамбы. Также вышеназванные знатные лица и слуги, прибывшие из веры и оказывавшие помощь, поднесли подарки, мандалу и прочее. Далай-лама дал им аудиенцию и угощение чаем.

Затем Далай-лама рек: „То, что вы прибыли в святую область Тибета с разрешения великого императора ради совершення подношений учителям и трем драгоценностям, а также для выражения почтения перед монашеской общиной, совершенно прекрасно. Было ли ваше путешествие комфортным? Процветает ли на вашей родине традиция держателей желтых шапок, которая есть совершенно чистой сущностью учения Будды?“. Посол тайджи Чойджаб отвечал: „Победоносный Ваджрадхара, вашей милостью наше путешествие было легким. Мы всецело усердствуем в средствах и молитвах для процветания учения Будды на своей земле. Силой наших молитв, обращенных к Вам, Покровитель, до сего дня мы пребывали в радости. Ныне же, так как процветание учения Будды в мире в целом, а в частности в нашей земле, а также благоденствие живых существ зависит от вашей милости, мы молим Вас оберегать нас своим состраданием! Так как в течение нескольких прошлых лет вы являете облик недужащего, великий император отправил в Тибет лекарей, а также совершает во дворце в Пекине обширные ритуалы [для Вашего выздоровления] и прочее, о чем он изволил рассказать и нам. В особенности теперь, когда мы прибыли пред Ваши очи, мы полагаем, что [видим] ухудшение Вашего состояния из-за нашего недостатка заслуг, вследствие чего испытываем невыносимые муки. Поэтому мы молим Вас, лишь ради нашего, беззащитных существ, блага, чтобы ваше драгоценное тело скорее избавилось от недуга, и Вы сооблаговолили поворачивать колесо обширной и глубокой дхармы и т. д., о чем мы беспрестанно молим ради добродетельного блага и счастья и по порядку доводим до Вашего сведения“. В ответ на такую просьбу Далай-лама рек: „Я давно чувствую себя нездоровым из-за кашля, теперь же к прочему добавилась болезнь простуды, однако я не испытываю болей и прочего из-за недуга. Вы не должны печалиться из-за моего нездоровья“» [[lcang skya rol pa'i rdo rje: 315–317](#)].

Из приведенного отрывка биографии Далай-ламы мы узнаем не только о том, что встреча посольства с Далай-ламой состоялась незадолго до его смерти, но и имена посланцев, а также тех, от чьего лица они отправились в Тибет. Из этого текста также видно, что некоторые посланцы были отправлены людьми, уже умершими к этому времени. Так, Шакур-лама умер в Петербурге в 1736 г., Дасанг — в 1737 г., Дондук Омбо — в 1741 г., Бодонг был убит в 1741 г., супруга Даши-Дондука Церен-Джит умерла в 1742 г., а другая супруга Деджит — в 1755 г. Тибетским эквивалентом для термина «посланник» в вышеприведенном тексте является тибетское слово *dge sgrub*, являющееся сокращением для тибетского *dge rtsa sgrub mi*, «человек, совершающий добродетели» от чьего-то имени. Таким образом, посланники совершали паломничество в Тибет ради накопления заслуг для здравствующих и усопших. Другой тибетский термин, использованный в данном отрывке, — тибетское слово *mtsham szhu*, переведенное здесь «посыльный», обозначает человека, который везет с собой чье-то послание или посылку. В отрывке также использован монгольский термин *хатун*, значащий «княгиня, ханша».

Интересно отметить, что в рассматриваемом отрывке текста Аюка назван на тибетском *khang*, «ханом» или *rgya lpo*, «правителем/царем», в то время как Дондук-Даши называется *dpon*, что переведено как «владелец». Дондук-Даши был провозглашен российскими властями ханом только в 1758 г., уже после отправления посольства в Тибет.

Кроме того, что этот отрывок устраняет любые сомнения относительно встречи посольства Дондук-Даши с Далай-ламой VII Келсанг Гьяцо, он также является полезным источником информации об личных именах тех, кто отправил посланников. Так, благодаря информации из биографии Далай-ламы VII мы узнаем личное имя Убаши — Гунга-Церен (тиб. *kun dga' tshe ring*), неизвестное прежде в историографии. Кроме того, выясняется тибетское написание титула Буканг-ламы²⁰, учившегося в тибетских монасты-

²⁰ В некоторых источниках его титул пишется Покон-лама или лама Бюкюнчин.

рях и установившего монашеские ритуалы в 12 монастырях при хане Аюке [Курапов 2018: 112]. Буканг или Покханг (тиб. spros khang) — монастырь традиции гелук в Панаме²¹ провинции Цанг. Первоначально он был основан как монастырь традиции кадампа в 1213 г. Джангчубом Пелсангпо (тиб. byang chub dpal bzang po). В XVII в. он был преобразован в гелукпинский монастырь²².

Лузан-равджамба, упомянутый в рассматриваемом отрывке тексте, — заргучи-лама Лузан Данджин (тиб. blo bzang bstan'dzin) [Zhào Lingzhì 2021: 107], также известный как Лоузан Джалчин или Лобсан Данцен.

Видимо, посольство Дондук-Даши продолжало находиться в Лхасе, когда через несколько дней после аудиенции скончался Далай-лама: на 10-й день второго лунного месяца (30 марта 1757 г.) члены посольства (включая слуг) отправились во дворец Потала, где «поднесли» (то есть заказали) заупокойную службу для Далай-ламы [Zhào Lingzhì 2021: 104].

Кроме того, будучи в Лхасе, посольство также посетило Кончок Джигме Вангпо (тиб. dkon mchog 'jigs med dbang po; 1728–1791), второе воплощение известного тибетского ламы Джамьянг Шебы. В его биографии «Врата, ведущие в океан сынов Победоносных» (тиб. dus gsum rgyal ba'i spyi gzugs rje btsun dkon mchog 'jigs med dbang po'i zhal snga nas kyi rnam par thar pa rgyal sras rgya mtsho'i 'jug ngogs), написанном Гунгтханг кончок Тенпе Донме (тиб. gung thang dkon mchog bstan pa'i sgron me; 1762—1823), сказано:

gdung lo sum cu bzhes pa'i dpyid 'bring gi tshes gsum la kun mkhyen rgyal ba'i dbang po zhing gzhan du dgongs pa gtad par bzod glags med pa'i thugs ngal yun ring mdad cing <...> lo 'dir shar phyogs rgya mtsho'i pha rin nas thor god don grub rgyal po'i mi sna dbus su 'byor ba rnam kyis gsol ba btab ste/ rdo rje 'jigs byed lha

²¹ Панам (тиб. pa snam) — сейчас округ в Тибетском автономном районе Китая.

²² Treasury of Lives (= Сокровищница жизнеописаний) [электронный ресурс] // URL: <https://treasuryoflives.org/en/institution/Pokhang-> (дата обращения: 31.07.2022).

bcu gsum ma'i dbang chen cho ga phyag len gsung bshad bcas zhib rgyas su gnang / lo tsa btsugs nas brda sprod bcug pas yid 'gyur ba'i dad gus tshad med skyes te/ khyad nor du ma dang bcas pa'i 'bul ba rgya cher bstabs/ rgyal pos dri ba 'ga' zhig zhus pa'i lan du tshangs pa'i 'khor lo zhe bya ba ljags rtsom mdzad de the tshom gyi 'ching ba rtsad nas bcad/

«Когда ему [Кончок Джигме Вангпо] исполнилось тридцать лет, в третий день второго месяца весны (т. е. 22 марта 1757 г.) всеведущий Владыка Победоносных [Далай-лама] направил свой ум в другую сферу [т. е. покинул сей мир — Б. М.], вследствие чего [Кончок Джигме Вангпо] в течение долгого времени испытывал глубокую печаль <...> В этот же год с другого берега моря на востоке в Центральный Тибет прибыли посланники торгутского правителя Дондука [-Даши], которые обратились с мольбой [даровать посвящение]. Согласно их просьбе [Кончок Джигме Вангпо] даровал великое посвящение тринадцати божеств Ваджрабхайравы²³ и подробное и пространное объяснение согласно ритуалу и традиции. Был приглашен переводчик, которому было наказано переводить, [по получении наставлений] у слушающих появились безмерная вера и почтение, преобразившие их умы. [В благодарность посланники] совершили богатое подношение множества особых ценных вещей. В ответ на некоторое количество вопросов повелителя [Дондука-Даши], [Кончок Джигме Вангпо] написал „Колесо Брахмы“ и тем самым устранил оковы сомнений [Дондука-Даши]» [dkon mchog bstan pa'i sgron me 1999: 51 r.–52 v.].

После этого посольство посетило Панчен-ламу в Таши-Лхунпо, куда прибыло 12 дня третьего лунного месяца (1 мая 1757 г.). На следующий день (2 мая 1757 г.) посольство отправилось выразить почтение Панчен-ламе и преподнести подарки [Zhào Lingzhi 2021: 104]. Вот что сказано об этой встрече в биографии Панчен-ламы Лобсанг Палден Еше (blo bzang dpal ldan yeshes; 1738–1780) «Лучи солнца» (тиб. blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas kyi gnam par thar pa'i nyi ma 'od zer), написанной II Джа-

²³ Одно из буддийских тантрических посвящений.

мьянг Шебой Кончок Джигме Вангпо (dkon mchog 'jigs med dbang po; 1728–1791):

zla ba gsum pa'i tshe bcu gsum la gong ma chen po'i sku tshab phu khA/ jar bi ngo g.yog dang / thor god han don grub bkra shis kyi el chi chos skyabs tha'i jis mtshon mi sna khag la sa dmar du rta thab kyi bsu babstar/ gong ma chen po nas gnang skyes gos yug drug/ shel gyi spyad pa dang / gu gu sha'i yol go /gos chen gyi khug ma/ kha shas bcas phu khA dang jar bi'i gdong bstsal bar gong ma chen por sku'i 'tshams zhu mdzad/ gnang rten rnams bdag gir bzhes nas dpon po rnams la mjal kha dang ja gral gnang / tshes bcu bzhi la phu khA dang jar bi sogs rgya dpon khag dang thor god kyi el chi rnams kyis dngos 'bul bcas sger mjal zhus/ tshe ldan dang tshe 'das mang po'i ched 'bul bskur gtos che ba bstar ba rnams 'bras ldan du 'gyur ba'i bka' drin bstsal/.

«13 числа третьего тибетского месяца (т. е. 2 мая 1757 г.) в местечке Самар, „Красная земля“ (тиб. sa dmar), Панчен-лама встречали различные люди верхом, в том числе представители великого императора Фуча²⁴ [тиб. phu khA; кит. 富察; Fù chá. — Б. М.] и Джарби²⁵ вместе со слугами, а также посланник торгутского хана Дондук-Даши Чойджаб-тайджи. Во время аудиенции Фуча и Джарби вручили ему подарки от великого императора: 6 штук сукна, хрустальную посуду, эмалированную посуду и несколько парчовых мешков. [Панчен-лама] принял подарки и дал чиновникам аудиенцию и угощение чаем.

<...> 14 числа третьего тибетского месяца (т. е. 3 мая 1757 г.) Фуча, Джарби и другие китайские чиновники, а также торгутские посланники получили личную аудиенцию и совершили подношение. Своей милостью он сделал так, что большие подношения, совершенные ради многих здравствующих и усопших, имели плодотворное завершение» [dkon mchog 'jigs med dbang po 1990: 279].

²⁴ По всей видимости, это вышеупомянутый Фу Цзин, здесь названный по имени своего клана Фуча.

²⁵ Возможно, здесь имеется в виду переводчик Лифаньюаня Га Эр Ма (кит. 噶尔玛; Gá ěr mǎ; тиб. kar ma?) [Zhào Lingzhi 2021: 105].

1 числа четвертого лунного месяца (т. е. 19 мая 1757 г.) посольство вернулось в Лхасу. 22 числа четвертого лунного месяца (т. е. 8 июня 1757 г.) посольство отправилось из Лхасы по первоначальному почтовому маршруту и прибыло в Чэнду 18 числа шестого лунного месяца (т. е. 2 августа 1757 г.) [[Zhào Lingzhì 2021: 104](#)]. 25 сентября 1757 г. посольство приняло участие в праздновании дня рождения императора Цяньлуна в резиденции «Горное убежище от летнего зноя». После этого посольство вернулось в Пекин, откуда через Чжанцзякоу его участники прибыли в Кяхту [[Zhào Lingzhì 2021: 104](#)].

Стоит отметить, что рассмотренный нами текст из биографии Далай-ламы VII дает основание для уточнения фактов, которые являлись не до конца ясными²⁶. И главное — он свидетельствует о

²⁶ Так, несмотря на бытующее мнение, что Галдан-Церен, один из тех, кто отправил своего посланника с посольством, сам посетил Тибет с этим посольством, из приведенного выше отрывка из биографии Далай-ламы VII становится ясно, что Галдан-Церен не был в Тибете, а вместо него туда отправился его представитель Табка-гецул. В письме Демо-хутугты Нгаванг Джампела (тиб. *de mo ngag dbang 'jam dpal*; годы регентства: 1757–1777), опубликованном А. М. Позднеевым, также говорится, что подношения были привезены Далай-ламе посланниками (ойр. *elçi*) Табка (тиб. *thabs mkhas*) и Галданом (тиб. *skal ldan*) [[Позднеев 1897: VI](#)] (о том, что это письмо Демо-хутугты (1757–1950), регента Далай-ламы, свидетельствует его подпись в конце письма [[Позднеев 1897: X](#)]).

А. М. Позднеев предисловии к «Сказанию о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши» [[Позднеев 1897: XI](#)], также Н. Н. Пальмов в «Этюдах по истории приволжских калмыков» [[Пальмов 1927: 164](#)] идентифицируют Джиджетена (Чжичжэтэна) с дербетским владельцем Галдан-Цереном, но такое отождествление ошибочно. Галдан-Церен, потомок Далай-тайши и сын Лабан Дондука, умер в 1764 г. в Петербурге [[Батмаев 1993: 234](#)], оставив после себя сына Цебек-Убаши, умершего в 1774 г. также в Петербурге [[Пальмов 1922: 86](#)]. Таким образом, маловероятно, что Галдан-Церен мог быть Джиджетен-бакшой, также известным как Джиджетен-лама, которого в преданиях называют «восемнадцатилетним гецелом Джиджетен, гелюнгом Джиджетен, маленьким манджи» [[Болдырева, Алимаа 2019: 291](#)], так как у него был сын, и нет сведений о том, что он был монахом. Более того, в преданиях

том, что посольство калмыцкого наместника Дондук-Даши все же получило аудиенцию у Далай-ламы, хотя и не содержит сведений о вручении Далай-ламой каких-либо знаков власти посланцам калмыцкого лидера.

Печать калмыцкого хана Дондук-Даши

В Национальном архиве Республики Калмыкии сохранились более 800 писем Дондук-Даши, практически на всех письмах стоит оттиск печати Чакдоржаба (с китайским текстом), которая позднее перешла его сыну Дондук-Даши. Однако на письме

о паломничестве Джиджетена в Тибет его называют «хар манж» («учеником-простолудином») [Болдырева, Алимаа, 2019: 291; 292; 299], что никак не может соответствовать статусу дербетского владельца Галдан-Церена. Возможно, один из посланников Галдан-Церена входил в число 23 калмыков, оставшихся для обучения в Тибете. По завершении учебы он вернулся в Калмыцкое ханство и стал известен как Джиджетен. На роль будущего Джиджетен-бакши мог бы подойти, например, посланник Галдан-Церена Табка-гецул, так как он был послушником-гецюлем и посланником Галдан-Церена, таким образом, имея большее сходство с Джиджетеном, описываемым в преданиях.

Необходимо прояснить вопрос относительно печати, якобы полученной Галдан-Цереном от Далай-ламы в период осуществления им поездки в Лхасу вместе с посольством Дондук-Даши. Внимательное рассмотрение датировки писем и сличение содержания печати этого владельца показывает, что печать не могла быть получена от Далай-ламы. Так, на всех письмах Галдан-Церена, сохранившихся в Национальном архиве Республики Калмыкии, стоит печать, прежде последовательно принадлежавшая его деду Четеру, а затем отцу Лаван-Дондуку. Самое раннее использование первой печати зафиксировано на письме эмчи Гелена астраханскому губернатору А. П. Волынскому 13 августа 1724 г. [Сусева 2009: 313], что делает невозможным получение этой печати от Далай-ламы VII в 1757 г. Подробно эта печать рассмотрена в статье «Калмыцкие печати на санскрите» [Митруев 2022а]. Остается только один вариант: если Галдан-Церен получил от Далай-ламы новую печать, но по неизвестным причинам не использовал ее в своих письмах. Но престижность знака, получаемого от Далай-ламы, была настолько высокой, что этот вариант представляется невозможным.

калмыцкого хана Дондук-Даши «Ея императорского величества дела правящему господину генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну», полученном 3 сентября 1760 г., стоит красная круглая печать (рис. 1), которая больше не использовалась ханом Дондук-Даши на других сохранившихся документах [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 1189].

Рис. 1. Печать Дондук-Даши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 1189].

При этом на следующем за письмом, полученным 3 сентября 1760 г., письме калмыцкого хана Дондук-Даши «Ея императорского величества дела правящему господину генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну», полученном адресатом 5 сентября 1760 г., стоит китайская печать Чакдоржаба, которую хан Дондук-Даши использовал на других документах [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 1192]. Это вызывает закономерные вопросы, связанные с происхождением печати и ее содержанием.

Оттиск печати представляет собой круглую печать красного цвета. На внешнем круге размещен флористический узор из восьми завивающихся лепестков. В центре в круге находится легенда, написанная тибетской скорописью *умэ* (тиб. *dbu med*) с сокращениями, известными как *skung yig*. Текст легенды, написанный в две строки, представляет собой тибетское написание имени Дондук-Даши: *don grub bkra shis*.

Сокращения, использованные в легенде, широко используются в тибетских рукописных текстах. В «Сборнике сокращений тибетского языка» (тиб. bod yig skun gyig phyogs sgrig), составленном Намгьял Церингом (тиб. nam rgyal tshe ring), представлены сокращения обоих слов «Дондук» — don grub (рис. 2) [nam rgyal tshe ring 1994: 96] и «Даши» — bkra shis (рис. 3) [nam rgyal tshe ring 1994: 14].

Рис. 2. Сокращенное написание слова «Дондук» согласно «Сборнику сокращений тибетского языка»

Рис. 3. Сокращенное написание слова «Даши» согласно «Сборнику сокращений тибетского языка»

Каково происхождение этой печати, которая использована только на одном письме Дондук-Даши? Интересно, что Н. Н. Пальмов не знал об этой печати. Он пишет, что Дондук-Даши, объявленный ханом русским правительством 20 февраля 1758 г., прикладывал к своим официальным бумагам ту же печать, что была у него раньше, как у владельца и как у наместника. В то же время ему было известно о печати Церен-Дондука, возведенного Далай-ламой в «чин» Дайчин-Шаса-Бюджа-хана, который стал тогда же прикладывать к своим «листам» новую печать [Пальмов 1927: 164].

Известно, что Дондук-Даши был «страшно угнетаем неимением ханского титула» и стремился получить его. Калмыки того времени рассказывали, что «калмыцкое посольство в Тибет 1756 года <...> было снаряжено Дондук-Дашием именно с целью испросить себе у Далай-ламы титул хана» [Позднеев 1897: 121].

Как мы видим, в биографии Далай-ламы VII ничего не сказано о вручении ханского звания и печати Дондук-Даши, хотя в других случаях, когда Далай-лама жаловал печать и титул, об этом есть упоминания в его биографии.

Кроме того, китайский исследователь Чжао Линчжи пишет, что, согласно анализу предыдущих торгутских посольств²⁷ в Тибет Шукур-Дайчина, Аюки, Церен-Дондука и т. д., все они обращались к Далай-ламе с просьбой пожаловать ханское звание и печать. Возможно, миссия, посланная Дондук-Даши, также имела цель получить для него ханский титул и печать, но поскольку Далай-лама скончался до вручения ему великого подношения, эта просьба не была упомянута во время аудиенции и поэтому не записана в документах [Zhào Lingzhì 2021: 103].

22 июля 1758 г. Н. Г. Спицын получил известие от хана Дондук-Даши о возвращении его посольства из Тибета в Калмыцкое ханство [Пальмов 1927: 162–163], а письмо Дондук-Даши Н. Г. Спицыну с рассматриваемой круглой печатью было получено 3 сентября 1760 г. Таким образом, маловероятно, что Дондук-Даши пытался спустя два года после прибытия посольства выдать ее за печать, жалованную Далай-ламой. Возможно, не получив печати от Далай-ламы, Дондук-Даши пожелал сделать для себя новую ханскую печать, но так как она не была получена от Далай-ламы, она не имела в глазах подданных такого же веса, как печать Чакдоржаба, поэтому Дондук-Даши впредь не использовал ее в своих письмах. Дальнейшая судьба данной печати неизвестна.

Дондук-Даши не получил ханского титула от Далай-ламы. Однако известно, что в народе сохранялось имя, которым его на-

²⁷ Речь идет о паломничестве, так как «посольство», на китайском «аоча» (кит. 熬茶; áochá), буквально переводится как «кипячение, приготовление чая».

зывали — Бальватин-хан [Душан 1973: 35; Бакаева 2018: 7]. Остается открытым вопрос, возможно ли, что калмыцкий хан или его окружение стали использовать этот титул, следуя примеру предыдущих правителей: хану Шукур-Дайчину, получившему титул Дайчин, хану Аюке, чей титул был — Дайчин-Аюка-хан, хану Церен-Дондуку, возведенному Далай-ламой в чин Дайчин-Шаса-Бюджа-хана.

Где была изготовлена печати Дондук-Даши? Как уже было сказано выше, легенда на печати написана тибетской скорописью с сокращениями, причем написано лишь его имя без какого-либо титула, что не типично для ханских печатей и отличает ее от печатей предыдущих правителей, например, печати Дайчин-Шаса-Бюджа-хана (хана Церен-Дондука) [Митруев 2022a] или Галдан-Бошокуту-хана [Митруев 2022b]. Кроме того, круглая форма нечасто использовалась для печатей калмыцкой знати.

А. М. Позднеев пишет, что тибетская скоропись всегда была малоизвестна калмыкам [Позднеев 1897: VI]. К тому же в легенде печати использованы сокращения (тиб. *skung yig*), что могло бы говорить о ее тибетском происхождении. Однако вышеприведенные сведения о сравнительно непродолжительном пребывании посольства Дондук-Даши в Тибете, а также довольно позднем использовании круглой печати на письме Дондук-Даши от 03.09.1760 и отсутствии оттисков данной печати на письмах сына Дондук-Даши Убаши приводят нас к предположению, что печать была изготовлена не в Тибете, а, возможно, в Калмыцком ханстве. Вследствие недостаточности данных, сложно однозначно утверждать, где она была изготовлена. Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Важный вопрос: была ли эта печать Дондук-Даши единственной печатью в Калмыцком ханстве с легендой, написанной скорописью *умэ* с сокращениями? Анализ архивных материалов эпистолярного наследия калмыков показывает, что существует еще одна печать с подобной легендой, принадлежавшая дербетскому владельцу Ценден-Дорджи (ум. в 1784 г.). Поэтому необходимо рассмотреть данные о ней и ее владельце.

Печать Ценден-Дорджи

Батур-Убаши Тюмень пишет следующее о происхождении Ценден-Дорджи: «Нойоны дербетские имеют одно происхождение с зюнгарскими нойонами. От Бу Ахай происходит Удунтай Бида тайши, его потомок Далай тайши, из тринадцати сыновей которого Солом Церен тайши, Тойн и Дайчин Хошучи. У Солом Церен тайшия был сын Мунке Темур, его сын Читер, у него два сына Лабан Донруб (Дондук) и Гунге Дорджи. У Лабан Дондука были два сына Шампил Норбо и Галдан Церен (умерший в 1764 году в Петербурге). У последнего был сын Цебек Убаши <...>. У Тойна был сын Батур Малай, его сын Ерке тайчжи, его сын Солом Дорджи, его сыновья Тундут, Ценден Дорджи и Чжал²⁸. У Тундута был сын Чучей тайши (наместник), его сыновья Ердени тайши и Джамба тайши» [Батур Убаши Тюмень 1969: 25]. А. Г. Митиров пишет, что отец Ценден-Дорджи Солом-Дорджи умер 9 февраля 1749 г. [Митиров 1998: 257], однако М. М. Батмаев указывает датой смерти 10 февраля 1749 г. [Батмаев 1993: 282]. У Солом-Дорджи было шесть сыновей, из которых известны имена пяти: Даши-Церен, Баярлаху, Джал, Тундат и Ценден-Дорджи [Митиров 1998: 357]. На момент смерти отца в живых оставалось трое — Джал, Тундат и Ценден-Дорджи [Батмаев 1993: 282]. Тундат, будучи старше Ценден-Дорджи, умер относительно молодым 16 августа 1765 г.

По словам самого Ценден-Дорджи, у него было шесть сыновей: большой сын Бодогой, Делегер, Шарап-Джамба, Бакла-Ату, Цуклату и Мукааджи [Митиров 1998: 287], однако в той же книге, где приведены слова Ценден-Дорджи, А. Г. Митиров дает несколько иной список имен пяти сыновей Ценден-Дорджи: Бодогой, Делтер, Бабул, Нойон-гецуль и Макаджи [Митиров 1998: 362]. Ценден-Дорджи приходился дядей наместнику калмыцкого народа Чучей-тайши Тундутову (ум. в 1803 г.) [Митиров 1998: 296].

В 1749 г. 10 февраля умер Солом-Дорджи, затем 14 февраля умер главный (по старшинству) дербетский нойон Лабан-Дондук, а 10 марта от оспы умер старший сын Лабан-Дондука Сампил-Нор-

²⁸ Здесь имена братьев указаны не по старшинству. Правильный порядок братьев по старшинству таков: Джал, Тундат и Ценден-Дорджи.

бо, содержащийся близ Черкаска в кибитке, куда он бежал после ссоры с отцом. У Лабан-Дондука остался второй малолетний сын Галдан-Церен, за которого правила мать Аба, дочь Дасанга [Батмаев 1993: 282]. Галдан-Церен умер в 1764 г. в Петербурге [Батмаев 1993: 234], а его сын Цебек-Убаши в 1774 г. также в Петербурге [Пальмов 1922: 86]. По завещанию Цебек-Убаши правление улусом было передано Ценден-Дорджи [Митиров 1998: 288]. После смерти последнего представителя старшей нойонской линии Цебек-Убаши правителем всех дербетов стал «бага-нойон» Ценден-Доржи. Тундат, бывший старше, чем Ценден-Дорджи, умер относительно молодым 16 августа 1765 г. [Батмаев 1993: 282].

Ценден-Дорджи управлял улусом в течение десяти лет и умер в 1784 г., оставив пятерых малолетних сыновей на попечение своей жены Тарзы. На тот момент дербетский улус состоял из 4 881 кибитки [Митиров 1998: 288]. Помимо дербетского улуса, который принадлежал Ценден-Дорджи, у него был собственный улус из 159 кибиток, управлявшийся после его смерти женой Тарзой и его детьми [Митиров 1998: 288].

После смерти владельца Ценден-Дорджи калмыки Малодербетовского улуса признали своим правителем сына Ценден-Дорджи Бабула [Митиров 1998: 288; Пальмов 1922: 94]. После смерти Бабула зайсанги Малодербетовского улуса обратились к властям с просьбой об утверждении Чучея владельцем улуса. В августе 1800 г. он был утвержден правителем улуса [Митиров 1998: 295].

Впервые печать Ценден-Дорджи встречается на письме Джала, Тундата и Цендена генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну²⁹, полученном 21 января 1761 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 107. Л. 95]. В переводе письма полковнику Ивану Алексеевичу Кишенскому³⁰, полученного им 23 апреля 1768 г., Цендена называют владельцем дербетовского улуса [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 407. Л. 483].

²⁹ Никита Григорьевич Спицын — подполковник, полковник, а к концу службы генерал-майор. Глава ведомства по калмыцким делам в период с июля 1743 г. по июль 1761 г.

³⁰ Иван Алексеевич Кишенский — полковник, находился при калмыцких делах в 1765–1771 гг.

Последнее письмо с этой печатью, полученное 5 июля 1768 г., адресовано полковнику Ивану Алексеевичу Кишенскому [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 407. Л. 959]. Из сохранившихся писем видно, что данной печатью пользовался лишь Ценден-Дорджи; братья Джал и Тундат, по всей видимости, пользовались печатью своего отца Солом-Дорджи³¹, несущей на себе изображение тамги «джунгру» (стилизованной свастики).

Оттиск печати Ценден-Дорджи (рис. 4) выполнен красной краской.

Рис. 4. Печать Ценден-Дорджи

Печать квадратной формы, легенда на печати представляет собой помещенную в квадратную рамку надпись на тибетском языке, написанную тибетской скорописью *умэ* (тиб. *dbu med*) с сокращениями *кунг-йиг* (тиб. *skung yig*), как и на печати Дондук-Даши. Текст легенды состоит из двух строк: *bkra shis rgya 'gram* «перекрещенная [ваджра] благополучия». Мы предполагаем, что второе слово *rgya 'gram* является альтернативным написанием слова *rgya gram* — «имеющий четыре ответвления, состоящий из четырех частей». Так, в «Тибетско-санскритском словаре „Прекрасное золотое ожерелье“» (тиб. *saM bod skad gnyis shan sbyar*

³¹ В некоторых документах его имя записано Сонам Доржи.

gser gyi phreng mdzes), составленном Бюро перевода и редактирования тибетского языка Тибетской и Цянской национальной автономной префектуры Аба (Aba Tibetan and Qiang Nationality Autonomous Prefecture Tibetan translating and Editing Bureau), для санскритского слова *catusparva*³² («состоящий из четырех частей») приводится тибетский эквивалент *rgya 'gram* [*gser gyi phreng mdzes* 1989: 299]. Скорее всего, в данном случае имеется в виду *rdo rje rgya gram*, «перекрещенная ваджра», как один из символов благополучия.

Из-за недостатка сведений трудно сделать однозначное заключение о происхождении данной печати. Однако несомненно то, что первый элемент легенды *bkra shis* очень схож с этим же словом в легенде на печати Дондук-Даши. Возможно, это указывает на одно место изготовления обеих печатей. Дальнейшая судьба данной печати неизвестна.

Заключение

Анализ показал, что печать калмыцкого Дондук-Даши, поставленная на единственном письме от 3 сентября 1760 г., уникальна, и ее происхождение может быть рассмотрено только с учетом всей сложной ситуации в Калмыцком ханстве того периода. Привлечение ранее не известных источников на тибетском языке позволило нам показать, что посольство Дондук-Даши, которое было направлено наместником Калмыцкого ханства к Далай-ламе именно для получения ханского титула и печати, все-таки побывало на аудиенции у верховного иерарха. Вместе с тем, оно не выполнило до конца свои задачи, поскольку Далай-лама был тяжело болен и не были проведены все мероприятия, которые планировались посольством. Как бы ни было привлекательно связать появление новой печати на одном из писем калмыцкого хана после возвращения посольства из Тибета в калмыцкие степи с возможностью ее получения от Далай-ламы, мы все же приходим к выводу, что круглая печать, единственный оттиск которой обнаружен нами на письме Дондук-Даши от 3 сентября 1760 г., не являлась даром Далай-ла-

³² В словаре это слово написано с ошибкой: *catusparva*.

мы. Вместе с тем она представляет собой интересное явление, связанное с тибетской традицией и формирующейся собственно калмыцкой традицией сфрагистики. Предварительное рассмотрение печати Дондук-Даши позволило прийти к следующим выводам:

1) содержание легенды на печати Дондук-Даши представляет собой имя хана Дондук-Даши;

2) легенда на тибетском языке написана тибетской скорописью с сокращениями, что не типично для известных нам ханских печатей;

3) в легенде отсутствует ханский титул;

4) круглая форма печати редко используется для печатей калмыцкой знати данного периода;

5) сокращенная форма слова «Даши» присутствует на печати дербетского владельца Ценден-Дорджи, также написанной тибетской скорописью с сокращениями.

Печать хана Дондук-Даши представляет собой очень интересный памятник калмыцкой сфрагистики, заслуживающий внимания исследователей калмыцкой истории.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

Литература

Бакаева 2018 — *Бакаева Э. П.* «Кюря Бальватин-хана»: анализ состава культовых построек в контексте калмыцких традиций // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. № 5. С. 5–42.

Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и профессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 891–925.

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.

Батур-Убуши Тюмень 1969 — *Батур-Убуши Тюмень.* Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Кал-

- мыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 13–48.
- Болдырева, Алимаа 2019 — *Болдырева И. М., Алимаа А.* Предания о паломничестве Джиджетен в Тибет (сравнительный анализ разновременных записей) // Монголоведение. 2019. № 2. С. 287–321.
- БКРС 1983 — Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах / сост. под рук. и ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 2. М.: Наука, 1983. 1100 с.
- Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 143 с.
- Душан 1973 — *Душан У. Д.* Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973 С. 31–107.
- Мэн-гу-ю-му-цзи 1895 — Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. VII, 487, 92, VIII с.
- Китинов 2020 — *Китинов Б. У.* Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 546 с.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с.
- Лыткин 1969 — *Лыткин Ю.* История калмыцких ханов (Перевод) // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 50–79.
- Мезин 2012 — *Мезин С. А.* Саратовские воеводы и коменданты первой половины — середины XVIII века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / ред. О. Глаголева и И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 116–147.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.: ил.
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Митруев, Гедеева 2021 — *Митруев Б. Л., Гедеева Д. Б.* Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей // Бюллетень Калмыцкого научного

- центра РАН. 2021. № 4. С. 23–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43
- Митруев 2022a — *Митруев Б. Л.* Калмыцкие печати на санскрите // *Mongolica*. Т. XXV. 2022. № 1. С. 47–54.
- Митруев 2022б — *Митруев Б. Л.* Печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 2. С. 383–392. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-383-392
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калм. гос. изд-во, 1922. 137 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 2: XVIII век. Астрахань: Тип. Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, 1927. 231 с.
- Позднеев 1897 — *Позднеев А. М.* Предисловие // Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. С. I–XVIII.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- ЭСМЯ 2016 — *Этимологический словарь монгольских языков*. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- Fu Lo-shu 1966 — *Fu Lo-shu*. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1822). Tucson: University of Arizona Press, 1966. 417 p.
- Norman 2009 — *Norman A.* The Secret Lives of The Dalai Lama: Holder of the White Lotus. London: Little, Brown Book Group, 2009. 464 p.
- Shakabpa 2010 — *Shakabpa Tsepon Wangchuk Deden*. One Hundred Thousand Moons: An Advanced Political History of Tibet. Translated and annotated by Derek F. Maher. Leiden: E. J. Brill, 2010. Vol. 2, VIII, 612 p.
- dkon mchog bstan pa'i sgron me 1999 — *dkon mchog bstan pa'i sgron me. dus gsum rgyal ba'i spyi gzugs rje btsun dkon mchog 'jigs med dbang po'i zhal snga nas kyi rnam par thar pa rgyal sras rgya mtsho'i 'jug ngogs* (= Биография воплощения Победоносных трех времен, досточтимого Кончок Джигме Вангпо «Врата, ведущие в океан сынов Победоносных»). *gsung 'bum v. 1 (pod ka pa). bla brang bkra shis 'khyil*, 1999.
- dkon mchog 'jigs med dbang po 1990 — *dkon mchog 'jigs med dbang po. blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas kyi rnam par thar pa'i nyi ma 'od zer* (= Биография Панчен-ламы Лобсанг Палден Еше

- Пелсангпо «Лучи солнца») // *gsung 'bum dpal ldan ye shes* (bkras lhun par ma). Vol. 1. Shikatse: 1990. 760 p.
- gser gyi phreng mdzes 1989 — saM bod skad gnyis shan sbyar gser gyi phreng mdzes (= Тибетско-санскритский словарь “Прекрасное золотое ожерелье”). Compiled by Aba Tibetan and Qiang Nationality Autonomous Prefecture Tibetan translating and Editing Bureau. Lanzhou: Gansu Nationalities Publishing House, 1989. 1116 p.
- lcang skya rol pa'i rdo rje — lcang skya rol pa'i rdo rje. Rgyal ba'i dbang po thams cad mkhyen gzigs rdo rje 'chang blo bzang bskal bzang rgya mtsho dpal bzang po zhal snga nas kyi rnam par thar pa mdo tsam brjod pa dpag bsam rin po che'i snye ma. Vol 2. lha sa: 'bras spungs dga' ldan pho brang gi par khang. 372 p.
- rnam rgyal tshe ring 1994 — rnam rgyal tshe ring. bod yig skung yig phyogs sgrig (= Сборник сокращений тибетского языка). Чэнду: Национальное издательство провинции Сычуань, 1994. 226 с.
- Xie Baocheng 2013 — *Xie Baocheng*. A Brief History of the Official System in China. Trans. Chen Miron. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2013. 227 p.
- Zhào Lìngzhì 2021 — *Zhào Lìngzhì*. Qiánlóng èrshíyī nián tǔ ěr hù tè fù cáng rè chá shǐ tuán tànxī (= Исследование чайной миссии в Тибет в 21-й год правления императора Цяньлуна) // *Mínzú yánjiū* (= Ethno-national studies). 2021. № 3. P. 99–108. (На кит.).
- Zhāng mù 1867 — *Zhāng mù*. Měnggǔ yóu mù jì (= Записки о монгольских кочевьях). Shòuyáng: Qíjùnzǎo, 1867. 818 p. (На кит.).

Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства)

*Лариса Бадмаевна Манджикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация).

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Манджикова Л. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются вопросы истории создания и деятельности Комиссии калмыцких дел, осуществлявшей административное управление Калмыцкой степью Астраханской губернии в период с 1826 по 1836 гг. Калмыки имели свою письменность *тодобичиг* («ясное письмо») и вели обширную переписку, поэтому при изучении документов Комиссии калмыцких дел необходимо анализировать порядок организации работы с этими документами. Особое значение имеет изучение состава и содержания документов, научно-справочного материала к соответствующему фонду Национального архива Республики Калмыкия — фонду И-2 «Комиссии калмыцких дел», на основании которых можно провести анализ и определить направления деятельности Комиссии калмыцких дел в дореволюционной Калмыкии. *Цель статьи* — выявить источниковедческий потенциал архивных документов фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» по исследованию особенностей ведения делопроизводства в дореволюционной Калмыкии. *Результаты.* Документы, созданные на старокалмыцкой письменности, являются уникальными письменными источниками по изучению жизнедеятельности

калмыцкого народа в дореволюционной России. Данные исследования послужат основой для дальнейших разработок проблем государственного управления, механизма взаимодействия с регионами и особенностями ведения делопроизводства с документами, написанными на старокалмыцкой письменности *тодо бичиг*.

Ключевые слова: Комиссия калмыцких дел, деятельность, делопроизводство, Правила 1825 г., канцелярия, архивный документ, архивный фонд, виды документов.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 70–87. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-70-87

Collection И-2 ‘Kalmyk Affairs Commission, 1825–1836’ (National Archive, Elista) as a Source in the History of Government Agencies and Pre-Revolutionary Kalmykia: Some Issues of Records Management Revisited

*Larisa Badmaevna Mandzhikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Researcher

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Mandzhikova L.B., 2022

Annotation. Introduction. The article deals with the emergence and activities by the Kalmyk Affairs Commission which administered the Kalmyk Steppe

of Astrakhan Governorate between 1826 and 1836. Given that the Kalmyks had a script of their own — *todo bichig* (Clear Script) — and were conducting extensive correspondence, it is necessary to analyze how they organized work with those documents. Of particular importance are insights into structures and contents of documents, scientific reference materials for Collection И-2 ‘Kalmyk Affairs Commission’ that make it possible to analyze and identify efforts once undertaken by the Commission in pre-revolutionary period. *Goals.* The article aims at exploring areas of the Commission’s activity, investigating records management practices, analyzing types of documents. *Results.* Old Kalmyk language documents are unique written sources on everyday life of the Kalmyks in pre-revolutionary Russia. The research results shall serve a basis for further theoretical and applied works in public administration, center-periphery interaction, and records keeping practices pertaining to Clear Script documents.

Keywords: Kalmyk Affairs Commission, activity, record keeping, Regulations of 1825, chancery, commissioner, Zargo (court), archival document, collection
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119090590086-0 ‘National Information Resources in Scientific and Cultural Space’.

For citation: Mandzhikova L. B. Collection И-2 ‘Kalmyk Affairs Commission, 1825–1836’ (National Archive, Elista) as a Source in the History of Government Agencies and Pre-Revolutionary Kalmykia: Some Issues of Records Management Revisited. // *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 2: 70–87. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-70-87

Введение

В последнее время вопросам документационного обеспечения управления в разные периоды деятельности государственных учреждений России уделяется должное внимание. Особый интерес представляет региональный аспект в исследовании документооборота, выявление общих черт и особенностей в организации ведения делопроизводства.

Документы, созданные в процессе деятельности организаций, являются историческими источниками по изучению истории самой организации, направлений ее деятельности. Сам документ также может рассматриваться как объект исследования, как раз-

новидность письменных источников. В данном контексте особый интерес для исследования представляют архивные документы на старокалмыцкой письменности *тодо бичиг* и особенности ведения *делопроизводства* с ними.

В калмыцкой историографии отсутствуют научные работы, посвященные теме организации делопроизводства в Калмыкии, несмотря на то, что у калмыков была своя письменность и велась обширная переписка. Некоторые вопросы делопроизводства периода Калмыцкого ханства рассматривались в работах Д. Б. Гедеевой [Гедеева 2018; Гедеева 2019], Д. А. Сусеевой [Сусеева 2009] и дореволюционного периода в работах И. В. Лиджиевой [Лиджиева, Когданова 2018]. В разные периоды исторического развития Калмыкии делопроизводство в регионе велось в соответствии с законодательными, нормативными правовыми документами царской России, позже советской и постсоветской власти. Поэтому для анализа вопросов делопроизводства важное значение имеют работы ученых, посвященные истории государственных учреждений России [Ерошкин 1968; Илюшенко 1993; и др.]. Особый интерес для темы нашей статьи представляют «Правила для управления калмыцкого народа» от 10 марта 1825 г., которые стали первым документом по регламентации деятельности Комиссии калмыцких дел — государственного органа, контролировавшего и координировавшего жизнедеятельность калмыцкого народа в дореволюционной России (официальная публикация: [Правила 1825: 155–161]; текст наряду с другими включен также в сборник документов и материалов «Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв.» [Государственное строительство 2009: 154–162]).

История создания и деятельности Комиссии калмыцких дел в период с 1825 по 1836 гг. является недостаточно разработанной темой в калмыковедении, хотя имеются работы, в которых анализировались отдельные ее аспекты [История Калмыкии... 2009; Бурчинова 1980; Максимов 2002]. Документы, созданные в период деятельности Комиссии (1825–1836 гг.), вошли в состав архивного фонда Национального архива Республики Калмыкия. Краткие сведения

о создании и деятельности Комиссии калмыцких дел, состав и содержание архивных документов описаны в исторической справке к фонду И-2 и опубликованы в справочнике «Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1993» [Фонды 2002].

Материалы и методы. Источниковой базой исследования деятельности государственного органа по управлению калмыцким народом в 1825–1836 гг. являются архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия.

В процессе исследования применялись методы комплексного анализа, сравнительно-исторический, хронологический и метод классификации, что позволило выявить, провести анализ и установить ценность архивных документов фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» как исторического источника.

Предпосылки введения новой системы делопроизводства в дореволюционной Калмыкии

В первой половине XIX в. произошли значительные изменения в экономической и общественной жизни страны. Одной из особенностей в развитии Российского государства стало включение в состав Российской империи территорий многих национальностей [Илюшенко 1993: 29]. В этот период начала создаваться новая система управления — министерская, основанная на принципе единоначалия. Для осуществления полного перехода к единоначалию необходимы были новые подходы в управлении, а также в формах делопроизводства [Ерошкин 1968: 163].

Порядок организации работы вновь созданных министерств, их структура, функции и взаимодействие с другими учреждениями были урегулированы законом от 25 июня 1811 г. «Общее учреждение министерств». Данным законом было установлено единообразие в ведении делопроизводства во всех министерствах и в подведомственных им учреждениях. В целях взаимодействия и организации управления национальными окраинами была проведена реорганизация делопроизводства не только в центре, но и на местах.

Кроме того, вводились правила или положения по организации работы с документами (ныне — инструкции по делопроизводству), в которых определялись обязанности чиновников (ныне — должностные обязанности), прописаны порядок прохождения документов и организация их хранения.

Изменения, происходившие в системе управления в России в начале XIX в., способствовали ведению оперативного управления и обеспечивали урегулирование взаимоотношений между верховной властью и подчиненными учреждениями. В этот период происходит разграничение функций между министерствами, устанавливаются предметы их ведения и взаимодействия с другими учреждениями. Данные нововведения были закреплены законом «Общее учреждение министерств» (1811 г.). Для организации работы с документами и решения общих дел в каждом министерстве вводились структурные подразделения — канцелярии. Это были рабочие органы, координировавшие делопроизводство и взаимосвязь со структурными подразделениями министерства и с иными учреждениями [Илюшенко 1993: 30].

Проводимые реформы высшего и центрального аппарата не оказали существенных изменений на местные органы управления. По-прежнему главой местной администрации был губернатор, группу окраинных губерний возглавлял генерал-губернатор, во главе уезда стоял капитан-исправник. Волостные правления состояли из волостного головы, старост и писаря [Илюшенко 1993: 29–30].

Особое внимание в этот период стало уделяться делопроизводству. Происходила реорганизация делопроизводственных процессов, которые становятся регламентированными в соответствии с задачами и функциями, поставленными перед конкретным органом управления. По сути, было установлено единообразие в организации работы с документами, и канцелярия была определена как структурное подразделение организации для производства дел.

Проводимые реформы управления оказали влияние на взаимоотношения национальных районов с центральными и соседними губернскими властями. Учитывалась специфика национальных

районов, которая требовала иных, чем в центральных губерниях, методов управления и иной системы его организации [Максимов 2002: 165].

Данное положение относится и к Калмыкии. При подготовке к проведению реформы управления в Калмыкии царская администрация уже имела опыт региональной политики на национальных окраинах, например, по управлению Сибирью. В работе В. Ц. Лыксоковой «Делопроизводство и архивы степных дум: страницы истории (1822–1901 гг.)» рассмотрены вопросы истории формирования архивов степных дум, ведения делопроизводства, учитывавшего как нормы обычного права коренного населения Сибири, так и общероссийские правила [Лыксокова 2010: 14]. Ведение делопроизводства в степных думах и инородных учреждениях строилось по общим стандартам, действовавшим в дореволюционной России, но имелись и отличия, связанные с тем, что делопроизводство велось на двух языках параллельно, на русском и монгольском. Работу с документами вел письмоводитель и его два помощника, а также — переводчик с монгольского языка. Чаще всего должность письмоводителя замещал писарь-переводчик, владеющий обоими языками [Лыксокова 2010: 14].

Наработанный опыт ведения делопроизводства в национальных окраинах был использован при подготовке нормативных документов по организации управления калмыцким народом. Так, 10 марта 1825 г. высочайшим указом Александра I были утверждены «Правила для управления калмыцкого народа» (далее — Правила 1825 г.) [Правила 1825: 155–161; Государственное строительство 2009: 154–162]. С внедрением данных Правил завершается очередной этап заключительного периода включения калмыков в общероссийскую политико-административную систему, охватывающего последнюю четверть XVIII в. и первую половину XIX в. [Пальмов 2007: 418].

О вопросах делопроизводства в Комиссии калмыцких дел

В соответствии с Правилами 1825 г. Калмыкия стала субъектом России и в административно-территориальном устройстве была приравнена к области в составе Астраханской губернии.

В Калмыкии устанавливалась четырехуровневая система управления: главное, областное, окружное и улусное управления [История Калмыкии 2009: 489]. Данная структура имела свою особенность, так как была связана с калмыцким общественным устройством, традициями в управлении, и кроме того, с установлением контроля со стороны гражданских и военных властей Астраханской губернии и Кавказской области во главе с командующим войсками на Кавказе [Максимов 2002: 166].

В административном отношении, согласно параграфу 1 Правил 1825 г., «Главное управление Калмыцким народом, обитающим в Астраханской Губернии и Кавказской Области, принадлежит Министру Внутренних дел» [Правила 1825: 155], которое «назидает вообще за благосостоянием калмыцкого народа, охраняет права его и пользы», осуществляет контроль «по получаемым мемориям поверяет действие комиссии по управлению делами народа» [Правила 1825: 155–161; Государственное строительство 2009: 154]. В полномочия Министерства внутренних дел соответственно входило финансовое обеспечение, решение кадровых вопросов.

В качестве высшего местного (областного) органа управления Калмыкии 26 июня 1826 г. на основании Правил 1825 г. была создана Комиссия калмыцких дел (далее — Комиссия), которая являлась коллегиальным учреждением во главе с Астраханским губернатором [Максимов 2002: 167; Бурчинова 1980: 21; Фонды 2002: 25]. В состав Комиссии входили: вице-губернатор (председатель Комиссии), Главный пристав, губернский прокурор и два выборных представителя со стороны калмыков: от владельцев улусов и из духовенства [Правила 1825: 156; Максимов 2002: 167; Государственное строительство 2009: 155].

Согласно Правилам 1825 г. в качестве окружного органа управления было создано Главное Зарго (суд) [Правила 1825: 158; Бурчинова 1980: 21; Максимов 2002: 169; НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1, 212]. Главное Зарго выступало по отношению к нижестоящим (улусным) судам высшей апелляционной инстанцией. В то же время Зарго работало под контролем и при содействии российской администрации. Один из помощников Главного пристава оказывал

содействие в работе Зарго, а переводчик вел документирование его деятельности [Правила 1825: 158–159; Максимов 2002: 169].

В системе управления Калмыкией улусные управления относились к низовому звену, их возглавляли владельцы (во владельческих улусах) и правители (в казенных). На уровне улусов рассматривались дела бытового характера, такие как урегулирование взаимоотношений между подчиненными и подвластными, а также мелкие преступления, не входящие в перечень уголовных дел. Судопроизводство в улусных судах велось в соответствии с древними законами калмыков, правовыми обычаями, а также в соответствии с новыми статьями уголовного, гражданского права [Максимов 2002: 171]. В каждом улусе и дополнительно в Калмыцком базаре также были частные или улусные приставы, которые не должны были вмешиваться во внутреннее управление калмыков, но собирали сведения о жизни в улусах для Главного пристава [Правила 1825: 160].

Кроме того, в Калмыкии существовала пятая низовая структура — аймачная, но в Правилах данное звено не определялось. Как отметил К. Н. Максимов, именно в аймачном управлении «сходился спектр общественных отношений, простолюдины абсолютно были исключены из участия в управлении своими внутренними делами, они не рассматривались как субъекты права» [Максимов 2002: 171–172].

Рассмотрев положения раздела II «Управление областное» Правил 1825 г. и изучив видовой состав архивных документов фонда «Комиссии калмыцких дел», можно констатировать, что Комиссия относилась к исполнительно-распорядительному органу, и, соответственно, в процессе его деятельности создавался большой объем документов.

Необходимо отметить, что по окончании календарного года документы передавались в архив, где описывались. Именно такое решение способствовало сохранению архивных документов, которые сегодня являются историческими источниками по изучению взаимоотношений центра с одним из национальных окраин России и особенностей в их развитии.

Краткий анализ видового состава архивных документов фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия

В фонде И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия насчитывается 111 ед. хр. за 1825–1836 гг. Столь малое количество дел объясняется тем, что в период проведения макулатурных кампаний в архивах страны по фонду Комиссии калмыцких дел было уничтожено порядка 268 ед. хр. и утрачено 19 ед. хр. по не выясненным причинам [Бурчинова 1980: 41]. Данные сведения взяты из учетных документов Национального архива РК. Скорее всего, документов, созданных в период деятельности Комиссии, было значительно больше, но они оказались утрачены. Данное обстоятельство требует дополнительного исследования.

В данном фонде архивные дела имеют одинаковое оформление обложек дел. На них стоят следующие реквизиты: название дела, номер описи, инвентарный номер, крайние даты, количество листов и штамп принадлежности к госархиву. Для примера, на обложке дела № 184 имеется три оттиска штампа. На первом оттиске штампа, отпечатанного черными чернилами, написано: «Арх. Калмыц. Управления. 1834 года. Отдел исторический по Архиву № 1371. Связка № 218». На ней же в правом нижнем углу красными чернилами наискось написано: «По описи 1899 г. № 1364». На втором оттиске штампа, отпечатанного синими чернилами, написано: Астраханский Областной Архив. Фонд № 823. Опись № 1. е.х. № 184». На третьем оттиске указаны следующие данные: «Фонд № 2. № 184». Данные сведения указывают на их принадлежность и связь с историей архивной службы Республики Калмыкии, которая тесно связана с Астраханской губернией [Манджикова 2021: 277].

Характеризуя архивные дела можно отметить, что документы написаны на плотной бумаге серого или желтого цвета, размер бумаги — 35 x 21 см. Встречаются дела с угасающими текстами.

Изучив состав сохранившихся архивных документов, можно констатировать, что в Комиссии калмыцких дел делопроизводство

велось в соответствии с общероссийскими требованиями и видовой состав документов также не имеет отличий. Все документы, созданные в процессе деятельности Комиссии, относятся к документам официального делопроизводства. К ним относятся документы вышестоящих инстанций, а также документы, созданные в процессе деятельности самой Комиссии калмыцких дел (указы, предложения, предписания, рапорты, донесения). Так, например, в составе фонда имеется копия указа Его Императорского Величества, в котором Николай I указывает на «неопределенность законов калмыцких о правах на наследование и владении улусам» и принимает решения «о спорных делах об улусах Дербетовском и Яндыковском, о присоединении к ним еще особого рода калмыков называемых Авгенерами» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 73. Л. 9–9об.]. В этом же деле имеется ряд указов Сената 1828 г. «о разделении улусов Малодербетовских Малого и Большого из коих первым поручен владельцу Деджиту Тундутову, а второй Очир Хапчукову, и о разделении улусов Яндыковского и Экицохуровского, в коих назначены владельцами два брата Церены Убушиевы» и по другим вопросам [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 73].

К другому виду документов относятся *предложения* по различным вопросам. Например, в деле № 58 рассматривается предложение гражданского губернатора «о недопущении главного пристава Каханова и толмача Гердяева ни к каким должностям; о высылке в Багацохуровский улус владыческого сына Джимбу» и другие документы [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 58]. В качестве примера также рассмотрим дело № 142, в котором содержится предложение Управления Астраханского Военного губернатора по части гражданской от 10 мая 1833 г. «о исходотайствовании Большедербетовскому владельцу капитану Очиру Хапчукова вознаграждений за двух калмыков, принявших христианство» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 142. Л. 2]. К большому сожалению, в данном архивном деле тексты документов угасают, несмотря на проведенные реставрационные работы.

Представляет интерес дело № 126, сформированное по одному вопросу и содержащего различные виды документов. Первый под-

шитый документ в деле от 8 июня 1832 г. — *донесение* инспектора Астраханского губернского врачебного управления в адрес Управляющего Астраханской губернии по состоящему в должности Вице-губернатора господину надворному советнику и кавалеру Валериану Ивановичу Кошелеву о состоянии в Калмыкии в связи с распространением оспы и непринятии мер. К *донесению* прилагался «Проект Положения для операции оспопрививание в калмыцких улусах», состоящий из шести глав и 55 параграфов [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 126. Л. 5–13]. Только в марте 1833 г. Вице-губернатор дает *поручение* Главному калмыцкому приставу г. Полюшкину «...поручаю Вам к первому заседанию калмыцкой комиссии изготовить и внести на рассмотрение *журнал* по проекту г[осподина] инспектора врачебной управы об оспопрививании в калмыцких улусах». Переписка по данному вопросу велась до февраля 1835 г., когда исправляющий должность Астраханского Военного губернатора генерал-майор Тимирязев направил *предложение* в Комиссию калмыцких дел, из которого видно, что проект утверждался Комиссией 3 раза, но «за всем тем онаго до сих пор не прислано». Вследствие чего генерал-майор Тимирязев предложил Комиссии «о скорейшем доставлении ко мне упомянутого проекта от ее *мнения*». В деле имеются черновики и копии документов. В тексте документов в правом верхнем углу написаны слова «черновик» или «копия», а сами тексты перечеркнуты. Такое оформление дел характерно для всех дел, содержащих переписку.

Наиболее часто встречается такие виды документов, как *рапорт* и *донесение*, т. е. официальные письменные отчеты о проделанной работе или же обращение к вышестоящему по должности. Также имеется большое количество дел с *жалобами* на незаконные или неправильные действия должностных лиц. Особый интерес представляет дело № 83, так как в этом деле прослеживается схема рассмотрения дела. Частный калмыцкий пристав Харагулов совместно с депутатом, гражданским дворянским заседателем Емцевым рассматривают *жалобу* зайсанга Яндыковского улуса Демчеева на Титулярного советника Высоцкого. При расследовании

Харагулов допустил нарушения в производстве дела и *распоряжением* Главного пристава его уволили с должности «как чиновника для службы неблагонадежного...» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 83. Л. 1–2]. При рассмотрении данного дела были созданы такие виды документов, как *регистр*, *протокол*, *записка*, *объяснения*, *донесения*. Также в деле имеется *свидетельство* об осмотре частным приставом Харагуловым сундуков Титулярного советника, в котором хранились улусные дела. Сообщалось, что при осмотре было выявлено следующее: «сундук обитый железом, замок же сломан, но печать оттаена» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 83. Л. 3].

В архивном фонде И-2 «Комиссии калмыцких дел» имеются одиннадцать *Журналов заседаний* Астраханской комиссии калмыцких дел за 1829–1836 гг. [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 25, 29, 30, 31, 35, 38, 41, 42, 49, 96, 96а]. Журналы представляют собой дело толщиной свыше 12 см. Документ содержит следующие реквизиты: наименование документа, дата и время проведения заседания. Оформление документа проводилось в табличной форме, состоящей из трех граф: 1. Номер по порядку; 2. [Наименование вопроса]; 3. На какой странице.

Необходимо отметить, что в Калмыкии имелись особенности в ведении делопроизводства. Калмыки имели свою письменность *тодо бичиг* («ясное письмо»), и делопроизводство велось на калмыцком языке, тексты документов подлежали переводу на русский язык [Бурчинова 1980: 33]. Именно поэтому, записи заседаний велись на двух языках (старокалмыцкий и русский). Документ подписывали члены комиссии и указывались сведения (должность и фамилия) толмача (переводчика).

Также в Комиссии велись настольные *реестры* бумаг (журнал входящих документов) [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 34], *регистры* [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 19, 20].

Кроме того, *ведомости нерешенных и решенных дел по Комиссии* [НА РК. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 2], которые состояли из следующих видов документов: *рапорт*, *предписания*, *объяснительные записки*, *переписка* и др. Данные документы прикладывались в качестве приложений к таблице.

Таблица ведомостей нерешенных и решенных дел

годы месяцы и числа	содержание дела и от кого последовали предписания	За кем или почему остаются не оконченными

Таким образом осуществлялся контроль исполнения решений вышестоящих организаций, должностных лиц.

К административным документам также относятся дела, содержащие сведения:

– об утверждении в должностях членов суда Зарго и улусных судей (опись № 1, дела № 1, 2, 67, 226);

– о назначении правителей в улусы (опись № 1, дела № 26, 132, 179, 185, 237, 239);

– о выборах депутатов из калмыцких владельцев и духовенства (опись № 1, дела № 155, 211, 212, 276);

– о награждении за заслуги (опись № 1, дела № 141, 287);

– о назначении и увольнении должностных лиц, обеспечивающих деятельность Комиссии согласно штатному расписанию.

О значимости должности «толмач» можно узнать из архивных документов фонда И-2, содержащих сведения об утверждении или снятии с должности толмача. Так, в архивном деле № 13 имеются данные о назначении «переводчика надворного советника Максимова» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 39]; о снятии с должности «толмача» в деле № 58 написано, что «по предложению гражданского губернатора о недопущении главного пристава Каханова и толмача Гердяева ни к каким должностям» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 58]. Имеются и другие примеры, когда в ходе проверок выявлялись факты превышения служебных полномочий и злоупотреблений со стороны чиновников управления или их снимали с должности по другим причинам. По архивным описям фонда И-2 видно, что сведения об «удалении с должности» имеется в 18 ед. хр. из 111 ед. хр., что составляет 16,2 %.

К обязательным видам документов, содержащих персональные, конфиденциальные и послужные сведения на чиновников,

относятся *формулярные списки*. Их можно рассматривать как отдельную систему документирования. Формулярные списки отличались многообразием их видового состава. В фонде И-2 имеется *индивидуальный формулярный список*, заведенный на губернского регистратора Николая Баландельского, «определенного в штат калмыцкого управления» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 184. Л. 6].

Формулярные списки печатались типографским способом и состояли из 12 граф: «1. Чин, имя, фамилия, должность или отправителя, и сколько от роду лет?; 2. Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою недвижимое имение (родовое или благоприобретенное)»; 3. Когда в службу вступил и в оной какими чинами; 4. В каких должностях и где происходил, также не было никаких отличных по службе деяний и не было ли особенного, кроме чинов, кем награждался и в какое время?; 5. Годы; 6. Месяц и числа; 7. В походах против неприятеля и в самих сражениях был или нет и когда именно; 8. Не был ли в штрафах и под судом и если был то за что именно, когда и чем дело кончено; 9. К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин, или нет и зачем?; 10. Не был ли в отпуске и если был, то когда именно и насколько времени и являлся ли на срок к должности?; 11. Не был ли в отставке с награждением чина или без онаго, и когда?; 12. Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет, и где они находятся?» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 184. Л. 6–7].

В делопроизводстве Комиссии велись и *кондуитные списки*, т. е. списки о поведении чиновников. Например, в архивном деле № 207 имеется кондуитный список «состоящего по кавалерии подполковника князя Трубецкого» из 9 граф: «1. Звание чинов; 2. В службе; 3. В офицерах; 4. Сколько времени; 5. Усердие в учебе; 6. Способности ума; 7. Знание иностранных языков; 8. Каков в ветчасти; 9. Каков выходит чин» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 207. Л. 29–30].

Сведения биографического и служебного характера, содержащиеся в формулярных и кондуитных списках, могут стать источником по исследованию социологических, генеалогических, статистических и иных вопросов.

Изучив состав и содержание архивных документов, а также тематику рассматриваемых вопросов, мы можем определить направления деятельности Комиссии калмыцких дел.

Комиссия калмыцких дел решала вопросы административно-хозяйственного характера, финансового и кадрового обеспечения, а также осуществляла надзор за правильным прохождением дел в Зарго (суд). Комиссия рассматривала вопросы, касающиеся следующих сфер жизнедеятельности калмыцкого народа: здравоохранения (опись № 1, дела № 8, 141, 172); права наследования (опись № 1, дела № 179, 186); земельно-правовых отношений (опись № 1, дела № 28, 73, 127; опись № 1а, дела № 1–8; опись 2, дело № 3); образования (опись № 1, дела № 113); переселенцев (опись 1, дело № 87), религии (опись № 1, дело № 142) и др.

Исследовав видовой состав документов и тематику рассматриваемых в них вопросов, можно сделать вывод, что данные архивные документы являются ценнейшими письменными источниками и представляют для исследователей несомненный интерес по изучению взаимоотношений центра с одной из национальных окраин России и особенностей в их развитии; истории государственного управления одного из инородческих народов дореволюционной России; истории государственного строительства Калмыкии в определенный период времени и жизнедеятельности самого калмыцкого народа.

Заключение

С внедрением Правил 1825 г. было установлено правовое положение Калмыкии, определены основы взаимоотношений Калмыкии с органами государственного управления России, Астраханской губернии и Кавказского края; создана новая структура органов власти по управлению калмыцким народом, с четко регламентированным порядком работы всех его звеньев.

По мнению Л. С. Бурчиновой, в рассматриваемый период в Калмыкии «... вводилась феодально-бюрократическая система государственного управления краем. Принцип коллегиального и отчасти выборного руководства, а также практика привлечения национальных представителей в местные органы власти не меняли ее

сути. Напротив, они полностью соответствовали государственной политике, проводимой по отношению к Калмыкии, и способствовали окончательному оформлению ее статуса» [Бурчинова 1980: 22]. Таким образом, Калмыкия вошла в единую систему административно-территориального устройства России XIX в. и калмыки вошли «постепенным образом в состав гражданского управления» [Правила 1825; Максимов 2002: 171; Государственное строительство 2009: 155].

Несомненно, введение нового порядка организации работы с документами способствовало четкому прохождению документов и принятию управленческих решений. Документы, созданные в период деятельности Комиссии калмыцких дел, представляют интерес не только как источник по истории государственности Калмыкии, но и как источник по исследованию вопросов делопроизводства в российской окраине, у народа, имеющего свой национальный язык. Данная тематика не изучена в калмыцкой историографии и требует дальнейшего исследования.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Правила 1825 — Правила для управления калмыцкого народа. 10 марта 1825 г. (№ 30290) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. I. Т. XXXX. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1830. С. 155–161.

Литература

Бурчинова 1980 — Бурчинова Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.) / отв. ред. Б. Г. Литвак. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.

Гедеева 2018 — Гедеева Д. Б. О слове *bičiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв. // *Oriental Studies*. 2018. Т. 39. № 5. С. 145–150.

Гедеева 2019 — Гедеева Д. Б. Архивные письма XVIII в. как памятники калмыцкой деловой письменности // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2019 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2019. С. 107–109.

- Государственное строительство 2009 — Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сб. док-тов и мат-лов. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 399 с.
- Дамешек 2016 — *Дамешек Л. М.* Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начале XX века: уч. пособ. Иркутск: ИГУ, 2016. 230 с.
- Дамешек 2018 — *Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В.* Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в.: от степных дум к волостным управлениям // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 22–35.
- Ерошкин 1968 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
- Илюшенко 1993 — *Илюшенко М. П.* История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. 79 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» в 3-х томах. Т. 1. Элиста: Издат. Дом «Герел», 2009. 848 с.
- Лиджиева, Когданова 2018 — *Лиджиева И. В., Когданова Б. В.* Делопродуцентная практика управления калмыцким народом // Oriental Studies. 2018. Т. 36. № 2. С. 29–37. DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37
- Лыскокова 2010 — *Лыскокова В. Ц.* Делопродуцентство и архивы степных дум: страницы истории (1822–1901 гг.) // Отечественные архивы. 2010. № 1. С.14–17.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 523 с.
- Манджикова 2021 — *Манджикова Л. Б.* Становление и развитие архивного дела в Республике Калмыкия (1920 – начало 2000-х гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2021. 277 с.
- Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост., вст. ст. А.М. Джалаевой – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 462 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов и их современников (1713–1771 гг.). Избранное / [сост.: Л. Б. Шалданова, Г. С. Санджиева]. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- Фонды 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост.: В. З. Атуева [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с.

Записка И. И. Пересвет-Солтана «По вопросу о поземельном устройстве самовольных поселков, находящихся в пределах береговой полосы Каспийского моря» как источник по государственной политике в отношении самовольных переселенцев Прикаспия

*Сергей Степанович Белоусов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация),

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Белоусов С. С., 2022

Аннотация. *Введение.* Записка чиновника Министерства земледелия и государственных имуществ И. И. Пересвет-Солтана является ценным источником по истории заселения прибрежной полосы Каспийского моря и правительственной политики по отношению к самовольным рыбацким поселениям во второй половине XIX в. – первых годах XX в. *Цель* статьи — ознакомить читателя с содержанием выявленного источника, проанализировать его материалы в контексте государственной политики по отношению к самовольным рыбацким поселкам и его населению. *Материалом* исследования послужила рукопись И. И. Пересвет-Солтана, подготовленная для министра государственных имуществ о рыбацких поселениях Каспийского-Волжского бассейна, хранящаяся в Государственном архиве Астраханской области. В работе использованы сравнительно-исторический, историко-генетический и описательный *методы* исследования. *Результаты.* Изучение документов показало, что записка содержит ценную информацию — собранную как лично автором, так и другими государственными служащими. Во многом благодаря этому записка носит обобщающий характер. Анализ содержания записки сви-

детельствует о том, что, несмотря на различные подходы в вопросе самовольных рыбацких поселков, власти различных ведомств и уровней в целом склонялись к положительному решению проблемы легализации самовольных поселений.

Ключевые слова: Прикаспий, вторая половина XIX – начало XX вв., И. И. Пересвет-Солтан, государственная переселенческая политика, самовольные рыбацкие поселения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Белоусов С. С. Записка И. И. Пересвет-Солтана «По вопросу о поземельном устройстве самовольных поселков, находящихся в пределах береговой полосы Каспийского моря» как источник по государственной политике в отношении самовольных переселенцев Прикаспия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021: № 2. С. 88–103. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-88-103

Revisiting Land Use Patterns in Uncontrolled Settlements along the Caspian Coastal Strip: The Official Note by I. I. Peresvet-Soltan as a Source on Government Policies towards Unauthorized Migrants in the Caspian

*Sergey S. Belousov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Belousov S. S., 2022

Abstract. *Introduction.* The note by I. I. Peresvet-Soltan, an official of the Ministry of Agriculture and State Property, is a valuable source on colonization

history of the Caspian coastal strip and government policies towards uncontrolled fishing settlements in the mid-19th to early 20th centuries. *Goals.* The article aims at introducing the identified source, analyzing its materials in the context of state policy towards unauthorized fishing villages and their inhabitants. *Materials and methods.* The study examines a manuscript by I. I. Peresvet-Soltan prepared for the Minister of State Property pertaining to fishing settlements in the Caspian-Volga Basin and stored at the State Archive of Astrakhan Oblast. The work employs a number of research methods, such as the comparative historical, historical genetic, and descriptive ones. *Results.* Our insight into documents shows the note contains valuable data collected personally by the author and by other government officials. Due to this the note is largely synthetic. The content analysis indicates that despite there were varying approaches to the issue of unauthorized fishing settlements, authorities of different levels were rather inclined towards a positive solution of legalizing such villages.

Keywords: Caspian Sea, mid-19th to early 20th centuries, I. I. Peresvet-Soltan, state colonization policy, unauthorized fishing settlements

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Belousov S. S. Revisiting Land Use Patterns in Uncontrolled Settlements along the Caspian Coastal Strip: The Official Note by I. I. Peresvet-Soltan as a Source on Government Policies towards Unauthorized Migrants in the Caspian. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 2: 88–103. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-88-103

Введение

Прибрежная полоса Прикаспия издавна привлекала массу работников из различных губерний, которые устремлялись в данный регион в поисках хороших заработков на рыбных промыслах. Многие из пришлых людей остались на северо-западном побережье Каспийского моря навсегда, положив начало рыбацким поселкам. Со временем эти поселки разрослись, и возникла проблема их поземельного и административного устройства. На протяжении второй половины XIX в. – первых лет XX в. правительство настойчиво искало пути решения вопроса о самовольных ловецких поселках береговой полосы Каспийского моря, которых насчитыв-

валось тридцать к началу XX в. Для сбора информации и ознакомления с ситуацией в Астраханскую губернию власти направляли чиновников в командировки, по итогам которых готовились проекты и выдвигались предложения по судьбе самовольных поселенцев.

Автором публикуемой записки является чиновник Министерства земледелия и государственных имуществ, коллежский асессор И. И. Пересвет-Солтан. В ней содержатся сведения по истории возникновения поселков, их социальной инфраструктуре, управлению, хозяйственной деятельности, численности и сословному составу их жителей, приводится динамика увеличения численности населения поселков за период с 1894 по 1903 гг., рассматриваются факторы, обусловившие людской прирост, проанализированы проекты по устройству рыбацких самовольных поселений, изложены предложения самого И. И. Пересвет-Солтана.

Записка подготовлена в 1904 г. и, вероятно, предназначалась занимавшему в то время пост министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову. Записка содержит не только много интересной и ценной для исследователей информации о различных сторонах жизни населения поселков на рубеже веков, но и сведения о правительственной политике в отношении нелегальных переселенцев. Материалы документа дают возможность проследить эволюцию государственной политики на протяжении второй половины XIX – первых лет XX вв. в отношении самовольных переселенцев и рыбацких поселений. Автор записки излагает свою точку зрения на проблему и предлагает свои пути её решения.

Цель статьи — ознакомить читателя с содержанием выявленного источника, проанализировать его материалы в контексте государственной политики по отношению к самовольным рыбацким поселкам и его населению.

Археография источника

Записка «По вопросу о поземельном устройстве самовольных поселков, находящихся в пределах береговой полосы Каспийского моря» находится в хорошем состоянии. Она напечатана типо-

графским способом, на качественной бумаге и является подлинником. Документ хранится в Государственном архиве Астраханской области в фонде № 794 Астраханской палаты государственных имуществ. Фамилии и подписи под документом нет, но на первой странице документа, в её верхнем правом углу, написано от руки «Записка И. Пересвет-Солтана». Документ разделен на 8 параграфов и читаем. Ранее записка не публиковалась.

История вопроса

Публикаций документов по ловецким поселкам Прикаспия в дореволюционный период не существует, несмотря на то, что в архивах городов Санкт-Петербурга, Астрахани и Элисты имеются рукописи, отчеты и другие материалы различного характера, написанные чиновниками по данной проблематике.

Недостаточно разработана в отечественной историографии история самовольных рыбацких поселков Прикаспия в XVIII в. – начале XX в., при этом большинство работ написаны в досоветский период. Наибольший вклад в исследование данной темы внесли И. И. Михайлов [Михайлов 1856], П. О. Зубович [Зубович 1896], А. М. Никольский [Никольский 1898], в работах которых содержится ценная информация по истории возникновения поселков и отношении к ним властей, уделено внимание сословному и национальному составу поселений и организации их самоуправления.

Проблемы развития рыболовства на Каспийском море отражены в трудах К. Н. Лебедева [Лебедев 1863] и О. А. Гримма [Гримм 1896]. В их книгах прослеживается история становления законодательства по рыбной отрасли, приводятся различные точки зрения и подходы, в том числе по вопросу самовольных рыбацких поселков. Представляют интерес для исследователя работы министров государственных имуществ М. Н. Островского [Островский 1892] и В. И. Вешнякова [Записка... 1899], определявшие во время своего руководства министерством правительственный курс в отношении рыболовства; первый посетил в 1891 г. Калмыцкую степь, а второй в 1898 г. — Каспийские рыбные промыслы.

Интересные сведения о возникновении поселков, их жителях и занятиях собрали православные священники, среди которых в первую очередь следует отметить И. Покасова [Покасов 1909; Покасов 1911], П. Реверсова [Реверсов 1879] и других, опубликовавших на страницах журнала «Астраханские епархиальные ведомости» статьи по истории своих приходов.

В советский период государственная политика в отношении самовольных рыбацких поселений не была объектом самостоятельного изучения. Из работ, вышедших в послевоенный период, следует отметить статью П. Д. Сангаджиева и М. У. Монраева, в которой кратко изложена история Лаганского рыбацкого поселения [Сангаджиев, Монраев 1981].

Самовольные рыбацкие поселения Прикаспия и государственная власть

В начале своей рукописи И. И. Пересвет-Солтан приводит определение самовольным рыбацким поселкам, отличительными чертами которых являются их нахождение на береговой полосе Каспийского моря, отсутствие у жителей поселков собственной земли и непризнание за ними прав и общества. Он также дает очень кратко историю возникновения нескольких поселений, заметив, что «относительно времени возникновения поселков достоверных данных не имеется, но по показаниям старожилов оказывается, что некоторые из них возникли весьма давно» и появились благодаря развитию рыболовства [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 72].

Приморье привлекало переселенцев возможностью заработать большие деньги и обеспечить себя и свои семьи более высокими и постоянными доходами. Рыболовство было опасным, но выгодным делом, позволявшим значительно повысить уровень материального благосостояния. Многие из приходивших на заработки крестьян именно по этой причине не хотели возвращаться домой и старались закрепиться на жительство в приморских районах Каспия. Их не останавливало даже то, что приходилось уплачивать налоги в прежних местах жительства, где они были прописаны, и

одновременно нести налоговую нагрузку и исполнять повинности в ловецких поселках [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 74].

Стесненные в усадебной земле и неуверенные в завтрашнем дне, самовольные поселенцы селились как попало, без всякого определенного плана и, чтобы остаться незамеченными от властей, они вынуждены были часто избирать низменные, затопляемые водою места, не имея возможности предпринять существенные работы по улучшению условий существования.

Чиновник приводит статистику роста поселений. В 1894–1903 гг. немногим более половины от общего численного прироста жителей самовольных рыбацких поселений дали ловецкие поселки одноверстной береговой полосы Каспия, численность населения которых в рассматриваемый период увеличилась на 6 426 чел., а количество дворов на 1 444 [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 72об.]. Между 1894 и 1903 гг. количество поселков на береговой полосе в пределах Астраханской губернии, Терской и Уральской областей увеличилось с 21 до 30, а число жителей в них с 13 224 до 19 650 чел. [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 73]. Значительный прирост населения, как и прежде, был достигнут во многом благодаря постоянному притоку самовольных переселенцев.

К началу XX в. рыбацкое население окрепло и улучшило свое материальное положение: «Хотя наряду с хорошими и даже щеголеватыми деревянными жилыми строениями, крыши и стены которых нередко ярко раскрашены, в поселках имеется довольно много строений землебитных и камышовых, часто совершенно не соответствующих потребностям мало-мальски сносного человеческого жилища, но, в общем, они имеют вид более зажиточных, чем селения крестьян многих губерний» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 72об.].

И. И. Пересвет-Солтан рассматривает статистику населения поселков, их состав и занятия в период с 1894 по 1903 г. Он приходит к выводу о том, что, поселковцы в сословном отношении, хотя «весьма разнообразны», однако в большинстве своем они являются крестьянами и мещанами. Среди жителей мещан немного меньше 20 %, крестьян — 78 %. Далее он добавляет: «Эта кажущаяся

разнородность совершенно сглаживается, если обратить внимание на занятия жителей. Здесь между мещанами и крестьянами нет никакой разницы: как те, так и другие занимаются исключительно рыболовством; одинаковость занятий вызывает и одинаковость в образе жизни, привычках, в уровне умственного развития и благосостояния. В этом отношении однородность состава населения поселков несколько не уступает однородности состава наших деревень и сел» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 73]. Незначительные по численности представители других сословий, за исключением духовенства, преимущественно торговали.

Большинство местного населения были старожилами, проживавшими с «незапамятных времен», «преемственно из поколения в поколение».

«Таким образом, — резюмирует чиновник — самовольные поселки представляют собою постоянные общежития, развивающиеся путем естественного роста, а не случайные скопления людей, явившихся для той или иной цели» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 74].

Важное место в записке И. И. Пересвет-Солтана принадлежит экономическому и административному устройству.

Главный смысл своей жизни ловцы видели в рыболовстве, для своих нужд они держали немного скота, немного занимались бахчеводством и овощеводством.

За десятки лет у рыбаков выработалась общественная организация. У них были избираемые жителями старосты, десятские и сотские, наемные писари, поочередно отбывались повинности, собирались налоги на общественные нужды. «Словом, — подытоживает автор — в самовольных поселках береговой полосы существует, хотя и неофициально, общественный строй, совершенно аналогичный с крестьянским сельским обществом» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 75].

В записке много внимания уделяется анализу переписки властей по вопросам административного и поземельного устройства ловецких поселков.

В ней говорится, что вопрос об организации административного строя самовольных поселков Астраханской губернии вообще и

береговой полосы в частности, в связи с земельным устройством, с давнего времени составлял предмет переписки местных административных учреждений с министерствами внутренних дел и земледелия и государственных имуществ. Впервые вопрос этот был возбужден в 1871 г. астраханским губернатором Биппеном, который и представил проект устройства поселков в Министерство государственных имуществ. В записке И. И. Пересвет-Солтана кратко излагаются различные проекты и предложения по самовольным рыбацким поселениям, показана длительность переписки и сложность вопроса. Главным результатом обсуждения указанного вопроса автор считает легализацию поселков и их жителей, завершившейся утверждением 28 июля 1878 г. Комитетом министров положения о пользовании землей¹, находящейся во владении самовольных поселков. Положение предоставило их жителям право пользоваться без торгов в течение 24 лет их усадебной оседлостью, за плату в размере, определенном за земли, отведенные под ватаги [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 76об.]. Но этот закон несколько не касался устройства внутреннего управления в поселках, им не предусматривались права поселков на выгонные и сенокосные земли [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 76об.–77].

Проект поземельного устройства самовольных поселков разрабатывала Кадастро-Люстрационная комиссия Временного отдела по поземельному устройству государственных крестьян Министерства государственных имуществ. Комиссия признала необходимым по примеру государственных крестьян составить и выдать жителям ловецких поселков владенные записи на состоящие в их пользовании земли береговой полосы и обложить их оброчной платой в казну.

Во владенных записях планировалось сделать оговорки о том, что предоставление надела земли не дает поселенцам исключительного права на рыболовство в морских водах, смежных с их наделом, причем они должны пользоваться рыболовством в этих

¹ Высочайше утвержденное 28 июля 1878 г. положение Комитета министров «По предмету устройства поселков на прибрежной полосе Каспийского моря» [ПСЗ РИ. Т. 53. 1880: 62].

водах лишь на общих для всех основаниях, а также о том, что поселенцы не вправе препятствовать пристанищу посторонних ловцов на десятисаженном береговом пространстве [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77об.].

По утверждению И. И. Пересвет-Солтана, сторонники наделения ловецких поселков землей неоднократно заявляли, что одноверстная береговая полоса обладает достаточно обширным земельным фондом, часть которого можно без ущерба для рыболовства использовать для решения земельных нужд рыбацкого населения. По их мнению, изъятие части земель не должно было привести к сильному сокращению земельных ресурсов одноверстной полосы, поскольку во второй половине XIX в. в результате отступления Каспийского моря высвободились большие участки суши и одноверстная полоса расширилась в разных местах на расстояние от 2 до 16 верст. В начале XX в. площадь полосы в 5–6 раз превышала площадь, нарезанную ей в 1866 г.

Защитники земельных интересов рыбацкого населения заявляли также, что в некоторых местах побережья изменилось «и самое значение береговой полосы для рыбного промысла» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 80].

И. И. Пересвет-Солтан описывает систему землепользования поселков и предпринимает попытку определить доходность получаемых казной с земель береговой полосы.

11 декабря 1887 г. Комитет министров распорядился временно приостановить в некоторых местностях береговой полосы Каспийского моря отвод рыбопромышленникам участков под ватаги и заключение контрактов в тех местах, где существование ватаг министр земледелия и государственных имуществ посчитал вредным для рыбопромышленности. Такими местами министр земледелия и государственных имуществ М. Н. Островский признал часть береговой полосы, находившейся против волжского и терского бакенных пространств. После этого рыбный промысел на них был свернут, прекратился и отвод новых участков, а рыбопромышленники утратили интерес к этой, протяженностью в 171 версту, части береговой полосы. Она же оказалась не нужна более для пристани-

ща и ловцам, ибо с установлением семиверстного предустьевого пространства, в котором всякое рыболовство было запрещено, они перестали туда заезжать и сушить сети. В указанных выше частях прибрежной полосы располагались 19 поселков, наделение которых землей, не используемой ни под какие нужды, никому не нанесло бы ущерба. Не стеснила бы никого нарезка земли и остальным 11 поселкам береговой полосы, поскольку требовавшееся им количество земли было незначительным и не привело бы к сколь-нибудь заметному сокращению земельных ресурсов береговой полосы, протянувшейся вдоль Каспийского моря на огромное расстояние (более 700 верст) [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 80об.].

В ходе обсуждения будущего земельного и административного устройства ловецких поселков в правительственных кругах рассматривался вопрос о влиянии процесса заселения рыбацким населением береговой полосы на биологические ресурсы Каспийского моря и природу прибрежных территорий. И. И. Пересвет-Солтан характеризует природные условия береговой полосы, на которой располагались поселения, и приводит доводы в опровержение распространённого тогда взгляда о большом ущербе, наносимом природе самовольными поселенцами.

Выступавшее за снос самовольных поселков и выселение их жителей Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами, обосновывая свою точку зрения, утверждало, что «с появлением человека в местах расположения водных бассейнов окружающая природа немедленно изменяется: возделывая берега, человек уничтожает камыши и другую растительность, составляющие убежище для массы двукрылых и других насекомых, и, таким образом, исчезает главная пища рыб» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77об.]. На эти доводы И. И. Пересвет-Солтан отвечал: «Несмотря на внушительную численность поселкового населения, как абсолютную, так и относительную к общей численности населения Астраханского и Красноярского уездов, население это совершенно ничтожно по сравнению со всей площадью береговой полосы, где поселки являются редкими и незначительными точками — и, за отводом

поселкам наделов под сенные и камышовые покосы и выгон скота, громадная, подавляющая часть береговой полосы останется по-прежнему в первобытном виде, представляя все естественные условия для благоденствия водного населения» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77об.]. Далее он продолжал: «Культура берегов, на которую указывается, как на причину уменьшения количества рыбы, оказывает свое вредное влияние на рыбные запасы, по видимому, лишь в том случае, когда берега эти распахиваются, когда на них уничтожается всякая естественная растительность. Но, как известно, часть береговой полосы, прилегающая непосредственно к водным бассейнам, покрыта сплошь зарослями камыша, произрастающего здесь в количестве, значительно превышающем потребность в нем и потому мало истребляемом. Укос сена на лугах, кошение камыша и пастьба скота, словом, — все те приемы культуры, которые обычны в поселках береговой полосы и сопровождаются лишь временным удалением растительности, быстро затем возобновляющейся, точно также не влияют на уменьшение рыбного запаса» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 78]. К этим словам он добавил: «Жители поселков земледельческой культурой не занимаются, а естественные произрастания в прилегающей к их усадьбе местности ими охраняются в собственных интересах» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 77об.].

К сокращению биоресурсов вело уничтожение ильменей: искусственное регулирование течения реки, уменьшение площади берега, подверженного весеннему разливу, но ловцы этим не занимались, «по простой причине, что для этого в их обходе не существует никакой надобности» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 79].

Подытоживая сказанное, И. И. Пересвет-Солтан писал: «Население поселков, составляющее почти 1/5 населения Астраханского и Красноярского уездов, устроилось в поселках береговой полосы с давних времен, имеет свои церкви, школы, семейную и общественную жизнь. Поэтому, если бы даже было установлено неопровержимыми данными, что культура берегов Каспийского моря отражается гибельными последствиями на водном населении, то и тогда едва ли представлялось бы справедливым и соот-

ветствующим государственным интересам ломать установившийся в течение целых десятилетий общественный строй почти 20-ти тысячного человеческого населения для сохранения рыбного запаса. Кроме того, такое массовое переселение людей с насиженных мест может вызвать большие осложнения в устройстве их на новых местах, не говоря уже о том, что дать какие-либо источники пропитания такому значительному контингенту лиц, привыкших только к рыболовству, доставит неисполнимые затруднения» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 79–79об.].

Автор рассматриваемой записки предложил наделить землями все находящиеся в ведении Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами поселки береговой полосы, в соответствии с численностью жителей, которая будет на момент издания специального закона, сформировать в поселениях местные органы самоуправления и объединить их в волости или присоединить к ближайшим крестьянским волостям. По его мнению, во владенных актах поселков обязательно необходимо было записать, что морские и речные воды, лежащие напротив земельных наделов поселков, не дают их жителям права исключительного лова в них рыбы, а должны быть доступны всем желающим лицам, и поселяне не вправе препятствовать пристанищу посторонних ловцов на десятисаженном береговом пространстве, возводить рыбопромысловые заведения, так же как и отводить для этой цели посторонним лицам участки земли без разрешения Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149, Л. 79–79об.].

И. И. Пересвет-Солтан признавал, что заселение морского побережья, невзирая на противодействие данному процессу со стороны властей, будет усиливаться и остановить его не представляется возможным. Поэтому он предлагал властям взять стихийное заселение под свой контроль: «Но, если нельзя совершенно воспрепятствовать дальнейшему заселению береговой полосы, то все-таки возможно и даже необходимо упорядочить это заселение, сделать его более планомерным, и таким образом, до известной степени, парализовать тот вред, который этим путем может быть

нанесен рыбному промыслу» [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 84]. В отношении новых переселенцев чиновник считал необходимым придерживаться следующих правил: 1. Разрешать создание поселений только на заранее определенных местах, занятие которых не повредит рыбной фауне; 2. Не допускать без ведома властей возникновения поселений, а если это произойдет, то выдворять самовольных поселенцев как можно быстрее, не ожидая, пока увеличится их численность; 3. Образованные с разрешения властей поселения наделять землями и затем передавать в ведение местной администрации; 4. Обложить поселяющихся на береговой полосе лиц платой за земли, занятые под строения и используемые под сенокосение и выпас скота, до поземельного устройства поселения [ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2149. Л. 84об.].

Автор пришел к выводу о бесполезности принятия мер по предотвращению самовольных переселений на береговую полосу, объясняя их неискоренимость большой выгодностью занятий рыболовством для населения. И. И. Пересвет-Солтан считал необходимым легализовать поселения, образовать в них управление и наделить положенным для ловецких поселков количеством земли. В то же время он предлагал взять под строгий контроль будущие самовольные переселения и пресекать их ещё в зачатке полицейскими мерами, пока переселенцы не успели построиться и укорениться.

Заключение

Анализ записки И. И. Пересвет-Солтана «По вопросу о поземельном устройстве самовольных поселков, находящихся в пределах береговой полосы Каспийского моря» свидетельствует о том, что ее автор был знаком с материалами по данной проблеме. В своей работе он использовал значительную часть информации предшественников и современников, вместе с тем в документе представлены его личный взгляд и материалы личных наблюдений, собранные в ходе поездки по самовольным поселкам.

Содержимое документа показывает, что государственные власти в принципе были сторонниками легализации и устройства

самовольных поселений, к этой точке зрения примыкал и сам И. И. Пересвет-Солтан.

При решении проблемы власти столкнулись с принципами законности и целесообразности, этим фактом во многом объясняются длительные сроки переписки и вовлечение в данный процесс ряда ведомств и высокопоставленных руководителей и чиновников.

В итоге власти пришли к выводу о необходимости легализации самовольных поселков и их жителей, последующего поземельного и административно-территориального устройства рыбацких поселков. Государству было невыгодно ликвидировать поселки, ибо эта акция отрицательно сказалась бы на развитии рыболовства и поставила в тяжелейшее положение десятки тысяч людей, на будущее устройство которых пришлось бы тратить большие финансовые средства.

Источники

- ГА АО — Государственный архив Астраханской области.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
ПСЗ РИ 1880 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. 53. Ч. 2. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1880. 346 с.

Литература

- Гримм 1896 — *Гримм О. А.* Каспийско-Волжское рыболовство. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. 154 с.
Записка... 1899 — Записка статс-секретаря Вешнякова по поездке на Волгу осенью 1898 года для ознакомления с Каспийско-Волжскими рыбными промыслами. Астрахань, 1899. 49 с.
Зубович П. О. О самовольных поселках в Астраханском и Красноярском уезде // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1894 год. Астрахань: Паровая новая русская типография, 1896. С. 35–45.
Лебедев 1863 — *Лебедев К. Н.* О Каспийском рыболовстве. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1863. 136 с.
Михайлов 1856 — *Михайлов И. И.* Астраханские ловцы // Библиотека для чтения. 1856. Отд. 1. Т. 137. С. 135–192., Т. 138. С. 113–136.

- Никольский 1898 — *Никольский А. М.* Астраханские морские ловцы: Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1898. 174 с.
- Островский 1892 — *Островский М. Н.* Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб.: [б. и.], 1892. 72 с.
- Покасов 1911 — *Покасов И.* Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 652–661.
- Покасов 1909 — *Покасов И.* Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 586–591.
- Реверсов 1879 — *Реверсов П. И.* Материалы для церковно-приходской летописи Астраханского уезда, Четырехбугоринского селения, Николаевской церкви // Астраханские епархиальные ведомости. 1879. № 3. С. 40–44.
- Сангаджиев, Монраев 1981 — *Сангаджиев П. Д., Монраев М. У.* О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия // Исследования по исторической географии КАССР. Элиста: Калм. НИИФЭ, 1981. С. 72–78.

У истоков формирования «калмыцкой» коллекции Астраханского музея-заповедника

Маргарита Даниловна Каруева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-4680-3031. E-mail: karuevamd@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Каруева М. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* В целях сохранения культурного наследия калмыцкого народа и его научного изучения актуальным является создание Сводного каталога музейных предметов, что имеет особое значение в условиях утраты значительного пласта традиционного наследия вследствие репрессий по национальному признаку и депортации народа (1943–1957 гг.). Сотрудниками Калмыцкого научного центра РАН составлен каталог «калмыцкой» коллекции Астраханского музея-заповедника и проводится работа по ее научному изучению. *Цель* статьи — выявление происхождения «калмыцкой» коллекции Астраханского государственного музея-заповедника (за исключением предметов буддийского культа и фотографий, которые будут рассмотрены в другой работе). *Результаты.* У самых истоков формирования «калмыцкой» коллекции музея стоял Астраханский губернский статистический комитет, который передал 4 предмета в будущий музей. Стимулом для «массового» (т. е. разового, но при этом большого в количественном плане) пополнения стал сбор экспонатов в ходе подготовки к Казанской научно-промышленной выставке, состоявшейся в 1890 г., формирование «калмыцкой» коллекции которой происходило из трех источников: от представителей калмыцкого народа; от Управления калмыцким народом; от Астраханского губернского статистического комитета. В последующие годы данное собрание калмыцких предметов постоянно пополнялось, и в этом уже главную роль играли члены Петровского общества исследователей Астраханского

края, которые сумели не только собрать, но и описать экспонаты. КATALOGИ 1890 г. и 1928 г. являются уникальными источниками по изучению быта калмыцкого народа.

Ключевые слова: Калмыкия, калмыцкий народ, буддизм, культовые предметы, музейная коллекция, источник, буддийская икона, Астраханский музей-заповедник

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0), каталогизирование осуществлено за счет средств гранта Министерства культуры и туризма Республики Калмыкия. Автор выражает искреннюю благодарность и признательность руководителю Астраханского государственного музея-заповедника А. А. Булычеву и главному хранителю А. И. Головачевой за предоставленные возможности по изучению «калмыцкой» коллекции музея.

Для цитирования: Каруева М. Д. У истоков формирования «калмыцкой» коллекции Астраханского музея-заповедника // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 104–143. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-104-143

Astrakhan Reserve Museum: Origins of the ‘Kalmyk’ Collection Analyzed

*Margarita D. Karueva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-4680-3031. E-mail: karuevamd@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Karueva M. D., 2022

Abstract. Introduction. A Joint Catalogue of Museum Items would essentially contribute to further preservation and scholarly exploration of Kalmyk cultural heritage, which is of even greater importance since quite a share of the latter had been lost in ethnic repressions and Deportation of 1943–1957. Associates of Kalmyk Scientific Center (RAS) have compiled a catalogue of the ‘Kalmyk’

collection at Astrakhan Reserve Museum and conduct systematic scholarly analyses of its elements. Goals. The paper aims at revealing origins of the mentioned ‘Kalmyk’ collection (except for Buddhist ritual objects and photographs to be examined in another work). Results. The analysis shows the Collection was founded by Astrakhan Governorate Statistical Committee to have delivered a total of four items to the would-be Museum. ‘Mass’ arrivals of showpieces were ignited by the 1890 Kazan Science and Industry Exhibition’s arrangements — from three sources, namely: ethnic Kalmyks proper, Kalmyk People’s Executive Department, and Astrakhan Governorate Statistical Committee. Subsequent years witnessed regular donations of Kalmyk-related items primarily from members of Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Lands who succeeded not only in collecting but also in describing the submitted objects. So, the catalogues of 1890 and 1928 serve as unique sources on household life of the Kalmyks.

Keywords: Kalmykia, Kalmyk people, Buddhism, ritual objects, museum collection, source, thangka, Astrakhan Reserve Museum

Acknowledgements. Investigation of Buddhist items included in the ‘Kalmyk’ Collection was funded by government subsidy (project no. AAAA-A19-119090590086-0 ‘National Information Resources in Scientific and Cultural Spaces’), cataloging granted by Kalmykia’s Ministry of Culture and Tourism. The author extends sincere gratitude to A. Bulychev, Director of Astrakhan Reserve Museum, and Chief Custodian A. Golovacheva for the offered opportunity to explore the ‘Kalmyk’ Collection of the Museum.

For citation: Karueva M. D. Astrakhan Reserve Museum: Origins of the ‘Kalmyk’ Collection Analyzed. Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2022; 2: 104–143. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-104-143.

Введение

В последнее время историческая наука стала принципиально расширять список источников, которые можно использовать для исследования тех или иных проблем. В их число попали и музейные предметы, которые являются подлинными свидетельствами прошлого и достоверными доказательствами исторических фактов. Об этом свидетельствуют и защищенные диссертационные работы, основанные на материале музейных коллекций [Минина 2007; Абрамова 2009; Артюхова 2008; Янес 2010; и др.], и обзорные работы, описывающие результаты синергии музейных работ-

ников и историков для решения различных исследовательских задач (см., например: [Рыгалова М., Рыгалов Е. 2018]).

Музейные предметы, имеющие отношение к культуре калмыков и находящиеся в фондах российских музеев (Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, Российский этнографический музей, Астраханский музей-заповедник, Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе и др.), порой являются единственными аутентичными свидетельствами прошлого калмыцкого народа, перенесшего незаконную ссылку в восточные районы страны в период Великой Отечественной войны, в 1943 г., и не сумевшего в силу объективных причин сохранить многие объекты традиционной материальной культуры. Очевидно, что необходимо проводить работу по каталогизированию и оцифровке имеющихся музейных предметов как источников для изучения истории и этнографии калмыцкого этноса и созданию Сводного каталога музейных предметов. Сотрудниками Калмыцкого научного центра РАН была осуществлена экспедиция в Астраханский музей-заповедник для описания «калмыцкой» коллекции, в результате которой проделана указанная работа; полученные материалы по каталогизированию и оцифровке (фотографированию) впоследствии могут выступить источником для изучения калмыцкой истории и культуры.

«Калмыцкая» коллекция Астраханского музея-заповедника, которая насчитывает свыше 220 ед. хр. и которую составляют предметы быта, одежда, предметы буддийского культа и др., детально не изучалась учеными, существуют отдельные работы, в которых фрагментарно анализируются музейные предметы, имеющие калмыцкое происхождение или связанные с калмыцкой культурой [Курапов 2009; Герасимова 2016; и др.]. Кроме того, «калмыцкая» коллекция Астраханского музея-заповедника носит уникальный аутентичный характер, отражает быт, религию калмыцкого народа на рубеже XIX и XX вв. «Вещественные источники определяются как тип исторических источников, предметы и объекты, в которых овеществлена („опредмечена“) деятельность людей и которые содержат информацию о хозяйствен-

ной деятельности, социальной организации, бытовом укладе, эстетических, религиозных и других представлениях, об эмоционально-психологическом складе и внутреннем мире человека» [Абрамова 2009: 3]. Именно их комплексная неизученность и аутентичный характер обуславливает актуальность исследования.

Целью данной работы является выявление происхождения «калмыцкой» коллекции Астраханского государственного музея-заповедника, за исключением предметов буддийского культа¹ и фотографий, которые будут рассмотрены в другой работе. Вопрос происхождения «калмыцкой» коллекции музея имеет актуальный характер в связи с тем, что решение этой проблемы является одним из доказательств аутентичности этих предметов и потенциальной возможности использования их в качестве источника для исторических исследований.

Материалы и методы

В работе в качестве источников для исследования заявленной темы привлекались к анализу Отчеты и сборники трудов Петровского общества исследователей Астраханского края (далее — ПОИАК), которые освещают деятельность организации за определенный календарный период, историю самого общества с момента его создания, основные направления научных исследований, научные статьи, итоги экспедиций и др. Кроме того, были просмотрены Книги прихода Астраханского государственного музея-заповедника, а также мы обращались к данным Государственного каталога², к архивным документам Государственного архива Астраханской области (ГА АО), Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (НМ РК) и опубликованным источникам (например: [Каталог 1890]).

¹ Далее в статье упоминаются несколько предметов религиозного культа, переданных от Астраханского губернского статистического комитета, а также учтенных в [Каталог 1890].

² Государственный каталог [электронный каталог] // URL: <https://goskatalog.ru/portal/> (дата обращения: 25.03.2022).

Работа основывается на принципах системности и историзма, которые позволяют охарактеризовать материал исследования с точки зрения их происхождения и формирования, а также рассматривать их как своего рода систему, реализованную в музейном пространстве. Анализ выстраивается с применением междисциплинарного подхода к объекту исследования с применением следующих методов: источниковедческого, сравнительного, музееведческого, антропологического.

Астраханский музей-заповедник и «калмыцкая» коллекция

Астраханский музей-заповедник — один из старейших региональных музеев России, включающий в себя 14 филиалов, пять из которых расположены в г. Астрахани, девять — в районах области. Собрание музея насчитывает свыше 300 тыс. предметов, среди которых археологические, этнографические, нумизматические, таксидермические коллекции флоры и фауны и др.³ Большая часть коллекций была собрана и отдана безвозмездно в Музей членами ПОИАК, образованного в 1872 г. по инициативе преподавателя местной духовной семинарии известного историка и краеведа Н. Ф. Леонтьева (1845–1914) [Отчет 1889: 3]. Открытие было приурочено к 200-летию со дня рождения Петра I.

Общество занималось сбором сведений и предметов, относящихся к всестороннему изучению края. Круг интересов ПОИАК был широк: история рыбного и сельского хозяйства, политика, финансы, общественные явления, археология, история и культура народов, проживавших на территории Астраханской губернии и т. д. Была разработана программа для сбора исторических, этнографических, археологических данных о родном крае, который был уникален тем, что здесь сосуществовали народы, представляющие и европейскую, и азиатскую цивилизацию [Программа 1888]. Общество организовывало на постоянной основе экспедиции для сбора экспонатов в целях формирования музейных коллекций. Исследо-

³ См. О музее [электронный ресурс] // Официальный сайт Астраханского музея-заповедника. URL: <https://astmuseum.ru/ru/about/> (дата обращения: 15.03.2022).

ватели ПОИАК были заинтересованы в изучении полиэтнического общества, что привело к целенаправленному сбору экспонатов — от предметов быта до культовых принадлежностей, принадлежащих кочевым и оседлым народам.

Термин «калмыцкая» коллекция мы вводим условно, поскольку такой отдельной коллекции не существует в Астраханском музее-заповеднике. В нее мы включаем все музейные предметы, фотографии, книги (журналы), имеющие отношение к калмыцкому народу и хранящиеся в различных фондах музея-заповедника. Они связаны с историей и культурой калмыцкого народа, некоторые из них необязательно были созданы в Калмыцкой степи, но использовались калмыками в прошлом [Руднев 1905: 14]. Например, буддийская икона «Аюши⁴ — покровитель долгоденствия — с 250 разных святых вокруг, писанная на полотне красками», в отчете указано, что ее подарил Наянта Шахтаев, гецолю Икицохуровского улуса, который привез ее из Урги (ныне — г. Улан-Батор) [Отчеты Музея 1908: 9]. Данная икона вошла в Каталог Музея, изданный в 1928 г., под номером 254 [Каталог музея 1928: 45], однако среди фактической коллекции икона с изображением Аюши с такими же характеристиками (а именно 250 божеств вокруг Амитаюса) не обнаружена, возможно, что дарциг был передан в другое музейное учреждение или был утрачен вследствие неизвестных нам причин. Как видно, сама икона привезена из Монголии, возможно, что и она могла быть привезена в Ургу из Тибета или любого другого места Центральной Азии (хотя это маловероятно, поскольку в Урге в тот период существовали свои «официальные» и «неофициальные» школы иконописцев [Руднев 1905: 6]). Очевидно одно: она не была создана в Калмыцкой степи, однако в связи с тем, что Будда Амитаюс особо почитаем в традиционной культуре калмыков [Музраева 2011: 73–74], буддийская икона и была привезена гецолюем в Калмыцкую степь.

«Калмыцкая коллекция» Астраханского музея-заповедника представляет огромный научный интерес, в первую очередь для

⁴ Аюши — монгольское наименование эманации Будды Амитабхи, Будды Амитаюса (санкр. Amitāyus).

ученых, исследующих историю и культуру калмыцкого народа. Они не были выделены в отдельное собрание, так как фонды Астраханского музея сформированы по видам предметов, что соответствует правилам хранения музейных предметов в зависимости от материала, из которого они изготовлены [[Приказ Министерства культуры РФ 2020](#)], хотя при этом существует мнение, что данная коллекция является самой обширной среди всех этнографических собраний Астраханского музея [[Курапов 2009: 232](#)].

Основные способы формирования «калмыцкой» коллекции

Создание «калмыцкой» коллекции, как и собраний других народов, населявших Астраханскую губернию, производилось несколькими способами: 1) путем передачи Музею уже сформированных коллекций, например Астраханским губернским статистическим комитетом, Управлением калмыцким народом [[Отчеты Музея 1908: 1](#)], представителями калмыцкого народа [[Каталог 1890: 64](#)]; 2) путем пожертвований музею, о чем свидетельствует запись в [[Отчет 1889: 44](#); [Отчеты Музея 1908: 4, 9](#); и др.]; 3) путем приобретения на средства музея [[Отчеты Музея 1908: 11](#)]; 4) путем сбора предметов, вещей в ходе полевых экспедиций [[Отчет 1909: 8](#)].

Изначально «калмыцкая» коллекция сформировалась, во-первых, из предметов, которые были переданы Астраханским губернским статистическим комитетом в 1888 г. [[Отчет 1890: 5](#); [Отчеты Музея 1908: 1](#); [Иванов 1888: 5–6](#)], во-вторых, из коллекции Управления калмыцким народом, собранной на Казанскую научно-промышленную выставку (1890 г.), а также в результате пополнения фондов музея членами ПОИАК. Вместе с тем в других источниках имеется другая информация: фонды музея были сформированы из коллекции Астраханского губернского статистического комитета в 1888 г. [[Отчеты Музея 1908: 1](#)] и из коллекций, подготовленных для выставки в Казани по просьбе Астраханского выставочного комитета, «с присоединением к ним коллекций Калмыцкого Управления, коллекций солей...» [[Отчеты Музея 1908: 1](#)]. В составлении коллекции Управления калмыцким наро-

дом приняли участие представители калмыцкой знати и духовенства [Каталог 1890: 63].

«Калмыцкие» предметы Астраханского губернского статистического комитета

В ГА АО имеется Каталог предметов Музея при Астраханском статистическом комитете, составленный в 1887 г., за год до передачи в музей [ГА АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 468]. В документе указано, что в Музее при Астраханском статистическом комитете было 355 ед. хр., среди которых к «калмыцкой» коллекции относятся всего несколько предметов: 1) две калмыцких деревянных чашки для чая (№ 334); 2) калмыцкая ногойка (№ 336); 3) бурхан, отлитый из бронзового сплава (№ 354) [ГА АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 468. Л. 12, 12об.]. Кроме этих предметов, в списке имеется также нож в серебряной оправе без указания на его происхождение [ГА АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 468. Л. 12]. Данные «калмыцкие» вещи были переданы в Музей, видимо, в 1888 г. В Каталоге Казанской научно-промышленной выставки значатся деревянные чашки в количестве 4-х единиц, которые были переданы представителями калмыцкого народа [Каталог 1890: 77], в Каталоге же за 1928 г. также указаны чашки с таким же количеством [Каталог музея 1928: 39], остальных предметов из Каталога предметов Музея при Астраханском статистическом комитете не было обнаружено в перечне экспонатов.

«Калмыцкая» коллекция для Казанской научно-промышленной выставки 1890 г.

ПОИАК провело два организационных заседания в 1890 г. по вопросу подготовки к Казанской научно-промышленной выставке, в том числе с Управлением калмыцким народом и некоторыми представителями калмыцкого народа (фамилии приглашенных в отчетах нами не обнаружены) [Отчет 1891: 4]. Активное участие в сборе экспонатов на Казанскую выставку приняло Управление калмыцким народом, которое поставило себе задачу «по возможности познакомить публику с современным бытом астраханских

калмыков, при чем характеризовать этот народ и как представителя кочевых пастушеских племен, и как первобытное племя, воспринимающее окружающую его высшую культуру» [Каталог 1890: 62]. В 1890 г. В. А. Хлебников участвовал в организации «калмыцкого отдела» на Казанской научно-промышленной выставке [НМ РК. КП 6795/34]. На устройство «калмыцкого отдела» было выделено 1 000 руб. из средств Калмыцкого общественного капитала. Попечитель участвовал в работе выставки представителем от Астраханской губернии в качестве заведующего «Калмыцким этнографическим отделом» и «Астраханским соляным и лесным отделом» [НМ РК. КП 6795/242].

В сборе экспонатов для выставки принимали участие представители калмыцкой знати, среди которых были: нойон Малодербетовского улуса Тундутов, старший бакши Малодербетовского улуса Джалцин, нойон Александровского улуса Тюмень, зайсанг Александровского улуса Шонхоров, зайсанг Багацохуровского улуса Онкоров, зайсанги Малодербетовского улуса Дондуков, Арлуев, Боваев, зайсанг Яндыковского улуса Оргечкиев, зайсанг Икицохуровского улуса Нохаев, зайсанг Эркетеновского улуса Джамбаев [Каталог 1890: 63–64]. В каталоге приведен список экспонатов, предоставленных калмыцкой знатью. Приведем его здесь полностью (см. таблицу 1), поскольку он имеет большое значение для этнографических исследований, а также сравним список экспонатов выставки со списком экспонатов Астраханского музея-заповедника за 1928 г. для того, чтобы выяснить, какие предметы были переданы после выставки в музей. Наименования переложены на современный русский язык, за исключением безэквивалентной лексики, пунктуация источника сохраняется, при этом жирным шрифтом выделены номера позиций, написания которых совпадают полностью или почти совпадают (например, в части перестановки слов в наименовании или в орфографии). Подчеркиванием выделены те позиции, которые были собраны разными представителями калмыцкой знати. Номера из [Каталог 1890] со знаками «?» и «/» передают неуверенность в идентификации.

Таблица 1. Список экспонатов «калмыцкого отдела»
на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г.
[Каталог 1890: 64–78]

№	Собиратель	№ по: [Каталог 1890: 64–78]	Наименование	№ по: [Каталог 1928]
1.	2.	3.	4.	5.
1.	Нойон Малодербетовского улуса Гундутов	12	Топливо из помета скота. Собирается на пастбищах. <i>Аргасун</i>	33
2.		13	Топливо из помета скота. Собирается в кочевье, разминается с водой и, затем, засушивается в форме лепешки. <i>Ташмыр-аргасун</i> .	34
3.		14	Топливо из помета скота. Накапливается в зимних помещениях для скота в течение зимы, а летом режется на плиты и просушивается. <i>Хони-этык</i> .	35
4.		34	Сумка для хранения муки, шерсти и проч. Из шкуры жеребенка. <i>Унзун-арсун-тулум</i> .	58
5.		35	Сумка из телячьей шкуры для сбора по степи топлива, переноски разных предметов и проч. <i>Ута</i> .	59
6.		41	Верхняя одежда для защиты от непогоды из шкурки молодых жеребят — мужская. <i>Даха</i> .	
7.		42	Тоже — женская без рукавов. <i>Цегдык</i> .	12

8.	49	Нагайка, сплетенная из тонких и узких ремешков. <i>Маля</i> . Употребляется более, как оружие, например, для охоты за волками.	
9.	50	Плеть из широкого ремня для недалеких и безопасных поездок. <i>Ташмык</i> .	67
10.	55	Кожаная бутылка. <i>Бортога</i> . Употребляется для кумыса и калмыцкой водки.	73
11.	56	Тоже малого размера.	74
12.	57	Две бортоги без метал. отделки.	
13.	66	Праздничный костюм старика: Шапка (<i>ниткюмер-золата-махла</i>), рубаха (<i>клинг</i>), брюки (<i>шалбур</i>), бишмет (<i>бюцмюот</i>), шелковый пояс (<i>торгон-бюс</i>), суконный халат (<i>лабишик</i>) и сапоги (<i>зосон</i>) из черной козлиной кожи.	10? 11?
14.	70	Праздничный костюм девушки: бишмет, верхняя одежда (<i>билизе</i>) и вышитый пояс (<i>зеста-бюс</i>).	16?
15.	77	Праздничная соболья мужская шапка. <i>Булгун-махла</i> .	
16.	80	Праздничная с вышивкой женская шапка. <i>Халванг</i> .	24

17.	116	Деревянный сосуд для калм. чая. <i>Донджик</i> . Обделан серебром.	98
18.	117	Тоже больш. размера, обделан польск. серебром.	
19.	118	Ведёрце того же назначения. <i>Сулга</i> .	
20.	119	Разная деревянная посуда, заменяющая тарелки, чашки и пр. Представляются в двух экземплярах больших и маленьких размеров.	
21.	123	Серебряные и вызолоченные серьги.	
22.	132	Серебряный брелок со щипчиками для волос, чистилками для ушей, ногтей и проч. Носится на поясе или на груди девушками. <i>Хумса-абдык-арчадык-зер-зебе</i> .	
23.	135	<i>Кюроэ</i> . Вращающийся деревянный цилиндр на железной оси с написанною на нем молитвою на тибетском языке. Употребляется калмыками при молении.	288
24.	<u>136</u>	<u>Кисет для табака. <i>Тамкин-тунгурдук</i>.</u>	<u>103?</u>
25.	137	Полушка с двумя вышивками на концах. <i>Тюнтик</i> .	
26.	138	Мешочек с кистями для хранения чашки. <i>Бурсук</i> .	
27.	139	Вышитый шелковый кошелек. <i>Тунгурдук</i> . Употребляется для золотых и серебряных монет.	
28.	140	Шелковый кошель (<i>тунгурдук</i>) для бумажных денег.	
29.	141	Шелковый кошелек для огнива. <i>Кэтчи</i> .	

30.	142	Бархатный мешочек с вышивкой и кистями для табаку. <i>Тамкин тунзурук.</i>	
31.	143	Женский бархатный мешочек с кистями и вышивкой, заменяющий ручной саквояж.	
32.	144	Два плетеных игольника с кистями. <i>Зюбчи.</i>	
33.	145	Пара плетеных кистей для украшения четок. <i>Эркенэ-то.</i>	
34.	146	Тесьма, тканая из серебряных и шелковых ниток. <i>Самарлага.</i>	
35.	147	Два сорта позумента разной ткани в незаконченном виде. <i>Эретэ-кюсмэ.</i>	
36.	148	Шелковый плетеный шнурок. <i>Доколга.</i>	
37.	149	Две продолговатых вышивки для подушки. <i>Дерын-толга.</i>	
38.	150	Шесть разных круглых вышивок для подушек. <i>Тюнтюгин-толга.</i>	
39.	151	Круглая вышивка сплошная золотом, серебром и шелком. Употребляется на шапки для духовных лиц. <i>Махлан-тог.</i>	
40.	152	Вышивка в незаконченном виде.	
41.	153	Четырехугольная вышитая подушка. <i>Дэр.</i>	
42.	154	Четырехугольная вышитая подушка, сплошь вышитая золотом.	
43.	155	Вышитое золотом верхнее женское платье (<i>цегдык</i>).	12?

44.	156	Серебряный шнурок в незаконченном виде.	
45.	157	Изображение Будды. <i>Арван-хоир-закал</i> . Рисуют среди калмыков исключительно лица духовного сословия, а содержание рисунков всегда религиозное.	
46.	160	<i>Домбор</i> , простой дешевой работы.	116
47.	161	Музыкальный инструмент — <i>ятага</i> .	117
48.	169	Снаряд для выжимки сваренного калмыцкого чая.	123/124
49.	177	Старинное кремневое ружье. <i>Хадык-бу</i> .	
50.	178	Кибитка (<i>ишга-гер</i>) среднего размера составлена из шести подвижных решеток (<i>терьми</i>) о 73 голках или оконечностях, на которые надеваются длинные палки (<i>уины</i>), поддерживающие верх кибитки (<i>харачи</i>). Терьмы и уины окрашиваются суриком, а дверь разными красками. Кибитка покрывается кошмами (<i>ишга</i>). Внутренность кибитки: против входа ставится всегда постель (<i>орон</i>), которую составляют: кровать из дерева самой простой работы, покрытая в несколько слоев особо шитыми кошмами (<i>дебскыр</i>); подушки (<i>дер</i>) двух особых покровов: а) (<i>ики-дер</i>) большие кошменные подушки, обтянутые в изголовьи красным сукном и в ногах — черным, с разрезом по середине, служащая в тоже время чемоданами для складывания в них	4

51.	Старший бакши Малодербетовского улуса Джалцин	86	<p>запаснаго белья; б) подушка из шкуры жеребенка, набитая всегда пером и обтянутая наволокою; постель с наружной стороны занавешивается ковром, а над постелью устраивается полог из ситца, отороченный спереди синим или зеленым коленкором. На левой от входа стороне кибитки складываются все излишние и запасные вещи, материалы и продовольствие. Этот склад (<i>баран</i>) накрывается ковром, и на него ставятся еще сундуки, которых бывает три и более, смотря по состоянию. Место между постелью и бараном имеет религиозное значение, соответствующая переднему углу русских. Здесь помещается изображение бурхана, <i>кюнде</i> (141), лампадка и жертвенная чашечка. Правая сторона от входа имеет значение кухни. Здесь находится вся посуда для приготовления пищи, еды и сохранения воды, молока и арьяна. Очаг всегда устраивается в центре кибитки.</p>	
			<p>Одежда обыкновенная. Рубаха (<i>килиг</i>), юбка (<i>маик</i>), носимые всем духовенством, шелковые бишмет и халат бакшей, геллонгов и гецолей,</p>	303?, 304, 302,

			шерстяной пояс (<i>шемиок-бюс</i>), носимый всеми духовными, шелковая лента (<i>оркамджи</i>) и бутылочка с водою для полоскания во рту после еды (<i>чаврун</i>), носимые всем духовенством, кроме манджиков.	305, 308/309, 277
52.	87		Одежда обыкновенная. Кумачевый бишмет манджика.	301?
53.	88		Одежда обыкновенная. Желтый шелковый халат почетных гелюнгов и бакшей.	300?
54.	89		Одежда обыкновенная. Шапка манджика и гецоля.	298?
55.	90		Одежда обыкновенная. Шапка гелюнга.	299?
56.	91		Одежда обыкновенная. Шапка бакши и ламы.	297?
57.	92		Одежда обыкновенная. Сапоги, носимые всеми духовными.	
58.	93		Одежда обыкновенная. Башмаки, носимые всеми духовными.	
59.	94		Богослужебная одежда. <i>Килиг</i> . Шелковая рубаха.	303?

60.		95	Эренэ. Надевается сверх рубахи.	313
61.		96	Тагшизм. Нечто вроде юбки.	312
62.		97	Чегги. Надевается на плечи.	311
63.		98	Намджир. Надевается сверху чегги.	310
64.		99	Номта-хубцан. Тоже верхняя одежда.	
65.		100	Дебскир. Употребляется для покрышки сидения.	307
66.		101	Оркомджи. Носится, как лента, через плечо.	308/309
67.		102	Ула-махла. Шапка.	294
68.	Нойон Александровского улуса Тюмень	2	Кормовые травы волжского займища, 38 сортов. Собраны в Александровском улусе.	
69.		3	Кормовые травы Каспийской низменной степи, 37 сортов. Собраны там же.	
70.		4	Конский волос. Грива однолетка. <i>Сарван дель.</i>	36
71.		5	Конский волос. Грива двулетка. <i>Дагани-дель.</i>	37
72.		6	Тоже	
73.		7	Конский волос. Хвост однолетка. <i>Сорван-сюль.</i>	38
74.		8	Конский волос. Хвост двулетка. <i>Дагани-сюль.</i>	39
75.		15	Аркан из конского волоса для ловли лошадей. <i>Далмин-аргамальдже.</i> Петля обшита кожей против загорания от сильного трения.	43

76.	16	Чумбур из конского волоса для привязывания верховых лошадей во время остановок в пути. При езде один конец привязывается к левому концу удил узды, а другой накидывают на передней лук седла. <i>Цулбур</i> .	44
77.	17	Подпруга из конского волоса и верблюжьей шерсти. <i>Татурин-килгасан</i> .	44
78.	18	Коновязь из того же волоса и верблюжьей шерсти. <i>Зель</i> .	45
79.	19	Недоуздок из того же материала для привязи жеребят дойных кобылиц. <i>Унгуна-нокто</i> .	46
80.	20	Веревка из того же материала для привязи телят дойных коров. <i>Тугулин бючи</i> .	47
81.	36	Хозяйственная сумка из телячьей шкуры. <i>Тугулийн-арсун-тулум</i> .	60
82.	37	Зимние штаны из козьей шкуры. <i>Ямани-арсун-шалбур</i> .	
83.	38	Подушка из телячьей шкуры. <i>Тугулин-арсин-дер</i> .	61
84.	46	Ремни из коровьей кожи. <i>Сур</i> .	64
85.	47	Ремни из верблюжьей кожи. <i>Темани-сур</i> .	65
86.	48	Ременная тренога для спутывания лошадей. <i>Чедыр</i> .	66
87.	59	Ребра коровьи. <i>Хабсун</i> . Употребляются для выделывания ремней.	75
88.	60	Черенок ножа из конского копыта.	

89.	61	Черенок ножа из козьего рога.	
90	62	Черенок ножа из сайгачьего рога.	
91.	63	Порошница (<i>шакиш</i>) из коровьего рога.	76
92.	64	Мерка для ружейного заряда (<i>целек</i>) из козьего рога.	77
93.	65	Табакерка (<i>наван-гер</i>) из коровьего рога.	
94.	75	Обыкновенная мужская шапка из черной мерлушки. <i>Хазык-махла</i> .	17
95.	76	Праздничная мужская шапка. <i>Ширезтэ-хаджилга</i> .	19
96.	78	Женская шапка из мерлушки. <i>Хажилга</i> . Носится в Александровском улусе.	21
97.	79	Женская зимняя лисья шапка. <i>Бючлячи</i> .	23?
98.	81	Шапка девушки и детей. <i>Торцык</i> .	25
99.	84	Мужские сапоги. <i>Госон</i> .	
100.	105	Блюдо для мяса, лепешек и проч. <i>Табык</i> .	95
101.	106	Чашка для питья кумыса и арьяна. <i>Бабгир-ага</i> .	87
102.	107	Чашка для питья калмыцкого чая и супа. <i>Босха-ага</i> .	89
103.	108	Чашка духовенства для чая и кумыса. <i>Цоке</i> .	92
104.	109	Чашка детская. <i>Шаазынг</i> .	93
105.	110	Чашка для питья калмыцкой водки. <i>Шаазынг</i> .	88
106.	111	Чашка дорожная и охотничья. <i>Сабыл</i> . Через отверстие в ручке продета ременная петля, которая служит для привешивания чашки к торокам седла.	94

107.		112	Корыто, заменяющее блюдо. <i>Тебыш</i> . На тебыш выкладывают из котла сваренное мясо; на праздниках и других многолюдных трапезах мясо подается на тебыше несколькими человекам зараз. На тебыше подается также целый сваренный баран при поздравлениях.	96
108.		113	Ложка для мешания чая в котле во время варки и для разлива чая из котла по чашкам. <i>Цягин-шанга</i> .	86
109.		114	Ложка для разлива из котла калмыцкой водки. <i>Аркин-шанга</i> .	85
110.		115	Кувшин, в котором подается гостям водка. <i>Цор-гоцар</i> .	97
111.		120	Стремена (<i>дере</i>) железные, крытые серебром.	99
112.		121	Удила (<i>уда</i>) такие же. Делаются №№ 120 и 121 кустарями Александровского улуса.	100
113.		159	Скрипка калмыцкой работы. <i>Скрипка</i> .	
114.		170	Снаряд для перегона из молочных продуктов калмыцкой водки (<i>арки</i>), называемый <i>аркин зер-зеве</i> .	83
115.	Зайсанг Александровского улуса Шонхоров	26	Нитки из бараньей шерсти. <i>Хони-носун-утидун</i> .	
116.		27	Тесьма из бараньей шерсти. <i>Хони-носун-хоишлынг</i> .	
117.		164	Веретено для пряжи ниток из шерсти. <i>Иг</i> .	121

118.	Зайсанг Багацохуровского улуса Онкоров	71	Обыкновенные: жилет, бишмет и халат мужчины.	
119.		72	Обыкновенный мужской пояс с бляхами из польского серебра (<i>польши-бюс</i>).	
120.		73	Обыкновенная женская одежда: рубаха, нижнее платье, верхнее платье, мешочки для кос, накосники и шапка (<i>бючлячи</i>).	23?
121.		74	Обыкновенная детская одежда: рубаха, штаны и бишмет.	
122.		82	Детская шапка. <i>Тамиа</i> .	26
123.		83	Женские сапоги из красной козьиной кожи. <i>Госон</i> .	
124.		85	Детские башмаки. <i>Госон</i> . Покрой перенят у русских.	
125.		103	Обыденное мужское седло. <i>Эмяль</i> .	
126.		104	Праздничное женское седло с серебряными украшениями. <i>Эмяль</i> .	
127.		122	Женские серьги (<i>сикэ</i>) из польского серебра.	

128.		124	Трубка (<i>ганза</i>) дубовая, в серебряной оправе с серебряными цепочкой, крышкой и ковыральной.	
129.		125	Стальное огниво, кремь и трут в кожаном чехле, обделанном серебром. <i>Кетчи</i> .	
130.		<u>136</u>	<u>Кисет для табака. <i>Тамкин-тунзурдук</i>.</u>	<u>104?</u>
131.	Зайсанг Малодербетовского улуса Дондуков	1	Кормовые травы. Эргенинской возвышенности, 23 сорта.	
132.		33	Хозяйственная сумка из шкуры жеребенка. <i>Тунзурдук</i> .	57
133.		43	Даха, подбитая шкурами молодых верблюжат.	
134.		53	Ведро из кожи горба верблюда. Палка при ведре служит для черпания воды из колодца. <i>Утхуца</i> .	71
135.		<u>51</u>	<u>Конские ножные сухожилия (<i>шюрбюсюн</i>) и нитки, выделываемые из них. <i>Шюрбюсюн-утрид</i>. Употребляются для шитья шуб, сапогов и других кожаных предметов.</u>	<u>68 + 69</u>
136.	Зайсанг Малодербетовского улуса Арлуев	133	Металлическая религиозная утварь, состоящая принадлежность жертвенного стола (см. № 134).	265
137.		134	Разной деревянный жертвенный стол, на котором ставится во время богослужения религиозная утварь. <i>Таклин-шире</i> .	261

138.	Зайсанг Малодербетовского улуса Боваев	129	Щипцы для выдергивания волос на лице. Заменяют бритву (<i>сахал-тюдюк-чимжюр</i>).	105
139.		130	Ножик (<i>утха</i>). Носится па поясе каждым калмыком; употребляется преимущественно для еды мяса.	198/199/ 200/201/ 202
140.	Зайсанг Яндыковского улуса Ортечкиев	<u>51</u>	<u>Конские ножные сухожилия (<i>шюрбюсюн</i>) и нитки, выделяемые из них. <i>Шюрбюсюн-утцун</i>. Употребляются для шитья шуб, сапогов и других кожаных предметов.</u>	<u>68 + 69</u>
141.		58	Санки с подрезьями из берцовых костей лошадей. <i>Овгон-цана</i> . Употребляются приморскими бедными калмыками для езды по льду. Ездят на них, толкаясь двумя палками с железными наконечниками. При полутном ветре и по гладкому льду два умелых человека, работая одновременно, обгоняют лошадь средней быстроты. Делает их почти всякий приморский калмык.	132
142.		162	Чаканки. <i>Зегесен</i> . Делаются из чакана, водного растения, произрастающего в изобилии в приморских улусах. Употребляются бедными калмыками вместо кошем для покрывки кибиток и проч. надобностей; приготавливаются женщинами каждой семьи для себя.	118

143.		163	Сумка из чакана. Делается приморскими калмыками. Употребляется для хранения чашек и проч., заменяя кожаную сумку степных калмыков.	120
144.	Зайсанг Икицоуровского улуса Нохаев	9	Верблюжья шерсть короткая. <i>Темяни-носун.</i>	40
145.		10	Верблюжья шерсть длинная. <i>Темяни-носун зогдыр.</i> Верблюжья шерсть длинная употребляется на тонкие и толстые веревки, тесемки и нитки для разных домашних надобностей. Короткая верблюжья шерсть идет также для набивки головных и седельных подушек и на подбивку теплого платья. В последнем случае шерсть кладут в котел с водою, которую нагревают до кипения, отчего шерсть делается мягкою и чистою. Сбор шерсти производится весною, когда верблюды линяют.	41
146.		21	Толстый аркан из верблюжьей шерсти. <i>Темяни-носун-аргамалдже.</i> Употребляется для укрепления кибиток, для привязи крупного скота и других хозяйственных надобностей.	48
147.		22	Веревка из верблюжьей шерсти. <i>Темяни-носун-десюн.</i> Употребляется для привязи мелкого скота и на поводья для верблюдов.	49

148.		23	Тонкая веревка из верблюжьей шерсти. <i>Темяни-носун-зег</i> . Ею обшиваются ради прочности края кошем, служащих для покрышки кибиток.	50
149.		24	Тесьма из верблюжьей шерсти. <i>Темяни-носун-хошлынг</i> . Употребляется для укрепления кибиток.	51
150.		25	Нитки из верблюжьей шерсти. <i>Темяни-носун-утиун</i> . Служат для сшивания кошем и тканей тесемок.	52
151.		<u>26</u>	<u>Нитки из бараньей шерсти. <i>Хони-носун-утиун</i></u>	54
152.	Зайсанг Эркетеновского улуса Джамбаев	11	Баранья шерсть. <i>Хони-носун</i> . Употребляется на выделку кошем для кибиток, чулок, ниток, тесемок и проч. Стрижка производится весной и осенью.	42
153.		28	Валенные чулки из бараньей шерсти, серые. <i>Хони-носун-коко-омсин</i> .	
154.		29	Тоже — белые. <i>Хони-носун-цаган-омсин</i> .	
155.		30	Ковер из стеганых тонких бараньих кошем. <i>Ширдык</i> . Употребляется для сиденья и спанья.	55
156.		31	Серая кошма из бараньей шерсти. <i>Коко-шига</i> .	
157.		32	Белая кошма из бараньей шерсти. <i>Цаган-шига</i> .	56
158.		39	Тулуп из бараньей шкуры, мужской. <i>Хони-арсун девиль</i> .	
159.		40	Тулуп из бараньей шкуры, женский.	
160.		44	Баранья шкура. <i>Хони-арсун</i> . Не выделанная.	62

161.		45	Баранья шкура. <i>Хони-арсун</i> . Выделанная.	63
162.	Калмык Хуцаев Бемби	158	Калмыцкий двухструнный музыкальный инструмент (<i>Домбор</i>). Соответствует русской балалайке. Струны выделываются самими калмыками, большей частью девушками, самый инструмент — мужчинами.	115
163.				
164.		176	Бердановка с укороченным стволом и ложем калмыцкой формы. <i>Бердянка</i> .	
165.		189	Коса, наковальня и молоток для правки косы и брусков для отточки ее.	139, 140, 141
166.		190	Вилы для уборки сена и проч. надобн.	
167.		191	Топор	
168.		192	Щипцы для очага.	
169.		193	Таган для варки пищи.	
170.		194	Котлы для варки пищи и перетона калмыцкой водки.	
171.		196	Кандалы для лошадей.	
172.	Управление калмыцким народом (?)	52	Посуда из кожи рогатого скота для кумыса и арьяна. <i>Архад</i> .	70
173.		54	Кожаное ведро для молока и проч. <i>Утхур</i> .	72

174.	67	Праздничный костюм мужчины: рубаха, брюки, жилет (<i>камзол</i>), бишмет с серебряными пагронами и серебряный пояс (<i>цаган-менген-бюс</i>).	
175.	68	Праздничный костюм женщины: сорочка, нижняя одежда (<i>терлик</i>), верхняя одежда (<i>цегдык</i>), 2 длинных мешочка для кос (<i>шибирлик</i>) и 2 металлич. наконника (<i>токок</i>). Терлик и цегдык столь дорогой золотой вышивки весьма редки.	15?, 12?, 28?, 29?
176.	69	Праздничные (<i>терлик</i> и <i>цегдык</i>), более обыкновенные.	15?, 12?
177.	126	Трубка с длинным чубуком, употребляемая духовенством.	102
178.	127	Трубка с коротким чубуком, употребляемая простолюдинами.	
179.	128	Трубка простая бедных людей.	
180.	131	Наперсток (<i>хурубчи</i>).	106/158
181.	165	Калмыцкий плотничный топор. <i>Сюко</i> .	127
182.	166	Орудие для тканья шерстяных тесемок. <i>Юльде</i> .	122
183.	167	Мышеловка. <i>Хабха</i> .	126

184.	168	Лопаточка для собирания золы в очаге. <i>Кельдюр.</i>	125
185.	171	Орудие для остружки палок к деревянным частям кибитки. <i>Татур.</i>	128
186.	172	Модель прибора для выпрямления палок к дерев. частям кибитки. <i>Аджирга.</i>	129
187.	173	Орудие для срезания камыша и травы на топливо. <i>Хадур.</i>	130
188.	174	Тоже — с зубцами.	131
189.	175	Бердановка с укороченным стволom и ложem калмыцкой формы. <i>Бердянка.</i>	
190.	179	Модель упрощенной кибитки, употребляемой для частей перекочек пастухами больших пар-тий скота и самыми бедными людьми. <i>Джолом.</i>	6
191.	180	Семь моделей, показывающих постепенный переход от деревянного изголовья к типичной кровати по мере сокращения перекочек. В без-водной и пустынной прикаспийской полосе, где необходимы частые и дальние перекочки, даже самые богатые калмыки болш. част. ограничи-ваются одним изголовьем. В северной же части степи, где перекочки редки и недалеки, почти каждая среднего достатка кибитка имеет типич-ную кровать.	107–113

192.	181	Модель глинобитной зимовки калмыков Малодербетовского улуса. Жилье (<i>шабур-гер</i>), двор (<i>хаца</i>) и крытое помещение для скота и топлива (<i>капх</i>).	
193.	182	Полузакрытое помещение для скота (<i>хаша</i>), сделанное из плетня.	8
194.	183	Тоже — более открытое.	9
195.	184	Модель кибитки из глинобитного кирпича. Употребляется на оседлых зимовках богатых людей и хурулов вместо кухни, в которой готовится кушанье, как в обыкновенной кочевой кибитке.	
196.	185	Модель наиболее употребительных санок (<i>салаз-ки</i>). На шею оседланной лошади надевается санный простой хомут, к которому привязываются вместо оглобелей веревки от саней. На последние нагружается кладь, а седок садится на лошадь верхом.	134
197.	186	Модель камышовой зимовки приморских калмыков.	7?
198.	187	Модель временной зимовки степных калмыков в камышах.	7?
199.	188	Модель снаряда из камыша, употребляемого степными калмыками для ловли подледной рыбы в сарпинских озерах.	135
200.	195	Круг железный для процеживания калмыцкого чая. <i>Щор</i> .	

201.	197	Деревянный архат.	142
202.	198	Деревянная кумысница.	143
203.	199	Деревянное ведро для молока и воды.	144
204.	200	Бадя железная для воды. Кожаная посуда вытесняется деревяною и железною на границах степи, соприкасающихся с местностями, занятыми оседлым населением.	145
205.	201	Деревянный ковш. <i>Шанга</i> .	146
206.	203	Гребень, шилья, иголки, наперсток и спичечницы для серных спичек, вытесняющих кремневое огниво.	156, 157, 158
207.	204	Обои для оклейки зимних жилых деревянных помещений. Покупаются преимущественно духовством.	
208.	205	Керосинная лампа без стекла.	152
209.	206	Тоже со стеклом.	153
210.	207	Детский пояс.	
211.	208	Зеркало.	155
212.	209	Шапка из вязаной мерлушки.	175
213.	210	Мел для белеения шкур, выделываемых для зимней одежды.	159
214.	211	Мука ржаная.	160
215.	212	Мука пшеничная.	161
216.	213	Кирпичный чай.	163
217.	214	Мыло простое.	173

218.						
219.	215	Мыло кокосовое (употребляется преимущественно девушками.)				174
220.	216	Конфеты и пряники.				170, 171
221.	217	Табак.				172
222.	218	Мускатные орехи, лавровый лист, перец и гвоздика.				164, 165, 166, 167
223.	219	Крендели первого сорта.				168
224.	220	Крендели второго сорта.				169
225.	221	Желтое пшено.				162
226.	222	Платки ситцевые для вытирания рук после еды. Калмыки вилки и ложки при еде не употребляют.				
227.	223	Ситцы для мужских рубашек.				176
228.	224	Ситцы для полотнов.				177
229.	225	Ситцы для женского платья.				178
230.	226	Разные бумажн. материи для рубашек.				179
231.	227	Разные бумажн. материи для брюк.				180
232.	228	Разные бумажн. материи для бишметов и пр.				181
233.	229	Разные бумажн. материи для платья духовенства.				182
234.	230	Шерстяные материи для мужского и женского платья.				183
235.	231	Шелковые материи для мужского и женского платья.				184
236.	232	Плис для кос.				185
237.	233	Тик для армяков.				186
	234	Сукно для шапок.				187

238.		235	Сукно для украшения верблюжьей кашеми. попоны.	188
239.		236	Половик. Заменяет ковер у бедных.	189
240.		237	Пестредь для ниток и мешка для процеживания калмыцкого чая.	190
241.		238	Гарус, серебр. и золотые нитки для вышивания.	191
242.		239	Шелков. шнурки и серебряный позумент для обшивки платья, парча для того же и шапок.	192, 193, 194
243.		240	Серое сукно для зимнего армяка, надеваемого сверх тулупа.	195
244.		241	Вага, употребляемая для шапок и стеганого платья.	196
245.		242	Мех выдры для украшения шапок.	197
246.		???	Калмыцкая люлька	114
247.		202	Деревянные чашки: (2 образца) и ложка русская, деревянная.	151
248.	Астраханский губернский статистический комитет	202	Деревянные чашки: (2 образца).	147?, 148?, 149?, 150?

⁵ Номер по [Каталог 1890] не известен, однако в нем указано, что калмыцкая люлька и игрушки выставлены в Державинском саду [Каталог 1890: 63]. Отметим также, что игрушки не отражены в [Каталог 1890], но при этом в этом же источнике упоминается, что они имелись, не известно, какое было количество представленных на выставку игрушек и как они выглядели.

По результатам проведенной выставки были награждены ПОИАК Почетным отзывом по научному отделу за альбом фотографий, коллекцию монет и археологических предметов [Список наград 1890: 2], Управление калмыцким народом за доставленные предметы, характеризующие быт калмыцкого народа Астраханской губернии [Список наград 1890: 3], а также князь Тундутов Золотой медалью по научному отделу за содействие к устройству историко-этнографического отдела на Казанской выставке [Список наград 1890: 14], В. А. Хлебников Большой серебряной медалью по научному отделу за систематизирование обширной коллекции птиц Астраханского края, напечатание списка этих птиц и за содействие к устройству научного отдела выставки [Список наград 1890: 20], Малой серебряной медалью по научному отделу за содействие по составлению коллекции калмыцких предметов владелец Малодербетовского улуса Тундутов, нойон Александровского улуса Тюмень, зайсанги Малодербетовского улуса Арлуев, Боваев, Дондуков, зайсанг Эркетеневского улуса Джамбаев, зайсанг Икицохуровского улуса Нохаев, зайсанг Багацохуровского улуса Онкоров, зайсанг Александровского улуса Шонхоров, зайсанг Яндыковского улуса Оргечкиев, а также Джалцин, Старший бакша Малодербетовского улуса [Список наград 1890: 33], Бронзовой медалью по научному отделу Хуцаев Бембя за выставленную кибитку и коллекцию калмыцких вещей [Список наград 1890: 49]. Хуцаев Бембя, 34 года, принадлежал к Тебектинерову роду Малодербетовского улуса проживал на границе с Донской областью, он вместе со своей семьей (женой Дельгир 28 лет и дочерью Бальджир 8 лет) участвовал в выставке [Каталог 1890: 63].

В результате анализа [Каталог 1890] можно прийти к выводу, что у истоков формирования «калмыцкой» коллекции стояли следующие организации: Астраханский губернский статистический комитет, Управление калмыцким народом, — а также представители калмыцкой знати. От Астраханского губернского статистического комитета поступило 4 предмета (деревянные чашки, нагайка, бурхан), от Управления калмыцким народом — 90 ед. хр.,

от представителей калмыцкого народа — 198 ед. хр. Таким образом, основу коллекции сформировали прежде всего в результате дарения представителями калмыцкого народа, причем большая часть предметов числилась до 1928 г., что подтверждено данными, опубликованными в [Каталог музея 1928]: условно примерно чуть больше двух сотен предметов сохранилось до 1928 г., около сотни предметов либо утеряно, либо утрачено, либо было передано в дар будущему Казанскому городскому научно-промышленному музею (ныне — Национальному музею Республики Татарстан), открытому в 1894 г. В фондах музея имеются предметы материальной культуры калмыцкого народа, однако пока не ясен источник их поступления⁶. Судя по [Каталог 1890], не имеются модели жилища (модель глинобитной зимовки калмыков Малодербетовского улуса: № 181; модель кибитки из глинобитного кирпича: № 184), оружие (бердановка: № 176; старинное кремневое ружье: № 177); некоторые серебряные изделия (бишмет с серебряными патронами и серебряный пояс: № 67; обыкновенный мужской пояс с бляхами из польского серебра: № 72; праздничное женское седло с серебряными украшениями: № 104; деревянный сосуд для калмыцкого чая, обделан серебром: № 117; женские серьги из польского серебра: № 122; трубка дубовая, в серебряной оправе с серебряными цепочкой, крышкой и ковырялкой: № 124; стальное огниво, кремь и трут в кожаном чехле, обделанном серебром: № 125); обувь (сапоги из козлиной кожи: № 66; сапоги обыкновенные для духовных лиц: № 92; башмаки обыкновенные для духовных лиц: № 93; мужские сапоги: № 84; женские сапоги из козлиной кожи: № 83; детские башмаки: № 85); некоторые шерстяные изделия (нити из бараньей шерсти: № 26; тесьма из бараньей шерсти: № 27; мужской и женский тулупы из бараньей шкуры: №№ 39 и 40; верхняя мужская одежда для защиты от непогоды из шкурок молодых жеребят: № 41; и др.). Как известно, шерстяные изделия требуют определенного ухода, ве-

⁶ См. Коллекции Национального музея Республики Татарстан [электронный ресурс] // URL: <https://tatmuseum.ru/kollektsii/> (дата обращения: 10.04.2022).

роятно, что вследствие неправильного хранения они были утрачены. В дальнейшем потребуются сопоставить данные списки с настоящей «калмыцкой» коллекцией, сохранившейся до наших дней, однако в рамках данной работы мы не ставим себе целью исследовать именно этот вопрос и он будет рассмотрен в других наших публикациях.

На характер передаваемых вещей, несомненно, оказали влияние социальный статус и занятия человека, который участвовал в формировании коллекции на выставку в Казани. Так, например, кормовые травы были представлены именно с той территории, на которой проживала калмыцкая знать. Хуцаевым Бембя были переданы орудия и инструменты, которые используются в повседневной жизни простыми людьми. Очень состоятельные представители передали на выставку серебряные украшения, праздничные одежды. Кроме того, думается, что представители калмыцкой знати передавали те предметы на выставку, которые были изготовлены непосредственно в их улусе.

Старший бакши Малодербетовского улуса Джалцин передал предметы одежды обыкновенной и богослужебной буддийских монахов, при этом, что интересно, предметы буддийского культа не значатся как в его списке экспонатов, так и других представителей калмыцкого народа, за исключением князя Тундутова, который предоставил одну буддийскую икону и один кюрде и, скорее всего, только по причине того, чтобы создать интерьер кибитки. Отсутствие в списках экспонатов, переданных калмыцкими представителями, предметов буддийского культа свидетельствует о глубокой вере калмыков, сакральном отношении к вещам, связанным с буддийской обрядностью, и о нежелании использовать последние в качестве экспонатов на выставках.

В списке экспонатов можно найти весьма уникальные предметы, как-то санки, изготовленные из берцовых костей лошади для езды по льду, различные предметы ухода (например, щипчики для волос) и многое другое. Конечно, сам по себе список этих экспонатов имеет большое значение для будущих научных исследований, однако требуется провести поисковую работу в Государственном

архиве Республике Татарстан и Национальном музее Республики Татарстан в целях выявления возможных фотографий этих экспонатов, что позволит реконструировать их внешний вид.

Заключение

В результате проведенного источниковедческого анализа опубликованных и неопубликованных материалов можно сделать следующие выводы:

- 1) у самых истоков формирования «калмыцкой» коллекции стоял Астраханский губернский статистический комитет, который передал 4 предмета в будущий музей;
- 2) стимулом для «массового» (т. е. разового, но при этом большого в количественном плане) пополнения явился сбор экспонатов, который состоялся в ходе подготовки к Казанской научно-промышленной выставке, состоявшейся в 1890 г.;
- 3) установлено, что формирование будущей «калмыцкой» коллекции для Казанской научно-промышленной выставки происходило из трех источников, которые по количеству подаренных предметов следует перечислить в следующем порядке: от представителей калмыцкого народа (как от калмыцкой знати и духовенства, так и простого калмыка); от Управления калмыцким народом; от Астраханского губернского статистического комитета;
- 4) в ходе подготовки к Казанской выставке поступило всего два наименования предметов религиозного культа, что связано, на наш взгляд, с сакральным отношением представителей калмыцкого народа к предметам культа, отражающим глубокую веру;
- 5) на состав предметов, переданных представителями калмыцкой знати для Казанской выставки, влияли и происхождение, и социальный статус; имеются уникальные предметы, например, сделанные из костей лошади санки, которые, возможно, следует рассматривать как рудимент, сохранившийся до рубежа XIX и XX вв., так называемого «лесного» периода предков ойратов.

В последующие годы данное собрание калмыцких предметов быта, одежды, культовых принадлежностей и т. д. постоянно пополнялось, и в этом уже главную роль играли члены Петровского общества исследователей Астраханского края, которые сумели не только собрать, но и описать экспонаты, зафиксировав названия предметов на калмыцком языке, их функциональную нагрузку и внешний вид, в том числе и материал, из которого был изготовлен тот или иной предмет. Каталоги 1890 г. и 1928 г. являются уникальными источниками по изучению быта калмыцкого народа.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Госкаталог (электронный ресурс) // URL: <https://goskatalog.ru/portal/> (дата обращения: 25.03.2022).

Книги прихода // Астраханский государственный музей-заповедник. 40 ед. хр.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

НМ РК — Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова.

Литература

Абрамова 2009 — *Абрамова Ю. А.* Музейные коллекции по истории горно-металлургической промышленности Алтая XVIII–XIX вв. как источник по истории науки и техники: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 28 с.

Артюхова 2008 — *Артюхова И. В.* Традиционная материальная культура русских Томского края в коллекциях Томского областного краеведческого музея: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 254 с.

Герасимова 2016 — *Герасимова Ю. В.* Коллекция калмыцких культовых предметов в собрании Астраханского музея-заповедника // Буддизм Ваджраяны в России: традиции и новации. М.: Алмазный путь, 2016. С. 332–335.

Иванов 1888 — *Иванов И. С.* Доклад члена-секретаря И. С. Иванова об уступке музея при Статистическом Комитете. Астрахань, 1888. 8 с.

Каталог 1890 — Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г., состоящей под покровительством его императорского высочества государя наследника Цесаревича. Историко-этнографическое отделение (научного отдела). Заведующий отделением, проф. Н. А. Осокин. 2-е изд., знач. доп. Казань: Тип. Н. А. Ильяшенко, 1890. 121 + 2 с.

Каталог музея 1928 — Каталог музея. Этнографический отдел. Калмыки // Ежегодник Астраханского краевого музея. Астрахань, 1928. 48 с.

Курапов 2009 — *Курапов А. А.* История и культура буддизма в Астраханском крае (по материалам коллекции буддийской иконографии Астраханского музея-заповедника) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А. А. Курапова. Вып. 1. Астрахань: [б. и.], 2009. С. 229–235.

Курапов 2019 — *Курапов А. А.* Петровское общество исследователей Астраханского края – Региональный научный центр XIX – начала XX в. // Астраханские Петровские чтения: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Астрахань: [б. и.], 2019. С. 57–59.

Минина 2007 — *Минина Е. В.* Музейные коллекции по горному делу в России как источник по истории науки и техники: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 235 с.

Музраева 2011 — *Музраева Д. Н.* Тексты, посвященные Будде долголетия Амитаюсу, в литературно-книжной традиции калмыков // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2. С. 72–75.

Отчет 1889 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за время с 7 сентября 1886 г. по 31 декабря 1887 г. Астрахань: Тип. Губернск. Правления, 1889. 53 с.

Отчет 1890 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1888 год. Астрахань: Тип. «Астраханского Листка», 1890. 60 с.

Отчет 1891 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1889 год. Астрахань: Тип. «Астраханского Листка», 1891. 60 с.

Отчет 1909 — Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1903 год. Астрахань: Паровая Новая Русская Типография, 1909. 28 с.

Отчеты Музея 1908 — Отчеты Музея. Отчеты за 1891–1900 и 1901–1905 гг. Астрахань: Паровая Новая Русская Тип., 1908. 35 + 26 с.

Приказ Министерства культуры РФ 2020 — Приказ Министерства культуры РФ от 23 июля 2020 г. № 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций»

Программа 1888 — Программа для собирания археологических, нумизматических, исторических и этнографических сведений по Астраханскому краю, изданная Петровским Обществом исследовате-

лей астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского справочного Листка», 1888. 10 с.

Руднев 1905 — *Руднев А. Д.* Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов Урги, Забайкалья и Астраханской губернии // Сборник МАЭ. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. Вып. 5. 16 с.

Рыгалова М., Рыгалов Е. 2018 — *Рыгалова М. В., Рыгалов Е. В.* Музейные коллекции как исторический источник (обзор отечественной историографии) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2018. № 5(103). С. 135–139. DOI 10.14258/izvasu(2018)5-24

Список наград 1890 — Список наград, присужденных на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г., состоявшей под покровительством его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича. Казань: Тип. Императорского университета, 1890. 116 с.

Янес 2010 — *Янес М. А.* Материалы музейных, библиотечных и архивных собраний Санкт-Петербурга как источник по истории и этнографии арабов бассейна Кашкадарьи (Узбекистан): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 343 с.

Сравнительный анализ мотивов в якутском и шорском эпосах

Антонина Федоровна Корякина¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 677000 Якутск, Российская Федерация) кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-6965-0699. E-mail: aitalilen@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022
© Корякина А. Ф., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются связи якутского героического эпоса с эпическими традициями шорского народа. *Актуальность* исследования заключается в том, что его результаты с привлечением широкого сравнительного материала могут стать основательным подспорьем для дальнейших научных изысканий по выяснению роли эпосов тюркоязычных народов в сложении и формировании эпической традиции якутов, по установлению мотивного фонда якутского и шорского эпосов. *Цель статьи* — установление сходств и различий отдельных мотивов в якутском и шорском эпосах. *Материалами* для исследования послужили образцовые тексты эпического наследия якутского и шорского народов. В работе применяются сравнительно-исторический, структурно-типологический, сравнительно-описательный методы. *Результаты.* Сделан вывод об отсутствии в эпической традиции шорского народа канонических в эпической традиции якутов сюжетов о заселении Среднего мира будущими защитниками, о заселении Среднего мира отверженными будущими богатырями, о первых людях среднего мира, что свидетельствует о произошедшей в эпической традиции шорского народа эволюции на стадии самостоятельного развития после отделения от тюрко-монгольского мира; выявлено устойчивое присутствие в обоих эпосах мотивов «время первотворения», «земля богатыря», «владения богатыря», «дом богатыря», «коновязь», «мировое дерево» и др.
Ключевые слова: якутское олонхо, шорский эпос, героический эпос, тюрки, сравнительное изучение, сюжет, мотивы, соответствия, отличия.

Благодарность: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-генетический аспекты».

Для цитирования: Корякина А. Ф. Сравнительный анализ мотивов в якутском и шорском эпосах // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 144–161. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-144-161

Epic Traditions of the Yakut and Shor Peoples: Paralleled Motifs Reviewed

*Antonina F. Koryakina*¹

¹ North-Eastern Federal University, Olonkho Research Institute
(42, Kulakovsky Str., Yakutsk, 677000, Russian Federation)

Cand. of Education, Senior Reseacher of Sector for Olonkho Studies

 0000-0002-6965-0699. E-mail: aitalilen@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Koryakina A. F., 2022

Abstract. *Introduction.* The study examines some identified typological ties between the Yakut heroic epic and epic traditions of the Shor people. The research results obtained through the involvement of extensive comparative materials can essentially facilitate further scientific insights aimed at clarifying the role of Turkic epics in the shaping and development of the Yakut epic tradition, determining the bulk of motifs typical for both the Yakut and Shor epic narratives. *Goals.* The article aims at delineating similarities and differences inherent to plot motifs of the Yakut and Shor epics. *Materials and methods.* The work employs a number of research methods, such as the comparative historical, structural/typological, and comparative/descriptive ones to analyze classic texts of Yakut and Shor epic heritage. *Results.* The paper concludes the Shor epic tradition contains no canonical themes characteristic of Yakut heroic tales, such as peopling of the Middle World by future defenders, peopling of the Middle World by the rejected destined to become heroes of the future, emergence of earliest people in the Middle World — which indicates the epic

tradition of the Shor people had been evolving individually after its separation from the Turko-Mongolian world. The revealed stable motifs traced in both the epics are as follows: ‘time of the first creation’, ‘land of the hero’, ‘appanages of the hero’, ‘house of the hero’, ‘hitching post’, ‘world tree’, etc.

Keywords: Yakut Olonkho, Shor epic, heroic epic, Turks, comparative study, plot, motifs, correspondences, differences.

Acknowledgment. The reported study was funded by North-Eastern Federal University, project name ‘The Epic Monument of Yakut Intangible Culture: Textual, Typological, Cognitive, and Historical/Genetic Aspects’.

For citation: Koryakina A. F. Epic Traditions of the Yakut and Shor Peoples: Paralleled Motifs Reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 2: 144–161. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-144-161

Введение

Первые якутские исследователи олонхо Г. В. Ксенофонтов, П. А. Ойунский, Г. У. Эргис, А. П. Окладников, И. В. Пухов [Пухов 2013: 9], установив его связь с югом [Ксенофонтов 1992: 4; Ойунский 2013: 7–8; Эргис 1947; Окладников 2013: 12; Пухов 2013: 9], поставили вопрос о решении проблемы происхождения олонхо на основе историко-сравнительного, сравнительно-типологического изучения его с эпосами родственных народов. Якутский эпос изучен вышеуказанными учеными на общем фоне развития эпического наследия тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии.

В данной статье проводится сравнительный анализ мотивов якутского олонхо и шорского эпоса с целью выявления отраженных в них типологических соответствий. Хотя изучение типологических связей якутского героического эпоса с эпическими традициями шорского народа было проведено якутским исследователем И. В. Пуховым в середине XX в. [Пухов 2004], эта тема остается недостаточно изученным направлением в эпосоведческой науке. Актуальность исследования связана с тем, что современное эпосоведение нуждается в выяснении типологических сходжений эпосов тюркоязычных народов, взаимовлияний эпических традиций в сложении и формировании эпосов.

Материалы и методы

Проводимое исследование опирается на теоретические положения известных отечественных фольклористов В. Я. Проппа [Пропп 1946], Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1964; и др.], В. М. Жирмунского [Жирмунский 1962; Жирмунский 1974; и др.], Б. Н. Путилова [Путилов 1976; и др.], Д. А. Функа [Функ 2005; и др.], Е. Н. Кузьминой [Кузьмина 2005; и др.], якутских фольклористов П. А. Ойунского [Ойунский 2013], Г. У. Эргиса [Эргис 1974], А. П. Окладникова [Окладников 2013], И. В. Пухова [Пухов 2003; Пухов 2004; Пухов 2013; и др.], В. Н. Иванова [Иванов 2014; Иванов 2016; и др.] о древнейших связях якутского олонхо и эпосов тюрко-монгольских народов.

Наш подход к сравнительному изучению эпических текстов опирается на позицию Б. Н. Путилова о важности в изучении фольклора систематического сравнительного анализа для установления «общих закономерностей и общих особенностей» [Путилов 1976: 3]. Способом выявления мотивных соответствий в текстах шорских и якутских эпосов является сравнение мотивов в качестве «элементов сюжета», «слагаемых сюжета».

Источниковую базу составляют образцовые тексты эпического наследия якутского и шорского народов. В сравнительном аспекте рассмотрены мотивы эпосов, вошедших в составленный Е. Н. Кузьминой мотивный фонд эпического творчества тюрко-монгольских народов Сибири [Кузьмина 2005: 1383].

Анализируемые шорские эпосы «Алтын Сырык» и «Кан Перген» были записаны со слов выдающегося кайчи Павла Ивановича Кыдыякова. П. И. Чудояков относит «Кан Перген» к типу о воинах-богатырях, вождах скотоводческих племен, о межплеменных войнах, а «Алтын Сырык» — к типу сказаний о борьбе богатырей против уплаты дани ханам-завоевателям, защите богатырями обездоленных соплеменников [Чудояков 1998: 470]. Текст сказания «Каан-Чайзан и Пий-Чайзан» найден из архива сказителя С. С. Торбокова [Шорский героический эпос 2011: 7]. «Кара-Каан» записан 1947 г. от сказителя В. М. Кульбизекова

[Шорские героические сказания 2014]. В нем описываются героические походы богатыря.

Из бытовавших в раннем якутском сказительстве отобраны «Строптивный Кулун Куллустуур» [Строптивный Кулун Куллустуур 2014], «Ала-Булкун» [Ала-Булкун 1994], «Хаан Дьаргыстай» [Хаан Дьаргыстай 2016], «Нюргун Боотур Стремительный» (текст К. Г. Оросина) [Нюргун Боотур Стремительный 1947], «Нюргун Боотур Стремительный» (текст П. А. Ойунского) [Нюргун Боотур Стремительный 1975]. По классификации якутских олонхо Н. В. Емельянова по сюжетосложениям, по сюжету «Строптивный Кулун Куллустуур» относится к типу олонхо о мужьях-одиночках — родоначальниках племени *ураангхай саха* (самоназвание якутов); «Ала-Булкун»; «Хаан Дьаргыстай», «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина, «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского — к типу олонхо о защитниках племени *айыы* и *ураангхай саха* [Емельянов 1980: 374].

Исследования типологических связей якутского олонхо и эпосов тюркских народов

Первые исследователи якутского олонхо обозначили вопрос о происхождении олонхо и его связи с древними эпическими традициями южных предков якутов.

Г. В. Ксенофонтов отметил генеалогическую общность якутского олонхо с эпическим творчеством тюркоязычных племен Центральной Азии. Ученый утверждает, что сравнительное изучение и анализ мифологических сюжетов, мотивов и имен в итоге могут способствовать установлению этнического и историко-культурного родства якутского народа в целом или его подразделений с другими известными народами древности [Ксенофонтов 1992: 4]. П. А. Ойунский также одним из первых высказал мысль о том, что олонхо — это важнейший исторический источник для изучения проблемы происхождения якутского народа [Ойунский 2013: 7–8]. А. П. Окладников, выдвинув положение о зарождении олонхо на юге, зарождение олонхо опре-

делил к временам тесных культурно-исторических связей и постоянного взаимодействия предков якутов с предками нынешних саяно-алтайских племен и древних монголов [Окладников 2013: 36]. И. В. Пухов, изучая общности, сходства и различия тюрко-монгольских эпосов народов Сибири, первым в отечественной фольклористике провел анализ типологических параллелей между шорским и якутским эпическими традициями. Он находит сходство в указании давности времени происходящих событий, в описании фантастических чудесных элементов и богатырских боев. Кроме того, исследователь отмечает присутствие в обоих эпосах образов кузнецов, с разницей в представлении их в якутском эпосе «в мифологическом, фантастическом изображении» [Пухов 2013: 113]. В дальнейших сравнительных исследованиях якутского олонхо с шорским эпосом И. В. Пухов установил сходство в мотиве первоначального одиночества героя, не знающего происхождения; в образе вестницы, прибывающей к герою в облике птицы; в характеристике противников-чудовищ; в характеристике бессмертия и жестокости врага [Пухов 2003: 90]. Кроме общих черт, И. В. Пухов отметил трансформацию во времени шорского эпоса: если в якутских олонхо и в бурятских улигерах врагом осталось чудовище, то в шорских сказаниях им оказывается враждебный хан [Пухов 2003: 33]. Изображение врага в облике чудовища И. В. Пухов отнес к древнейшей черте эпоса тюрко-монгольских народов Сибири [Пухов 2003: 33].

Как видно из вышесказанного, первыми исследователями олонхо установлена тюркская основа происхождения олонхо.

Сравнительные изыскания олонхо с эпосами тюрко-монгольских народов продолжают и современными исследователями. Объектом интереса Ю. П. Борисова являются типические места и эпические формулы в эпосах родственных народов. В результате сравнительного анализа эпических формул в шорском эпосе и якутском олонхо он выявил универсалии с однотипностью структуры и общностью содержания, что привело исследователя к выводу о том, что образцы ритмико-синтаксического паралле-

лизма сохранились благодаря устойчивости эпических формул и свидетельствуют о генетическом родстве между якутским олонхо и шорским эпосом [Борисов 2020: 255–271].

О. К. Павлова сходство якутских и шорских эпосов обнаружила в структурах вступительной части, включающей описание эпического времени, природы и жизни героев, и основной части, состоящей из завязки, развития, кульминация и развязки. Свообразием якутского олонхо указано художественно богатое повествование о жизни главного героя и красоты природы родины богатыря. Существенным отличием шорского эпоса исследователь сочла трагическую развязку сюжета [Павлова 2019: 96–106].

Связи шорского эпоса с тюркской эпической традицией рассмотрены в трудах исследователей шорского эпоса. Н. П. Дыренкова оюнаружила сходство сказаний народов Южной Сибири, доходящее иногда почти до полного тождества [Дыренкова 1940: 25]. Она объяснила это сходство следствием продолжительных интенсивных экономических отношений шорцев с алтайскими и енисейскими тюрками. Кроме того, ученым высказано предположение о существовании древней родственной связи между отдельными родами этих народов [Дыренкова 1940: 28].

Указанная Н. П. Дыренковой тематика шорских сказаний о борьбе героя со своими противниками, которая может продолжаться в течение многих поколений, соответствует тематике якутского олонхо: в традиции якутского сказительства существуют примеры описания героических сражений богатырей нескольких поколений против врагов-чудовищ, например в олонхо «Хаан Дьаргыстай».

Широкое представление о тематике шорского сказительства дает классификация А. И. Чудоякова, в которой выделены три типа древнего шорского героического эпоса: о богатырях-охотниках, о богатырях-вождях скотоводческих племен, о богатырях, ведущих межплеменные войны [Шорские героические сказания 1998: 18].

Якутский эпосовед Н. В. Емельянов в систематизированном своде якутских олонхо по сюжетам установил три крупные группы: о заселении среднего мира, о родоначальниках племени *ураангхай саха* и о защитниках племени *айыы* и *ураангхай саха* [Емельянов 1980]. Классификации А. И. Чудоякова и Н. В. Емельянова указывают на отсутствие в шорской эпической традиции присутствующих в эпической традиции якутов сказаний о заселении Среднего мира потомками Юрюнг Айыы Тойона, о заселении Среднего мира отверженными потомками небесных божеств, о первых людях среднего мира.

Обращение к структуре эпического текста было предпринято в исследованиях сибирских ученых Л. Н. Арбачаковой, Е. Н. Кузьминой [Арбачакова 1998; Кузьмина 2005] и др. По результатам текстологического анализа шорского эпоса Л. Н. Арбачакова одной из его жанровых особенностей считает, наличие в сюжетном составе благопожеланий, проклятий, поговорок и пословиц, функционирующих в эпосе в виде устойчивых поэтических выражений и зачастую выполняющих роль эпической формулы [Арбачакова 1998: 21]. Схожее присутствие в составе якутского олонхо малых жанров устного народного творчества выявлено Г. У. Эргисом [Эргис 1947: 203].

Разные пути дальнейшего развития эпических традиций народов обуславливают у них разную историческую эволюцию. Н. П. Дыренкова определила особенности эпических богатырских поэм: они полустихотворные, полупрозаические, кай, рассказываемые нараспев под аккомпанемент музыкального инструмента комус-кобус или кай комус [Дыренкова 1940: 10]. Олонхо же исполняется без музыкального сопровождения. Д. А. Функ называет отличием шорского кая от якутского олонхо отсутствие в нем широкого детального описания внешности богатырей, богатырской одежды [Функ 2005: 268–283].

Таким образом, доказанная первыми исследователями гипотеза об общей основе эпических традиций тюрко-монгольских народов, оставаясь актуальной, нашла продолжение в научных трудах современных ученых.

Сравнительный анализ мотивов¹ в шорских и якутских эпосах

Время первотворения. Е. М. Мелетинский в героических эпических сказаниях тюрко-монгольских народов Сибири отметил близость в описаниях пространственно-временного фона, которые «идентичны в фольклоре всех тюрко-монгольских народов Сибири, включая давно отделившихся якутов» [Мелетинский 1964: 2]. В анализируемых нами шорских эпосах данное утверждение исследователя находит подтверждение. «Кан Перген» начинается словами: «Раньше нынешнего поколения было, / Позже давнего поколения было» [Шорские героические сказания 1998: 87]. Мотив первотворения якутского олонхо по семантике и функции соответствует мотиву шорского эпоса: «На далекой вершине давних лет, / На отдаленном хребте минувших лет, / Когда четыре якута еще не родились, / Три якута еще не явились на свет, / Два якута не вскормлены» [Строптивый Кулун Куллустуур 2014: 95]. Близость мотива свидетельствует о его устойчивости в эпических наследиях обоих народов.

Земля богатырей. Описание земли богатырей — канонический мотив для эпической тюркской традиции. Е. М. Мелетинским выявлено присутствие в шорском эпосе и в якутском олонхо схожих описаний прекрасной страны, в которой живет герой, это «первоначальная ойкумена» человеческого племени, с которым олонхо отождествляет якутов [Мелетинский 1964: 14]. Мотив земли богатырей совпадает в структуре эпосов шорского и якутского на-

¹ Якутские и шорские эпосы начинаются с типических статических мотивов. По определению Б. В. Томашевского, статические мотивы — это «мотивы <...>, не меняющие ситуации» [Томашевский 1996: 182–184]. В эпосах это описания времени первотворения, местностей — земель богатырей, описаний владений персонажей, описаний обстановки. Далее в эпосах происходит смена картин: появляются «мотивы, изменяющие ситуацию», которые Б. В. Томашевский называет центральными движущими (динамическими) мотивами [Томашевский 1996: 182–184]: чудесное появление ребенка, появление вестника с просьбой защитить от нападений чужеродных врагов, описание боевого похода богатыря, предпринимаемого им по спасению обиженных сородичей.

родов, при этом в обеих эпических традициях присутствует мотив моря. В шорских в эпосах «Кан Перген», «Хан-Пайзан и Пий-Чайзан» море белого и черного цвета: «Качаясь, волнуясь *белое море* шумело» [Шорский героический эпос 2011: 25], «Рассекая гору, вода / Внизу *черным морем* течет» [Шорские героические сказания 1998: 15], а в «Алтын Сырык» море золотое: «Рассекая [гору], спускался, становясь *золотым морем* / У *золотого моря*, / Друг друга тесня, улус-народ / Жил, оказывается» [Шорские героические сказания 1998: 323]. Мотив моря также встречается и в якутских олонхо: «Сзади кипит *шипучее море*, / На стороне *колыхается море*, / Вокруг стеной опоясало *море*» [Ала-Булкун 1994: 12] (пер. мой. — А. К.); «Эта река, / Оказывается, проложила себе русло / В *незамерзающем море* с девятью заливами» [Строптивый Кулун Куллустуур 2014: 90]. Мотив моря является одним из структурных элементов в описании земли богатырей.

Описание владений богатыря, как обязательная часть сюжета, присутствует во всех эпосах. В шорском эпосе высшим мериллом богатства являются стада рогатого скота и табуны лошадей. Так, в сказании «Кара-Кан» говорится: «На берегу черного моря / Скот бесчисленный пасется» [Шорские героические сказания 2014: 15]. «Огромные стада паслись» и в эпосе «Хан-Пайзан и Пий-Чайзан» [Шорский героический эпос 2011: 25]. Точно так же в якутских олонхо богатыри являются владельцами многочисленных табунов и стад рогатого скота. Перед тем как спустить Нюргун Боотура с его сестрой Айталы Куо в Срединную землю, Всевышний Юрюнг Аар тойон распоряжается: «И пусть с благословенного восточного неба богиня Иэйэхсит Хотун да наделит их *белоспинными коровами*; и пусть с благодатного белого неба лучезарное божество Уот Джёсёгёй даст им *белошерстные табуны лошадей*» [Нюргун Боотур Стремительный 1975: 74]. Богат и богатырь Кулун Куллустур [Строптивый Кулун Куллустуур 2014: 9]. Близость мотивов связана со скотоводческим укладом жизни народов тюркского мира, частью которого были предки шорцев и якутов.

Юрта, дом богатыря. Обнаруживается аналогия в описании дома богатырей. В структуре мотива-описания в обоих эпосах

имеется характерное присутствие эпитета «золотой»: «Луны и солнца свет отражая, / *Золотой* дворец стоит» [Шорские героические сказания 1998: 264]; В сказании «Кара-Каан»: «Лучась под солнцем-луной / *Золотой* дворец стоит» [Шорские героические сказания 2014: 19] В якутском олонхо «Ала-Булкун» поддерживают потолок дома богатыря *золотые столбы* [Ала-Булкун 1994: 14]. Здесь мы можем предположить, что, с одной стороны, эпитет «золотой», показывая красоту, богатое убранство дома богатырей, возможно, отражает и древнюю связь олонхо и шорского эпоса. С другой стороны, слово «золотой» в якутском олонхо может иметь значение «родной, дорогой сердцу, любимый», к примеру выражение «Көмүс нээкэ уйам» переводится как ‘Золотое родное гнездо’: «Поступью неслышной вошла, <...> В просторное золотое гнездо» [Нюргун Боотур Стремительный 1975: 256]. Как в шорском, так и в якутском языке нет понятия «дворец» в современном понимании. Но в обеих эпических традициях слово присутствует в значении «юрта, дом» — так, в шорском сказании «Кара-Кан» говорится «Алтын өрге турча», что в переводе передано так: «Золотой дворец стоит» [Шорские героические сказания 2014: 19].

Коновязь. Описание коновязи в эпосах шорского и якутского народов не отличается. Так, в эпосе «Хан-Пайзан и Пий-Чайзан» говорится: «Стояла шестиугольная золотая коновязь» [Шорский героический эпос 2011: 29], в сказании «Кара-Кан» у дворца стоит золотая коновязь, которую «ни один конь не выдержит» [Шорские героические сказания 2014: 19]. С шорским описанием схоже описание коновязи в якутском олонхо: «Посреди равнины степной / Красовалось коновязью резной, / Окруженное рядами берез / В украшеньях из конских грив» [Нюргун Боотур Стремительный 1975: 102]. Однако отмечается некоторое отличие: если в шорском эпосе подчеркиваются красота, вечность, прочность коновязи как символы благополучной жизни хозяев этого жилья [Гемуев 1988], то у якутов коновязь выполняет еще и другие дополнительные функции. Например, об одной из них говорится в статье П. А. Ойунского: в честь встречи богатыря-победителя, воз-

вращавшегося домой с женой, устраивается «ыһыах» — праздник в рамках семьи и рода. Для новобрачных ставится «сэргэ» — коновязь. «Невестку с радостью встретит госпожа «Аан Алахчын» и все духи данной местности, так как они воочию убеждаются, что вновь прибывшая женщина несет с собой счастье и жизнь этой местности. Она уставит местность разукрашенными коновязями, обогатит ее конным и рогатым скотом и вообще осчастливит ее» [Ойунский 2013: 48].

Мотив мирового дерева. С древних времен в эпосах многих тюрко-монгольских народов мира сохранилось понятие мирового дерева, которое можно рассматривать как символ жизни, плодородия. «В олонхо родовое дерево — источник живительной силы; бело-молочное озеро, образуемое его соками, имеет целебное назначение: человек, погруженный в него, обретает молодость и красоту. По олонхо, в родовом дереве скрывается дух богини земли Аан Алахчын Хотун <...>, которая появляется в виде пожилой благообразной женщины; она указывает ему, где находится враг-притеснитель и что требуется сделать, чтобы его победить» [Пухов 2004: 31]. В шорском сказании «Алтан Сырык» священное дерево стоит на вершине горы: «На самой вершине золотой горы — / В шесть обхватов не охватить — с золотыми листьями / Золотая береза стоит, оказывается» [Шорские героические сказания 1998: 337]. Надо заметить, существующий в якутской сказительской традиции устойчивый мотив священного дерева в своих локальных вариантах традиции якутов имеет разные названия: Аар Кудук Мас, Аал Кудук Мас, Аал Луук Мас, Аар Лууп Мас, Аар Дууп Мас, Аал Дууб Хатынг, Аар Кудук Хатынг, Аар Кудук Тиит и др. Независимо от названия, они все имеют одно значение — священное дерево, соединяющее три мира, дарящее жизнь, блага срединному миру и всему живому. В олонхо «Повесть о якутском богатыре» бездетный старик стучит по берёзе, обращаясь к духу дерева с просьбой подарить им ребенка: «дай нам, *ан дой ду ичытэ*, сына, который бы нам глаза закрыл, поил и кормил нас до смерти» [Повесть о якутском богатыре 1897: 155–176]. Так же Алтын Кан в шорском эпосе «Алтын Сырык» просит сына у священной берёзы:

«От меня рождённого сына нет, / Постоять за меня — родного нет, / На чужой стороне защитника нет, / На родной стороне заступника нет — такой я, Алтын Кан. / Вы мне, — говорил, — хотя бы / с большой палец мальчика / Сотворите» [[Шорские героические сказания 1998: 337](#)]. В эпической традиции обоих народов мотив священного дерева-берёзы (дерева-дуба) имеет архаические корни и встречается в рассматриваемых эпических сюжетах.

Мотив чудесного появления богатыря. Устойчивый мотив чудесного появления сына у бездетных пожилых пар встречается и в шорском, и в якутском эпосах. В сказании «Алтан Сырыке» дух священной берёзы удовлетворяет просьбу Алтын Кана подарить ребенка: у него появляется ребенок, который спускается с горы голым. Сын наречен Алтын Сырыком, ему предназначен бело-серый золотогривый конь [[Шорские героические сказания 1998: 339](#)]. В эпосе «Кара Кан» герой, упрекая жену в бесплодности, оставляет ее на произвол судьбы на горе. В отсутствие богатыря появляется на свет его сын, нареченный впоследствии Алтын Сом [[Шорские героические сказания 2014](#)]. Многие герои-богатыри рождаются от пожилых супругов. Герой одного из якутских олонхо богатырь Дыбырай Бёге происходит от лошади [[Сын лошади Богатырь Дыбырай 2013](#)]. Присутствие архаического мотива чудесного появления в эпосах свидетельствует о древности происхождения сказаний, часто выполняя функцию завязки в сюжете.

Мотив вестника. Вестниками в якутском олонхо являются птицы, богатыри-чудовища, шаманки и др. В олонхо «Хаан Дьаргыстай» вестник богатыря Тимир Суодалба сообщает Юрюнг Уолану о просьбе дочери Солнца шаманки Кюёгэлджин спасти её, что является поводом для боевого похода героя [[Хаан Дьаргыстай 2016: 510](#)]. В шорском эпосе «Хан-Пайзан и Пий-Чайзан» роль вестника выполняет мать богатырей Алтын Арыг, которая сообщает, что их отец Кара-Хан уже много лет находится в плену у кровожадного хана Ала-Картыга. Услышав об этом, молодые богатыри собираются в боевой поход по спасению отца [[Шорские героические сказания 2014: 27](#)]. В «Алтын Сырык» мотив вестника имеет некоторое отличие: в нем богатыря призывают к борьбе

против уплаты дани хану-завоевателю. В эпосе богатыри Нижнего мира и Светлого мира отправили Кара Салгына и Алтын Чылтыса к богатырю Алтын Сырык с просьбой защитить от Кан Сулазына, который «с богатырей подземного мира дань собирает, / С богатырей Светлого мира дань собирает» [Шорские героические сказания 1998: 347].

Мотив бега коня. В рассматриваемых эпосах обнаруживаются удивительно сходные описания бега коня, что сводится «к масштабам героической идеализации» [Жирмунский 1962: 26]. В шорском эпосе: «Славный его быстроногий конь, / Бело-серый конь помчался. / Из-под его четырех копыт / Красное пламя сверкнуло. / Золотогривый бело-серый конь, / Словно бронзовая стрела, летит, / Словно песня-плач, несется» [Шорские героические сказания 1998: 347]. Кони богатырей Хан-Пайзан и Пий-Чайзан «бежали / так быстро, что буйный ветер от них отставал / Когда кони о широкий камень копытом ударяли / То камень пополам раскалывался» [Шорский героический эпос 2011: 30]. Подобное художественно богатое описание бега коня является устойчивым мотивом и в якутской эпической традиции. Устоявшийся в тюрко-монгольских эпосах мотив бега коня связан с особой ролью коня в древней культуре народов, которые вели кочевой образ жизни.

Мотив сражения. Мотив сражения — один из ключевых сюжетнообразующих мотивов в героическом эпосе. «Ситуация *поединка*² с вражеским богатырем имеет в героическом эпосе свою традиционную обрядность. Съехавшись для боя, витязи сперва спрашивают друг друга о роде-племени. При этом они стараются запугать друг друга *похвальбой*, в гиперболических выражениях превознося свои боевые качества и всячески понося и высмеивая врага» [Жирмунский 1962: 31]. В шорском эпосе «славный богатырь Алтын Сырык» обращается к своему врагу: «Каменные очаги твои разбить, / Море-золу твою развеять я приехал!» [Шорские героические сказания 1998: 361]. Якутский олонхосут так описывает начало боя: «Ну, попробуем грудью помериться, состязаться на славу! Конечно, уж мне придется пить твою теплую

² В цитате сохраняется курсив источника.

кровь, глотать твою свежую сукровицу, так уж придется» [Нюргун Боотур Стремительный 1947: 120]. В структуре описания боя присутствует картина местности, обитатели которой страдают от разрушительной силы сражающихся богатырей Алтын Сырыка и Кан Сулазына: «Эта земля землей быть перестала, / Эта вода водой быть перестала. / Птицы [от страха] гнезда свои бросают, / Звери детенышей своих оставляют» [Шорские героические сказания 1998: 363]. Такие же разрушения приносит сражение богатырши Кан-Кёк [Шорские героические сказания 2014: 99]. В якутском эпосе Нюргун Боотур и богатырь абаасы Ыйыста Хара «растоптали поверхность каменной скалы / и превратили ее в пыль и в золу; / выдавили тяжелой ступней из берегов воды» [Нюргун Боотур Стремительный 1975: 98]. В эпической традиции якутского и шорского народов сражение богатырей передается сказителями с особой эмоциональностью.

Заключение

Сравнительный анализ эпического материала, состоящего из якутских олонхо «Повесть о якутском богатыре», «Строптивый Кулун Куллустуур», «Ала-Булкун», «Хаан Дьаргыстай», «Нюргун Боотур Стремительный» (2 варианта) и шорских эпосов «Кан Перген», «Алтын Сырык», «Кара Кан», «Хан-Чайзан и Пий-Чайзан» позволяет установить следующие выводы.

Наличие мотивов «время первотворения», «земля богатыря», «владения богатыря», «дом богатырей», «коновязь», «мировое дерево» и др. в обоих эпосах свидетельствует о сохранении архаичных слоев эпического сюжета.

Отсутствие в эпической традиции шорского народа имеющих в эпической традиции якутов сюжетов о заселении Среднего мира будущими защитниками, о заселении Среднего мира отверженными будущими богатырями, о первых людях среднего мира говорит о возможности произошедшем изменении в эпической традиции шорского народа на стадии самостоятельного формирования и развития после отделения от тюрко-монгольского мира.

Литература

- Ала-Булкун 1994 — Ала-Булкун: олонхо / сказитель Т. В. Захаров-Чээбий; зап. В. Н. Васильев. Якутск: Якутский институт языка, литературы и истории СО РАН, 1994. 101 с. (На якутском яз.)
- Арбачакова 1998 — *Арбачакова Л. Н.* Текстология шорского героического эпоса (на примере материалов Н. П. Дыренковой и А. И. Чудоякова): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998. 22 с.
- Борисов 2020 — *Борисов Ю. П.* Универсалии эпических формул в якутском олонхо и шорском эпосе: сравнительный аспект // Научный диалог. 2020. № 5. С. 255–271.
- Гемуев 1988 — *Гемуев И. Н.* (ред.). Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 227 с.
- Дыренкова 1940 — *Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
- Емельянов 1980 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 374 с.
- Жирмунский 1962 — *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. Л.: Гос. издат. худ. лит-ры, 1962. 431 с.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос: Избр. труды. Л.: Наука, 1974. 727 с.
- Иванов 2014 — *Иванов В. Н.* И. В. Пухов: сравнительно-историческое изучение эпосов тюрко-монгольских народов // Традиционная культура. 2014. № 4 (56). С. 155–159.
- Иванов 2016 — *Иванов В. Н.* Историки о происхождении якутского героического эпоса // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 89–95.
- Ксенофонтов 1992 — *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. 1. Кн. 1. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 416 с.
- Кузьмина 2005 — *Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири: эксперим. изд. Новосибирск: СО РАН, 2005. 1383 с.
- Мелетинский 1964 — *Мелетинский Е. М.* О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Проблемы сравнительной филологии: сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 426–443.
- Мелетинский 1993 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 1963. 464 с.

- Нюргун Боотур Стремительный 1975 — Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо / Воссоздал на основе народных сказаний П. А. Ойунский. Якутск: Кн. изд-во, 1975. 432 с.
- Нюргун Боотур Стремительный 1947 — Нюргун Боотур Стремительный. Якутское олонхо / текст К. Г. Оросина. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1947. 410 с. (На якутском и русс. яз.).
- Окладников 2013 — *Окладников А. П.* Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. Якутск: Сайдам, 2013. 64 с.
- Ойунский 2013 — *Ойунский П. А.* Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Якутск: Сайдам, 2013. 101 с.
- Пропп 1946 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1946. 364 с.
- Павлова 2019 — *Павлова О. К.* Сравнительный анализ сюжетно-композиционной структуры тюркских эпосов (на примере якутского олонхо и шорского эпоса) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2019. № 2 (14). С. 96–106.
- Повесть о якутском богатыре 1897 — Повесть о якутском богатыре [Запись М. П. Овчинникова]. Из материалов по этнографии якутов // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. Кн. XXXIV. С. 155–176.
- Путилов 1976 — *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л: Наука, 1976. 244 с.
- Путилов 1975 — *Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 141–155.
- Пухов 2003 — *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов) / Сост. Д. К. Сивцев. Якутск: СО РАН, Якутский филиал, 2003. С. 84–141.
- Пухов 2004 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо: публикация, перевод, теория, типология: избранные статьи. Якутск: СО РАН, Якутский филиал, 2004. 208 с.
- Пухов 2013 — *Пухов И. В.* Олонхо — древний эпос якутов. Якутск: Сайдам, 2013. 48 с.
- Строптивный Кулун Куллустуур 2014 — Строптивный Кулун Куллустуур: олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов. Якутск: СВФУ, 2014. 280 с.
- Сын лошади Богатырь Дыырай 2013 — Сын лошади Богатырь Дыырай: олонхо / зап. Г. У. Эргис со слов И. И. Бурнашева; пер. Е. С. Сидорова. Якутск: ИД СВФУ, 2013. 376 с.

- Томашевский 1996 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
- Функ 2005 — *Функ Д. А.* Право на ошибку: представления о запрете на искажение эпических сказаний у шорских сказителей // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2005. С. 268–283.
- Хаан Дьаргыстай 2016 — Хаан Дьаргыстай: олонхо / зап. И. А. Худякова. Якутск: СВФУ, 2016. 289 с. (На якутском яз.)
- Чудояков 1998 — *Чудояков А. И.* Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова // Шорский эпос. М.; Новосибирск: Наука, 1998. 470 с.
- Шорские героические сказания 1998 — Шорские героические сказания: Кан Перген. Алтын Сырык. Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Шорские героические сказания 2014 — Кара Кан, Кара Сабак / сост., переводчик Л. Н. Арбачакова. М.: Институт перевода Библии, 2014. 280 с.
- Шорский героический эпос 2011 — Шорский героический эпос. В обработке Благовещенской О. И. / подгот к изд., вступит. ст. и коммент. Д. А. Функа. Т. 2. Кемерово: Примула, 2011. 272 с.
- Шорский фольклор 1940 — Шорский фольклор / зап., пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: АН СССР, 1940. 448 с.
- Эргис 1947 — *Эргис Г. У.* Богатырский эпос якутов — олонхо // Нюргун Боотур Стремительный. Якутское олонхо / текст К. Г. Оросина. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1947. С. 5–32.

Многоликое чудовище *абаасы* (на материале олонхо)

Анастасия Анатольевна Борисова ¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
(д. 42, ул. Кулаковского, 677000 Якутск, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0003-2212-5288. E-mail: harantaby@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022
© Борисова А. А., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются мотивы превращений эпических чудовищ *абаасы* в якутском фольклоре. *Материалы.* В качестве исследуемого материала отобраны ранние записи олонхо, опубликованные в конце XIX в. *Цель* статьи — выявить разновидности превращений чудовища *абаасы*, составить классификацию и определить функциональную особенность мотива этих превращений. *Результаты.* На основе изучения материалов определены следующие превращения эпических чудовищ *абаасы*: 1) в явления природы: палящий зной и река с каменистым дном; вихрь; 2) в птиц: ворон; трехглавый мифический орел; 3) в животных: волк; бык; мифический черный зверь; огромный мифический змей — дракон; 4) в рыб: окунь, щука; 5) в насекомых и гадов (водолюб; жук; личинка стрекозы); 6) воскрешение из мертвых; 7) превращение в девушку *айыы*. Установлено, что трансформация имеет разные функции и реализуется эпическими чудовищами *абаасы* для достижения ими определенных целей: приманки жертвы, бегства от опасности, повторного возрождения. Отождествление героев с силами природы, наличие орнитоморфных, зооморфных, ихтиоморфных, этиоморфных и др. обликов в перевоплощениях показывают, что в эпосе олонхо прослеживаются разные культурно-религиозные воззрения народа. Дальнейшее изучение данной темы с привлечением поздних записей олонхо может стать дополнительным материалом для определения периодов развития эпоса олонхо.

Ключевые слова: героический эпос, якутское олонхо, чудовища *абаасы*, антагонист, мотив, превращение

Благодарность. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-генетический аспекты».

Для цитирования: Борисова А. А. Многоликое чудовище *абаасы* (на материале олонхо) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 162–176. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-162-176

The Many-Faced Monster *Abaasy*: Transformation of Epic Images Revisited

Anastasia A. Borisova¹

¹ North-Eastern Federal University in Yakutsk , Scientific Research Institute of Olonkho (42, Kulakovsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation) Junior Research Associate

 0000-0003-2212-5288. E-mail: harantaby@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Borisova A. A., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines motifs of transformations experienced by *abaasy* epic monsters in Yakut folklore. *Materials.* The study focuses on earliest Olonkho records published at the end of the 19th century. *Goals.* The paper aims at revealing types of transformations inherent to the epic monster *abaasy*, classifying the former, and determining functional features of such motifs. *Results.* The insight into available materials reveals a number of forms (objects) *abaasy* epic monsters tend to turn into, namely: 1) natural phenomena (scorching heat and a rock-bedded river, whirlwind); 2) birds (raven, three-headed mythical eagle); 3) animals (wolf, bull, mythical black beast, huge mythical dragon-like serpent); 4) fish (perch, pike); 5) insects and creepers (amphibians, reptiles); 6) resurrection of the dead; 7) *aiyy* maiden. The work concludes each transformation pattern is characterized by specific functional peculiarities and is implemented by the *abaasy* for certain goals, e.g. to lure a victim, escape a danger, or gain a rebirth. The identification of main characters with natural forces, presence of ornithomorphic, zoomorphic,

ichthyomorphic and other forms in transformations show that different cultural and religious views of the people can be traced in the Olonkho Epic. Further studies of the topic with insights into later Olonkho records can serve additional materials for determining the periods of mythological development of the Olonkho Epic.

Keywords: Heroic epic, Yakut Olonkho, epic monster *abaasy*, antagonist, motif, transformation

Acknowledgements. The reported study was funded by North-Eastern Federal University, project name ‘Epic Monument of Yakut Intangible Culture: Textual, Typological, Cognitive, and Historical/Genetic Aspects’.

For citation: Borisova A. A. The Many-Faced Monster *Abaasy*: Transformation of Epic Images Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 2: 162–176. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-162-176

Введение

Одними из обитателей Нижнего и Верхнего миров Вселенной якутского эпоса олонхо являются чудовища *абаасы*, которые играют особую роль в развитии сюжетной линии олонхо. Их отличительная черта — это многофункциональность. Чудовища *абаасы* могут иметь функцию антагониста — вредителя и разрушителя, врага героя олонхо. Но в то же время существуют и персонажи-помощники, которые устанавливают невраждебные отношения с главными их противниками — племенами *айыы*, обитателями Среднего мира [Борисова 2021: 34]. Чудовища *абаасы* имеют сложную образную структуру и включают в себя следующих персонажей: владыка Нижнего мира; ботур; богатырь; старик; персонаж полу-*айыы*, полу-*абаасы*; посланник; шаман; раб; владычица Нижнего мира; девушка; удаганка; старушка. Распространены антропоморфные, арахноморфные, орнитоморфные виды и персонажи с телесной асимметрией (одноногие, однорукие, или наоборот, многоногие, многорукие, многоголовые).

Характерными особенностями эпического чудовища *абаасы* являются не только многофункциональность, но и разнообразность и многоликость. Они имеют способность к трансформации — могут менять свой облик и перевоплощаться. Мотив превращения отражает древние поверья о том, что живые существа

или предметы могут менять свой внешний вид, облик на другой одушевленный или неодушевленный предмет. Причина такого отождествления человека с животным обычно видится в первобытном невыделении человека из природы [Неклюдов 1998: 40]. Эпос олонхо, будучи крупным жанром фольклора якутов, содержит в себе культурно-религиозные, философские и мировоззренческие взгляды народа. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить виды превращений эпического чудовища *абаасы*, составить классификацию и определить функциональную особенность этих превращений.

В качестве материала исследования отобраны тексты олонхо, записанные в конце XIX в.: «Нюргун Боотур Стремительный», «Строптивый Кулун Куллустуур», «Ала-Булкун», «Хаан Джаргыстай», «Удаганки Уолумар и Айгыр», «Старик со старухой», «Старик Ураныкан», «Бэрт Хара», «Тойон Нюргун», «Хара Кырджыт».

Превращение в явления природы

Генезис образа чудовища *абаасы* теряется в глубине веков. «Образ богатыря *абаасы* представляет мифологизированное обобщение всякого зла; отражены не только отношения с древними племенами, но и оценка явлений природы, стихии» [Пухов 2004: 147]. Эпические чудовища *абаасы* идентифицируются с разрушительными силами природы и стихийными бедствиями. Признак их появления на земле Среднего мира определяется ухудшением погоды. Чудовищ *абаасы* сопровождают разрушительные силы природы: огромный вихрь, буря, могучий ветер, гром, сильный дождь и снег.

Персонаж олонхо «Хаан Джаргыстай» удаганка Хаскыйдан Куо Ытык Эннэли по просьбе своего брата Ытык Кыйбырдаан превращается в палящий зной *өнүрук куйаас* и реку с каменистым дном *таас үрэх*. Цель превращения заключалась в том, чтобы убить главного героя Хаан Джаргыстай и его людей. Удаганка, превратившись в нестерпимый зной, приманивает страдающих от жары людей в реку с каменистым дном. Попасть туда — равно тому, что попасть в желудок удаганки *абаасы*. Хаан Джаргыстай разоблачает план чудовищ *абаасы*, ударив реку своим кнотом.

Удаганка абаасы, приняв свой облик, улетает в небо [Хаан Джаргыстай 2016: 161].

Сын Великого Господина Улуу Тойон богатырь Улуйа Боотур, скачущий на железном коне с огненным девятисаженным хвостом, имеет способность превращаться в черный вихрь *күйгүүн хара холорук*. Богатырь *абаасы* становится вихрем для того, чтобы избежать смерти и убежать в свою страну после поражения в бою с богатырем *айыы*. Вихри и ураганы обычно связаны с чудовищами *абаасы* Верхнего мира. Например, похитителя дочери Юрюнг Айыы Тойон богатыря Нюсэр сопровождают три великих вихря *үс улуу холорук* и пестрый вихрь о восьми укрючинах *абыс садалгалаах ала холорук* [Ини-бии Айыыһыт сиэнэ Ала Хара 2013: 376].

Таким образом, превращения *абаасы* в разные явления природы совершаются для того, чтобы приманивать добычу, или, наоборот, спастись от опасности. Идентификация всего чужеродного и иноземного с разрушительными силами оружающего мира берет свое начало из древнейшей эпохи, когда первобытное мышление еще не выделяет человека из природы. Такое состояние начального мышления зависит от состояния производительных сил первобытного общества, которое тоже сначала всецело находится в зависимости от окружающей среды [Лосев 1957: 12].

Орнитоморфный облик

Образ птицы занимает особое место в эпосе олонхо. Птицы выполняют функцию посланника, вестника и помощника. К примеру, помощниками героев *айыы* в сказочном эпосе выступают орел, волшебная птица, ястреб, сокол, ворон и др. [Павлова 2016: 34]. Эпическое чудовище *абаасы* связано с образом ворона, чаще всего белоголового черного *хара мабаас суор*, и ворона смерти *өлүү хара суор*. Существуют орнитоморфные образы как среди протагонистических, так и среди антагонистических персонажей. Среди чудовищ *абаасы* орнитоморфными признаками обладают женские образы. Помощник и сестра богатыря *абаасы* — удаганка Ытык Хахайдаан принимает вид мифического орла: «...огромная

трехглавая волшебная птица Ёксёкю с двухразвилистым хвостом, с железным оперением» [Нюргун Ботур Стремительный 1947: 146]. Девушка Аан Сарапанай, похищающая обитателей Среднего мира, предстает в виде огромной птицы: «черный, как таймень, клюв острый словно железный лом, голова с размером с железный котел, глаза с размером в красные чашки, шея больше маховой сажени, в половину груди, облизывается в разные стороны языком длиною в сажень, растопыренные когти у нее словно десять верхоянских кос, из груди выпирают семь палок» [Братья Басымни Батыр и Эрбэхтэй Бэргэн 2013: 135].

Антропоморфные чудовища *абаасы* зачастую превращаются в воронов. Ворон почитался у якутов как тотемное животное. Он вместе с кукушкой считается вещей птицей, могущей предсказать судьбу. Однако встреча с вороном может являться и дурной приметой [Алексеев 1975: 100]. В общей тюрко-монгольской мифологии ворон представляется как мифическая птица, имеющая дар перевоплощения и выполняющая функцию посла у небесных божеств [Сундуева, Дампилова, Николаева 2019: 183].

В эпосе олонхо образ ворона связан с Великим господином Улуутуйар Улуу Тойон, владыкой *абаасы* Верхнего мира и их шаманами. В северном олонхо «Хаан Джаргыстай» богатырь *айыы* наносит смертельный удар шаману-*абаасы* Тимир Суодалба. Противник не умирает, так как половина его тела превращается в трех серых волков, а вторая — в трех белоголовых черных воронов:

*...абааһыта икки диэки хайа
баран баран, агаара үс сур
бөрө буолан, Дьяангы сабатыгар
тахсан улуйа олорбуттар, агаара
үс хара мабаас суор буолан,
хаһытаабытынан халлаанна
ингнэл-таннал көтө турбуттар...*
[Хаан Джаргыстай 2016: 710].

...абаасы раскололся надвое: первая половина превратилась в трех серых волков, которые выли, вышедши к подножию горы; вторая же половина стала тремя черными белоголовыми воронами, которые с криком разлетелись в разные стороны...¹

¹ Здесь и далее перевод автора.

В тексте олонхо «Ала Булкун» *абаасы* превращается в ворона, притом в черного ворона смерти *өлүү хара суора*, и улетает:

...Абааһы уола ан хомуһуннаах үһү, ама дьиккэрдээбэ үһү: Үнкүрүс кынна, күдһэлис кынна, кубулунна-купсунна, Харалаабыт аньыы курдук хатан тимир чургуй тумустаах Баай ыал чаан олгуйун курдук алтан лахса бастаах, Үс хос тимир чыллырыт түүлээх, Түөрт хос тимир дөлөкүүр кынаттаах, Уон дьааны хотуурун курдук уон дэгиэ тынгырахтаах, Уолах харыйа курдук уот хобо кутуруктаах, Хаан өһөх бэргэһэлээх өлүү хара суора буолла, «Хуух!» диэн хаһытаата да Хотулуу арҕаа халлаан диэки көтөн күпсүйэ куотта...[Ала Булкун 1994: 36].

...У сына *абаасы* есть волшебная сила: кубарем покатился, притворился-приготовился и превратился в черного ворона смерти с твердым клювом как черная коса-горбуша, с медной головой как котел у богачей, с железными чешуйчатыми перьями в три слоя, с железными и быстрыми крыльями в четыре слоя, с десятью крючковатыми когтями словно десять верхоянских кос, с огненным и длинным хвостом с размером в среднюю ель, прокричал «Хуух!» и с шумом улетел в сторону северо-запада...

Помимо превращения героя в ворона, согласно текстам олонхо, в птиц могут превратиться и его действия. Главный герой олонхо Ала Булкун перед поездкой в Нижний мир на поединок с богатырем *абаасы* кричит так, что его крик превращается в черного ворона, а вопль — в стаю ворон [Ала Булкун 1994: 47]. Стоит заметить, что такой процесс наблюдается именно в том случае, когда действие главного героя связано с миром чудовищ *абаасы*.

Зооморфный облик

Чудовища *абаасы* превращаются также в волка, быка и мифического зверя *кэй хара кыыл*. Волк связан с Верхним и Нижним мирами. Например, богатыря *абаасы* Верхнего мира Улуйа Боотур сопровождают девять серых волков, девять свирепых

медведей. После убийства сопровождающих его помощников богатырями *айыы*, Улуйа Боотур с поражением возвращается в обратно в Верхний мир. Кроме этого, в описании Нижнего мира иногда присутствуют образы волков и медведей: «приехал Нюргун в страну по-волчьи воющую, в местность, по-медвежьи рывкающую» [[Нюргун Ботур Стремительный 1947: 239](#)].

Как указано выше, после смертельного удара встречается мотив превращения одной половины тела шамана *абаасы* в трех серых волков, а второй — в трех белоголовых черных воронов [[Хаан Джаргыстай 2016: 710](#)].

Образ быка надо рассматривать как антитезу образа коня, который является не только средством передвижения богатыря *айыы*, но к тому же участвует в походах, активно помогает добиться победы, имеет дар предвидения; является советчиком и другом богатыря. Образ быка напрямую связан с Нижним миром. Чудовище *абаасы* зачастую ездит на быке: «темно-красный бык, запряженный в восьмиугольную нарту» [[Старик Ураныкан 1913](#)], «восьминогий пестрый бык, у которого один тупой рог на макушке головы, единственный искрящийся глаз в середине лба. Запряжен в двенадцатиугольную нарту» [[Братья Элик Ботур и Ныгыл Ботур 2013](#)]; «зеленый пестрый бык, запряженный в восьмиугольную железную нарту. У быка в середине лба один спирально-изогнутый рог, в середине лба единственный глаз, яркий словно звезда» [[Бэрт Хара 1913](#)]; «огромный как сопка чубарый бык, запряженный в восьмиугольную черной нарту, которая огромна как плоский холм» [[Потомки Юрюнг Айы Господина 1911](#)]. В отличие от богатыря *айыы*, у чудовища *абаасы* не наблюдается прямой и тесной связи с его бычьей упряжкой.

В тексте олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» удаганка Айгыр отправляется в Нижний мир, чтобы спасти свою сестру Уолумар. Встретившись с чудовищем *абаасы*, Айгыр оборачивается быком, а *абаасы* вслед за ней также становится таким же быком:

...сүүнүгээр соботох былас ордуга
былас ангара монголдуйар муо-
стаах, өрөбөтүгээр абыс биирдиш
тутум атахтаах, тобус былас
туобалаах кутуруктаах өлөр өлүү
обуна... [Удаганки Уолумар и Ай-
гыр 2013: 40].

...круторогий адский бык с един-
ственным полуторасаженным ро-
гом на лбу, на брюхе восемь ног с
один кулак, с девятисаженным из-
вилистым хвостом...

В сюжете этого же олонхо присутствует эпизод, в котором удаганка Айгыр видит во сне, как восьминогая железная кобыла перевоплощается в чудовище *абаасы*.

...бары былыт суманна
үрдүбүтүгээр холбосто. Ол гэнэ
хара былыт төбөтүнэн хайын-
на. Бу былыттан түһэн кэллэ
мас төрдүгээр абыс атахтаах
тимир биэ, үнкүрүйдэ. Ол гэнэ
төрөттө от быһаһаһын саба
күөх чарайы. Ол гэнэ биэ бэйэтэ
абыс буола быһынна, быстан ба-
ран абыс тимир тэмэлдьигэн бу-
олла, көттө халлаан абыс өттүн
дизки. Бу төрөппүт чарайа хаа-
лан күөгэлдьийэ сытта. Бу сыта-
рын эн батаһынан хайа суруйдун.
Ону мин көрдөхпүнэ – бу чарай
иһиттэн тахсан олордо маннык
дүүһүннээх абааһы... [Удаганки Уо-
лумар и Айгыр 2013: 132].

...раскрывается черное облако. Из
облака спускается восьминогая
железная кобыла. Она рождает зе-
леную слизь размером с полстога
сена. Кобыла распадается на во-
семь кусков, эти куски превраща-
ются в восемь железных стрекоз и
летят по восьми сторонам неба. Из
оставшейся зеленой слизи выбира-
ется старик-абаасы...

Превращение кобылы в чудовище *абаасы* находим в сюжете олонхо «Хара Кырджыт», записанном В. Л. Приклонским. Действие происходит следующим образом: главный герой однажды замечает, что его жеребец загнал чужую кобылу необыкновенной ма-

сти — чалую с белыми пятнами. Он запирает кобылу в свой загон, а на следующий день обнаруживает, что кобыла стала железной. Испугавшись неизвестного ему существа-чудовища, богатырь уничтожает его путем сжигания [Приклонский 1891: 174].

Чудовище *абаасы* Нижнего мира Ёсёх Харбыалаа Тимир Дыбырдаан, будучи самым сильным и могучим из своего племени, превращается в двухголового черного зверя широкого неба '*киэн халлаан икки хос бастаах кэй хара кыыла*', чтобы пройти совершенно белую горную долину '*сулмазан ааттык*' и попасть в Верхний мир [Тойон Нюргун 1908]. Встречается также образ мифического змея-дракона: богатырь Уот Усутааки становится огромным огненным змеем-драконом о трех головах и о двух хвостах '*үс хос бастаах икки салаа кутуруктаах садаба уот моҕой*' [Нюргун Ботур Стремительный 1947].

Ихтиоморфный облик

Средний мир и Нижний мир разделяет море *байбал* или океан *далай*. В сюжете большинства олонхо упоминаются Огненное море *Уот кудулу байбал* или Мертвое море *Өлүү муората*, которые становятся преградой для богатыря *айыы* и его коня. Герой-протагонист олонхо и антагонист могут превратиться в рыб. Герои *айыы* обычно превращаются в рыбу-дракона '*луо балык*'. В рассмотренных материалах наблюдаем превращение чудовищ *абаасы* в окуня и щуку. В олонхо «Старик Урааныкаан» фигурирует чудовище *абаасы* — беспощадная девушка-каннибал с топором, оловянным ножом и прочной веревкой. Свою добычу она съедает заживо, медленно и мучительно. В конце ее убивает главный герой олонхо, таким же способом, каким она убивала своих жертв. Голову ее герой отрезает и выбрасывает в море. Голова мертвой девушки превращается в двух окуней смерти *икки өлүү альһар балыга*. Еще в одном эпизоде удаганка *абаасы* Ытык Хахайдаан становится железной щукой *тимир сордон балык*, отправляясь на поиски своего умершего брата, который упал вниз головой в бурлящее огненное море [Нюргун Ботур Стремительный 1947].

Этиоморфный облик

Хтонические существа напрямую связаны с Нижним миром. Остатки убитых чудовищ *абаасы* превращаются в насекомых, символизируя бессмертность врага и вечную борьбу зла и добра. К примеру, в олонхо «Старик со старухой» останки чудовища *абаасы* превращаются в разного рода насекомых: водолюба, жука, личинку стрекозы *үөн-көйүүр буолан кини уңуоҕа сытар, чоху, хомурдуос, уу кыыһа* [Старик со старухой 1913: 64]. Отец волшебства, чародей нижнего мира, обладатель волшебного вервья Алып Хара обладает арахноморфным признаком. После его гибели части его тела превращаются в разных гадов, которые со свистом и визгом сыплются в преисподнюю.

Мотив превращения тела врага в насекомых распространен и в фольклоре других народов. З. К. Плаева отметила, что в балкарском нартовском эпосе оводы и мухи возникают из тел убитых эмегенов, и начинается мор. Предполагается, что такой мотив превращения в эпосе связан с индоиранским влиянием [Плаева 2015: 93].

Воскрешение из мертвых

Архаический мотив воскрешения из мертвых является распространенным в тюрко-монгольских эпосах. В якутском эпосе главный герой-протагонист воскрешается с помощью небесных удаганок или бессмертной воды '*өлбөт мэнэ уута*'. В отличие от него, чудовище *абаасы* оживает из оставшихся частей тела. По этой причине главные герои эпоса олонхо полностью уничтожают останки чудовища *абаасы* путем сожжения трупа. В целях полного уничтожения своего врага герой-победитель проводит долгое и сложное мероприятие. К примеру, в олонхо «Бэрт Хара» богатырь копает 7 ям, вырубает 7 больших деревьев, разводит огонь. Далее он бросает мертвое тело чудовища *абаасы* в огонь костра и оставляет гореть на 7 дней. После этого достает кости врага, мелет их на жерновах и золу бросает в море. Аналогичное описание встречается в бурятском эпосе «Гэсэр»: герой сжигает тело чудовища мангадхая таким же способом [Абай Гэсэр-Хубун 1961: 58].

Герой олонхо «Элик Ботур и Ньыгыл Ботур» богатырь *абаасы* Хабыдал Хара внезапно обращается в гнилое бревно '*эмэх дүлүг*',

чтобы защититься и избежать смерти. В сюжете «Строптивный Кулун Куллустуур» побежденный богатырь-*абаасы* по имени Турбутунан Тимир Сорун умирает, но воскрешается под именем Кытыгырас Баранчай: «Человек айыы... не мешкая повалил его и так сдалил, что единственный глаз его выскочил, превратился в красный огонь длиною в половину кнута и юркнул в пышущее огнем чрево грозного огненного моря...» [Строптивный Кулун Куллустуур 1985: 380]. После неудачной попытки главный герой жалеет, что не уничтожил врага до конца. Как писал С. Ю. Неклюдов, «подобная предосторожность оказывается не лишней хотя бы потому, что в каждой из этих мельчайших частей еще продолжает теплиться жизнь убитого, как бы равномерно в них растворенная; в особых условиях они в принципе способны к регенерации целого организма» [Неклюдов 1998: 65].

Превращение в красивую девушку

Приведем пример из северного олонхо «Старик Ураныкан», где девушка неземной красоты оказалась чудовищем Нижнего мира, кровожадным каннибалом. Когда богатырь Среднего мира попал в преисподнюю, то увидев, как в балагане сидит красивая девушка, тотчас забыл, куда попал, слушался только ее и остался у нее ночевать. К утру девушка беспощадно убила богатыря: связала, разрежала его на куски и съела. Описание ее обманчивой, но заманчивой красоты схоже с внешностью прекрасной девушки *Айыы*:

...тангас бүтэй этэ көстүбүт, эт бүтэй бүттэнэ көстүбүт, бүттэс бүтэй силиитэ уртуут курдук өрө тангары дьалкылдьыйа олорор, хараны аһаабыта хабарбатын төрдүгэр хараначчы курдук күөмэйин төрдүгэр өрүкүйбүтүнэн олорор. Хамчааккыттан кэлбит хара киис атахтаһа сыппытын курдук уллук өлбүргэлээх хаастаах

...сквозь одежду виднеется тело, сквозь тело виднеются кости, сквозь кости виднеется, как плещется словно ртуть костный мозг; черная пища, которую употребляла она, словно ласточка колышется в горле. Брови у нее будто шкурка ляжек камчатских соболей, лежащих валетом. Светлое лицо — словно белый камень, глаза — словно

буолбут. Ханчытаал таас харах-камень халцедон, серебряные
таах, сырдык таас сырайдаах, губы. Сквозь платье видно люби-
урун көмүс уостаах, тангас бүтэй мое ее тело, сквозь сыалдыа видно
апталаннаах этэ көстөр, сыалдыа драгоценное ее тело...
бүтэй сыаналаах этэ көстөр...
[Худяков 1913: 27].

Единственная функция такого превращения — это приманка добычи и обман богатырей *айыы*. Иногда результатом обмана богатыря *айыы* становится рождение персонажа полу-*айыы*, полу*абаасы*. Один из главных персонажей олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» Суодалба был рожден от отца *айыы* и матери *абаасы*. Суодалба несчастен, кажется чужим и представителям *айыы*, и *абаасы*. Он наделен хорошими человеческими качествами, как его отец — богатырь Среднего мира Аджинай Ботур. Но Суодалба имеет устрашающий внешний вид, переданный от матери [Удаганки Уолумар и Айгыр 2013: 217].

Заключение

Рассмотрение ранних записей олонхо позволяет выявить следующие варианты превращений эпических чудовищ *абаасы*: 1) в явления природы: палящий зной и реку с каменистым дном; вихрь; 2) в птиц: ворона; трехглавого мифического орла; 3) в животных: волка; быка; мифического черного зверя; в огромного мифического змея — дракона; 4) в рыб: окуня, щуку; 5) в насекомых и гадов (земноводных, пресмыкающихся); 6) превращение в неодушевленные предметы; 7) превращение девушки *айыы*. Установлено, что превращение имеет разные функциональные особенности и реализуется эпическими чудовищами *абаасы* для достижения ими определенных целей: приманки жертвы, бегства от опасности, воскрешения из мертвых. Отождествление героев с силами природы; наличие орнитоморфных, зооморфных, ихтиоморфных, этиоморфных и других признаков при перевоплощениях показывают, что в эпосе олонхо прослеживаются культурно-религиозные воззрения народа.

Литература

- Ала-Булкун 1994 — Ала-Булкун: олонхо / сказитель Т. В. Захаров-Чээбий; зап. В. Н. Васильев]. Якутск: Якутский институт языка, литературы и истории СО РАН, 1994. 101 с.
- Абай Гэсэр-Хубун 1961 — Абай Гэсэр-Хубун: Эпопея (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова. Улан-Удэ: [б. и.], 1961. 231 с.
- Алексеев 1975 — *Алексеев Н. А.*: Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. / отв. ред. И. С. Гурвич. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1975. 199 с.
- Борисова 2021 — *Борисова А. А.* Персонажи-помощники в образной системе эпических чудовищ абаасы // Вопросы национальных литератур. 2021. № 4. С. 33–39.
- Братъя Басымни Батыр и Эрбэхтэй Бэргэн 2013 — Баһымны батыр Эрбэхтэй бэргэн икки (= Братъя Басымни Батыр и Эрбэхтэй Бэргэн) // Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро (= Олонхо Жулейского наслега). Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. Якутск: ИГИ-иПМНС СО РАН, 2013. 266 с.
- Братъя Элик Ботур и Ньыгыл Ботур 2013 — Элик Боотур Ньыгыл Боотур икки (= Элик Ботур и Ньыгыл Ботур) // Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро = Олонхо Жулейского наслега. Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2013. С. 167–255.
- Бэрт Хара 1913 — Бэрт Хара // Худяков И. А. Образцы народной литературы якутов. Вып. 1: Сказки. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1913. С. 34–50.
- Ини-бии Айыһыт сизэ Ала Хара 2013 — Ини-бии Айыһыт сизэ Ала Хара, Ийэхсит сизэ Илэ Хара (= Ала Хара внук Айыһыт, Илэ Хара внук Ейехсит) // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. Ч. I. Вып. 4. СПб.: Имп. Акад. наук, 1910. С. 396–400.
- Лосев 1957 — *Лосев А. Ф.*: Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Гос. уч.-пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР (Учпедгиз). 1957 г. 620 с.
- Неклюдов 1998 — *Неклюдов С. Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 01.02.2022).
- Нюргун Боотур Стремительный 1947 — Нюргун Боотур Стремительный: Якутское олонхо / текст К. Г. Оросина, ред. текста, пер., коммент., вступ. ст. Г. У. Эргиса. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1947. 410 с.
- Павлова 2016 — *Павлова Н. В.* Орнитоморфные помощники героя в якутской волшебной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и прак-

- тики. 2016. №11 (65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 34–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitomorfnye-pomoschniki-geroya-v-yakutskoy-volshebnoy-skazke> (дата обращения: 01.02.2022).
- Плаева 2015 — *Плаева З. К.* Уаиги — враги Ацамаза: от хтонической архаики до борьбы с феодалами // Известия СОИГСИ. 2015. № 18 (57). С. 87–95.
- Потомки Юрюнг Айы Господина 1911—Үүт аас бэйэлээх Үрүн Айыы Тойон ыччаттара (= Потомки Юрюнг Айы Господина): М. Н. Андросова-Ионова. Самозапись. Боотурусский улус, II Игидейский наслег, 1890 г. // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. Ч. I. Вып. 5. СПб.: Имп. Акад. наук, 1911. С. 401–426.
- Приклонский 1891 — *Приклонский В. Л.* Три года в Якутской области: Этнографические очерки // Живая старина. 1891. № 3. С. 24–54.
- Пухов 2004 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо: публикация, перевод, теория, типология: избранные статьи. Якутск: СО РАН, Якутский филиал, 2004. 208 с.
- Старик Ураныкан 1913 — Урааныкаан оҕонньор (= Старик Урааныкан) // Худяков И. А. Образцы народной литературы якутов. Вып. 1: Сказки. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1913. С. 26–33.
- Старик со старухой 1913 — Оҕонньордоох эмээхсин (= Старик со старухой) // Худяков И. А. Образцы народной литературы якутов. Вып. 1: Сказки. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1913. С. 51–72.
- Строптивый Кулун Куллустуур 1985 — Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур : якутское олонхо. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. 605 с.
- Строптивый Кулун Куллустуур 2014 — Строптивый Кулун Куллустуур: олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2014. 280 с.
- Сундуева, Дампилова, Николаева 2019 — *Сундуева Е. В., Дампилова Л. С., Николаева Н. Н.* Метаморфозы мифологических персонажей в обрядовых действиях тюрко-монгольских народов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. №2 (24). С. 179–189.
- Тойон Нюргун 1908 — Тойон Ньургун бухатыыр (= Тойон Нюргун богатырь) // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб.: Имп. Акад. наук, 1908. Т. 1. Вып. 2. С. 81–112.
- Удаганки Уолумар и Айгыр 2013 — Удабаттар Уолумар Айгыр икки (= Удаганки Уолумар и Айгыр) // Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро (= Олонхо Жулейского наслега). Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. С. 65–122.
- Хаан Дьаргыстай 2016 — Хаан Дьаргыстай: олонхо / зап. И. А. Худякова. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2016. 289 с. (На якутск. яз.)
- Худяков 1913 — Образцы народной литературы якутов. Вып. 1: Сказки. СПб.: Тип. АН наук, 1913. 199 с.

«Биийин мактал» Д. Кугультинова и его русский перевод в аспекте жанра

Римма Михайловна Ханинова ¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., 2022

Аннотация. *Введение.* Для калмыцкой поэзии XX в. характерно обращение поэтов к фольклорным жанрам йоряля-благопожелания, харала-проклятия, магтала-восхваления для создания авторских образцов. Незнученность таких примеров определяет актуальность, новизну и цель статьи — выявить творческую историю создания стихотворения Давида Кугультинова «Биийин мактал» (1956) в разных редакциях под названием «Хэдрис», сравнить этот танцевальный магтал с одноименным стихотворением Нимгира Манджиева, созданным в 1935 г. Использование в работе историко-литературного, сравнительно-типологического, статистического и описательного методов исследования позволило выявить жанровые особенности, редакции, поэтику текстов. *Результаты.* Жанровая природа стихотворения представляет собой танцевальный магтал, точнее, синтез магтала и шаваша в 1-й редакции, в остальных редакциях — это шаваш, звучащий во время исполнения танца, поддерживающий танцора. Элемент магтала (восхваления) в 1-й редакции обусловлен присутствием трех катренов, связанных с воспеванием возвращенной родины после ссылки, восстановлением калмыцкой автономии, прославлением родной степи и Коммунистической партии. Здесь мы наблюдаем соединение автобиографического и общественного начал. *Выводы.* Танцевальный мотив в редакциях первоисточника остается в основном тем же, с незначительными лексическими изменениями. Шаваш обращен к юноше, исполняющему сольный мужской танец, с призывом показать те или иные танцевальные элементы, даны традиционные сравнения

его с представителями степной фауны и флоры, передающие силу, гибкость, ловкость, мощь, легкость, плавность (ласточка, змея, тушканчик, коршун, бабочка, дерево), с явлениями природы (вихрь / ветер, волна). В шаваше обозначены танцевальные движения «холькур», «мольжур», «далвалһн», «тавшур». Лирическая линия определена фигурами двух участников — юноши и его любимой девушки, перед которой он танцует. Динамика, ритм, экспрессия проявляются в стихотворном размере (разностопный ямб), в глаголах повелительного наклонения, их повторях, в сравнениях, в возгласах «Браво! Bravo! Давай!». В отличие от народного шаваша у Д. Кугультинова возглас «Хэдрис» не заключает строфу, а начинает ее, причем с повтором. Русский перевод С. Липкина под названием «Хадрис» имеет две редакции: сокращенную и полную. В целом переводчик передал особенности калмыцкого танца, величание родного края и КПСС, в то же время внес свои дополнения, опустив некоторые авторские детали.

Ключевые слова: калмыцкая поэзия, фольклор, магтал, шаваш, жанр, калмыцкий танец, поэтика, русский перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. «Биийин мактал» Д. Кугультинова и его русский перевод в аспекте жанра. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 177–208. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-177-208

David Kugultinov's *Biyyin Maktal* ('Dance Praise') and Its Russian Translation: A Genre Perspective

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., 2022

Abstract. *Introduction.* The 20th century Kalmyk poetry is characterized by the vivid use of folklore genres, such as *yöräl* (well-wish), *kharal* (curse), *magtal* (praise). *Goals.* The article aims at revealing the creative history of David Kugultinov's *Biiyin Maktal* (1956) in different editions under the title 'Khadris', comparing the dance *magtal* to a similarly-named poem by Ningir Mandzhiev created in 1935. *Methods.* The employed historical/literary, comparative/typological, statistical and descriptive research methods make it possible to identify genre features and poetics of the texts, distinguish between editions. *Results.* In terms of genre, the poem is a dance *magtal*, i.e. *shavash*, or more precisely — a *magtal/shavash* synthesis in the 1st edition, while in other editions it is a *shavash* proper serving to accompany dance and encourage the dancer. The element of *magtal* (praise) in the 1st edition is determined by the presence of three quatrains that glorify the returned homeland, restoration of Kalmyk autonomy, ancestral steppes, and the Communist Party. This is a combination of autobiographical and social principles. *Conclusions.* The dance motif in several editions of the original text remains basically unchanged and experiences only minor transformations. The *shavash* is addressed to a young man performing a solo male dance and articulates requests to show certain dance elements, traditionally compares him to representatives of steppe fauna and flora that embody strength, flexibility, dexterity, power, lightness, and smoothness (swallow, snake, jerboa, kite, butterfly, tree), to natural phenomena (whirlwind/wind, wave). The *shavash* mentions a number of dance patterns, such as *kholkur*, *moljur*, *dalvalyn*, and *tavshur*. The lyrical line is defined by figures of two participants — a young man and his beloved maiden he dances for. Dynamics, rhythm, expression are manifested in the employed metrical foot (iamb of different types), in imperative verbs and their repetitions, in comparisons and *bravo* exclamations. David Kugultinov's *shavash* is distinguished from its folk patterns by that the *khadris* exclamation serves not to finalize the stanza but begins it with specific repetitions. The Russian translation by S. Lipkin entitled 'Khadris' has two editions — an abridged and a full one. In general, the translator conveys peculiarities of Kalmyk dance, majesty of native lands and the CPSU, though introducing some additions and omitting some details of the author.

Keywords: Kalmyk poetry, folklore, *magtal*, *shavash*, genre, Kalmyk dance, poetics, Russian translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Khaninova R. M. David Kugultinov's *Biiyin Maktal* ('Dance Praise') and Its Russian Translation: A Genre Perspective. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 2: 177–208. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-177-208

Введение

Для калмыцкой поэзии XX в. характерно обращение поэтов к фольклорным жанрам йорял (благопожелание), харал (проклятие), магтал (восхваление) для создания авторских образцов.

В поэзии Давида Кугультинова (1922–2006) магтал в аспекте жанра рассматривался лишь Л. Б. Олядыковой, но на материале русского перевода [Олядыкова 2007; Олядыкова 2009]. «В оригинальных произведениях Д. Кугультинова, — как она считала, — слова „магтал“, „магтх“ (восхвалять), образцы магталов встречаются довольно часто. В текстах этих произведений на русском языке указанные слова, образцы магталов даны в переводе на русский язык, кроме слова „магтал“, имеющегося в стихотворении „Ода Москве“» [Олядыкова 2007: 219]. По мнению ученого, в творчестве калмыцкого поэта есть две разновидности жанра «магтал»: торжественное стихотворение и хоровые величальные песни (магталта дуд). Стихотворение «Москва, мини дурн» («Ода Москве», пер. Ю. М. Нейман) «является авторским магталом, с которым в роли магталчи выступает лирический герой — художественный двойник автора-поэта» [Олядыкова 2007: 223]. Кроме анализа упомянутого произведения, исследователь сослалась на другие стихотворения поэта: «Ижл» («Волга») и «Хөөчнрт» («Чабанам»), в текстах которых слово «магтал» используется в однокоренных лексемах, а образцы включения «магталта дуд» указала в ряде кугультиновских поэм и поэм-сказок.

Заметим, Л. Б. Олядыковой не обнаружены оригинальные произведения поэта, в которых бы в названии и/или в подзаголовке было бы указание на искомый жанр.

Жанр «шаваш» также не изучен в поэзии Д. Н. Кугультинова.

В нашей статье рассмотрим творческую историю одного произведения поэта «Бииһин мактал» и его русский перевод. Такой

интерес продиктован несколькими причинами. Во-первых, этот пример иллюстрирует несколько редакций оригинального текста в зависимости от времени его публикации и republicации (несмотря на то, что дата создания обычно указывалась прежняя — 1956 г.). Во-вторых, первое оригинальное название с трансляцией жанра сменилось в последующем другими редакциями без жанрового обозначения ни в заглавии, ни в подзаголовке — «Хэдрис». В-третьих, и оригинал, и русский перевод произведения также претерпели изменения в самом содержании еще при жизни автора. Сразу заметим, что это не исключение в творческой практике поэта, как, впрочем, и других его авторов-современников.

Начнем с того, что в названии кугультиновского стихотворения «Биин мактал» («Похвала танцу», 1956) есть слово «магтал»¹, которое вроде бы свидетельствует об авторском целенаправленном обращении к заявленному жанру. Но, как выясняется, в данном случае речь идет, скорее, о синтезе двух жанров — магтала и шаваша. Б. Б. Горяева считает, что в калмыцком фольклоре есть разновидность жанра *магтал* под названием *шаваш* (восхваление танцующего) [Горяева 2010: 168].

Калм. шаваш — прибаутка, *шавашлһн* от *шаваш* — произнесение прибаутки (во время танца), *шавашлх* — произносить прибаутки (в такт танцующему) [КРС 1977: 658]. Слово «би» во втором значении — «танец, пляска» [КРС 1977: 97].

Исследователи терминологически определяют «биин мактал-муд» (букв. ‘похвалы танцу’) как танцевальные магталы, т. е. шаваша [Бадмаева 1984: 141; Биткеев 2005: 72; Борджанова 2007: 253].

Для Т. Б. Бадмаевой, специально изучавшей традиционные танцы калмыков, шаваша — это особый жанр устной народной

¹ В первой публикации 1957 г., согласно правописанию того периода, «мактал» (правильно «магтал»), сам текст дан в соответствии с действовавшими в тот период правилами и нормами. В нашей статье это стихотворение передано в современной орфографии (за исключением слова «мактал»), но без изменения авторской пунктуации. Другие редакции произведения приводятся по публикациям, в некоторых случаях нами выявлены опечатки и ошибки в написании тех или иных слов.

поэзии, являющийся неотъемлемой частью танцев. В монографии 1982 г. она определяет шаваша как стихотворные шутки, состоящие из одного или нескольких четырехстрочных куплетов, их выговаривают речитативом в ритме музыкального сопровождения, обращаясь к танцующим или музыканту [Бадмаева 1982: 6]. В ее работе 1984 г. шаваша характеризуются как стихотворные миниатюры, выговариваемые в ритмах музыкального сопровождения и танцевального движения [Бадмаева 1984: 141].

«Небольшие произведения в стихах, которые исполняются в певческой форме во время танца, называют „шавашами“ (прибаутками) или „биигин магтал“ (восхвалениями), — писал Н. Ц. Биткеев. — Цель этих музыкальных произведений воодушевить танцующего, а того, кто произносит шаваш, называют шавашчи» [Биткеев 2005: 72].

Согласно Т. Г. Борджановой, «во время исполнения танца проносили шаваша — танцевальные магталы. <...> Другое обозначение шавашей — это биигин йорел, благопожелание танцу и танцующим. <...> В плане терминологии шаваш типологически близок к термину „танцевальная прибаутка“» [Борджанова 2007: 253, 254].

Таким образом, шаваш в жанровом отношении современными искусствоведами и фольклористами определяется по-разному: как разновидность танцевального магтала, как танцевальное благопожелание, что свидетельствует об элементах магтала и/или йоряла (благопожелания) в шаваше.

По мнению Т. Г. Борджановой, «данный жанр является одним из неисследованных в калмыцком фольклоре. Необходимо более полное изучение этого жанра, которому нет аналогов в фольклоре других монгольских народов, а также необходимо полное издание текстов шавашей» [Борджанова 2007: 256]. Среди первоочередных задач, как считает Т. Б. Бадмаева, выработка критериев отбора произведений для публикации и определение структуры издания [Бадмаева 1985: 95].

Известно, что первые образцы шавашей приведены в разделе «Шавашмуд» («Шаваша») сборника «Хальмг фольклор» («Кал-

мыцкий фольклор», 1941), составленного писателями Цереном Леджиновым и Гарей Шалбуровым [Хальмг фольклор 1941]. Это «Ижл көвэн нутга» («Приволжский улус»), записанный на республиканской олимпиаде 1935 г. от жителей Приволжского улуса, и «Хар һазра нутга» («Черноземельский улус»), записанный там же от жителей Черноземельского улуса [Хальмг фольклор 1941: 71–72, 72–73]. Поэт Б. Джимбинов, составитель сборника «Дуулич, теегм, дуул!» («Пой, моя степь, запевай!», 1958) включил в раздел «Шавашмуд болн домбрт келдг дуд» («Шаваша и песни, исполняемые под домбру») те же два шаваша и еще «Дунд нутга» («Дунд улус») [Дуулич, теегм... 1958: 312–317], а также стихотворение Нимгира Манджиева «Хэдрис» (1935) [Дуулич, теегм... 1958: 319]. В антологии калмыцкой поэзии 1962 г. те же образцы пространных шавашей под несколько измененным названием «Ижл көвэн нутга магтал» («Хвала Приволжскому улусу») и «Хар һазра нутга магтал» («Хвала Черноземельскому улусу») размещены в разделе «Магтал» («Восхваление») вместе с «Дунд нутга магтал» («Хвала Дунд улусу»), во всех трех примерах повторяются слова-рефрены *хэдрис!*, *хэрс!* [Хальмг поэзин антолог 1962: 67–69]. В названии двух других коротких образцов есть непосредственная адресация танцующим по гендерному признаку, т. е. с разделением мужских и женских танцев: «Баахн көвүд, залус биилхлэ магтдг магтал» («Похвала танцующим юношам и мужчинам»), «Биилсн күүкд магтдг магтал» («Похвала танцующим девушкам») [Хальмг поэзин антолог 1962: 67] с рефреном в тексте танцевального возгласа «хэрс-лэ!». Указанные шаваша «Ижл көвэн нутга», «Хар һазра нутга», «Дунд нутга» также опубликованы в разделе «Шавашмуд болн домбрт келдг дуд» сборника «Хальмг дуд» («Калмыцкие песни»), составленного поэтом Е. А. Буджаловым [Хальмг дуд 1977: 137–142]. Вариант шаваша «Хар һазра нутга» здесь дан без названия, по первой строчке: «Тэрмл хурсх махлата...» [Хальмг дуд 1977: 143]. Далее в этом разделе следует стихотворение Н. М. Манджиева «Хэдрис», но без названия, дано по первой строчке: «Күүкд домбран цокхн яһна...» («Девушки на домбре заиграли бы...») с указанием, что музыка народная [Хальмг дуд

1977: 144]. Следом размещено стихотворение Д. Н. Кугультинова под названием «Хэдрис!» с тем же пояснением, что музыка народная [Хальмг дуд 1977: 145–146].

Если в 1-й редакции кугультиновского текста не использовано слово «шаваш», то в некоторых последующих редакциях есть этот термин, данный в словосочетании *бииһин шаваш хайжэ* [Көглтин Д. 1981; Көглтин Д. 1994; Көглтин Д. 2002; Көглтин Д. 2012], т. е. букв. ‘бросив танцевальный шаваш’ (выражение *шаваш хайх* ‘бросать шаваш’, иначе говоря — произносить прибаутки во время танца, вбрасывать их, подбадривая танцоров). Как поясняет Т. Б. Бадмаева, «в старину бытовал обычай одаривания лучших танцоров монетами, которые бросали в деревянный корпус калмыцкой домбры или в стык верхней и нижней решеток кибитки „туурһин үзүр“, сказав предварительно шаваш. Очевидно, поэтому применительно к шавашам употребляют глагол „хайх“ — бросать, „шаваш хайх“ — буквально: бросать шаваш, наряду, естественно, с глаголом „шавашлх“, которому можно дать объяснение: произносить прибаутки (в такт танцующему). И действительно, человек, говорящий шаваш, слегка наклоняется в сторону танцующего и, прихлопывая ладонями в ритм стиха, как бы „бросает“ свои слова к его ногам» [Бадмаева 1992: 13]. Ср., например, в публикациях 1957 г. и 1960 г. поэт использовал другое выражение: «бииһин үгмүд тавшж» [Көглтин Д. 1957: 2; Көглтин Д. 1960: 23], т. е. букв. «притопывая танцевальные слова».

Предварительно можно предположить, что изначально автор имел в виду этот жанр — шаваш, исполнявшийся во время танца, а не просто магтал, который произносят в стихотворной форме в других ситуациях, «без всякого музыкального сопровождения», шаваш же говорят речитативом «только одновременно со звучанием мелодии и исполнением танца» [Бадмаева 1984: 141].

Позже Д. Н. Кугультинов снял прежнее жанровое обозначение, возможно, для придания произведению более широкого диапазона. Ср. в русском переводе Семена Липкина название стихотворения «Хадрис!», подчеркивающее связь с танцем.

«Биһин мактал» и «Хэдрис» Д. Кугультинова: редакции стихотворений

Первое появление стихотворения под названием «Биһин мактал» в газете «Хальмг үнн» относится к 1957 г. [Көглтин Д. 1957: 2], последующие газетные и журнальные публикации [Көглтин Д. 1994: 4; Көглтин Д. 1997: 56; Көглтин Д. 2002: 6], в том числе и в книжных изданиях [Көглтин Д. 1960: 22–23; Көглтин Д. 1981: 76–77; Көглтин Д. 2012: 107–108], имели другое название «Хэдрис» — с восклицательным знаком или без него. *Хэдрис* — междометие «Браво» (при исполнении танца) [КРС 1977: 588]. Подбадривающие восклицания в шавашах (*хэрс! хэрслэ! хэдрис!*) по смыслу означают: «живей! быстрее! энергичней!» [Бадмаева 1984: 143].

В одних публикациях иногда указывалась дата создания стихотворения (но без числа и месяца) — 1956 ж., а в других еще и место создания — Норильск, 1956 ж. [Көглтин Д. 1997: 56; Көглтин Д. 2012: 108]. В Норгорлаге Д. Н. Кугультинов, незаконно репрессированный в 1945 г., в период ссылки калмыцкого народа, отбывал там свой срок до 1956 г., позднее был реабилитирован.

Сравним избранные редакции разных лет анализируемого стихотворения, чтобы выявить изменения текстов (отмечены курсивным начертанием) и по возможности выяснить их причины.

Биһин мактал (1957)

Хэдрис! Хэдрис! Халад од!
Харада мет жисэд од!
Моһа мет мөлкэд од!
Модн мет уйдад од!
Яңһг бернтэ ятхин айс
Ялмн мет күцэд од!

Бумбин орн бээдг гинэ,
Байр тенд буслдг гинэ,
Хальмгуд таңһчан буульдг
гинэ,

Хэдрис! (1960)

Хэдрис! Хэдрис! Халад од!
Харада мет жисэд од!
Моһа мет мөлкэд од!
Модн мет уйдад од!
Яңһг бернтэ ятхин айс
Ялмн мет күцэд од!

Бумбин орн бээдг гинэ,
Байр тенд буслдг гинэ,
Хальмгуд таңһчан буульдг гинэ,
Хүвтэ төвкнүн эсирһдг гинэ!

*Хүвтэ жирхэж дуулдэ
гинэ!*

Хэдрис! Хэдрис! Халад од!
Хү салькар хурлзад од!
Элэ мет делэд од!
Эрвэкэ мет эргэд од!
Дурта сээхн күүкнэннь өмн
Дольган мет чичрэд од!

Торһн нооста тохмта хөн
Тег дүүрэд идшлж гинэ,
Таңһч чидлэн хураж
босад
Төрскндэн тусан күргж
гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Ниргэд од!
Насн баһан һарһад од!
Зүркни тачалан медүлэд од!
Зеегтэ нүдтэн авлад од!
Бахта *биһин* үгмүд
тавишж
Бийэн эмтнд үзүлэд од!

Наласн сээхн хальмгин
теегт
Нар-наадн шуугэж гинэ!
Күцлэн күцсн хальмг ни
Коммуна партыдан ханж
гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Нисэд од!
Хойр көлэн мулжад од!
Хойр ээмэн холькад од!
Хальмг көвүн авад од!
Бухин арсн *бат* улинь
Балв тустльн цокад од!

[Көглтин Д. 1957: 2]

Хэдрис! Хэдрис! Халад од!

Хү салькар хурлзад од!
Элэ мет делэд од!
Эрвэкэ мет эргэд од!
Дурта хальмг сээхлэн өмн
Дольган мет чичрэд од!

Торһн нооста тохмта хөн
Тег дүүрэд идшлж гинэ,
Таңһч чидлэн хураж *көдлэд*
Төрскндэн тусан күргж гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Ниргэд од!
Насн баһан һарһад од!
Зүркни тачалан медүлэд од!
Зеегтэ нүдтэн авлад од!
Бахта *биһин* үгмүд *тавишж*
Бийэн эмтнд үзүлэд од!

Наласн сээхн хальмг теегт
Нэр наадн шуугдиж гинэ!
Күцлэн күцсн хальмгуд ни
Коммуна партыдан ханж гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Нисэд од!
Хойр көлэн мулжад од!
Хойр ээмэн холькад од!
Хальмг көвүн авад од!
Бухин арсн *бут* улиг
Балв тустльн цокад од!

1956 ж.

[Көглтин Д. 1960: 22–23]

В 1-й редакции 49 строк структурированы в 7 строфах (первые 4 строфы по 6 строк, 5-я строфа — 7 строк, 6-я и 7-я строфы — по 6 строк); при этом секстины открывают и закрывают текст. Здесь поэт частично включает в строфику «лесенку», которой нет во 2-й редакции: там 36 строк, 4 секстины, 3 катрена, рамка обозначена изменением названия «Хэдрис!» и включением даты создания текста: 1956 ж. (1956 г.). Сразу заметим, что, несмотря на редакции оригинального стихотворения, дата (если дается) везде остается прежней.

Если в традиционном шаваше возгласы *хэдрис*, *хэрс*, *хэрс-лэ* завершают каждый куплет, то в редакциях кугультиновского произведения «хэдрис» дается в начале некоторых строф (иногда дважды), но нигде в их завершении, за исключением 2-й редакции; но, на наш взгляд, это сбой книжной верстки, поскольку в других редакциях, где есть эта строфа, такого завершения нет; кроме того, тогда нарушается парное единоначатие последующей строфы. В первых двух редакциях слово *Хэдрис!* в текстах встречается 8 раз, в некоторых других газетных редакциях — 7 раз, в книжных редакциях 1981 г. и 2012 г. — вновь по 8 раз, причем всегда возглас / возгласы даются в начале строки и никогда в ее завершении. Такое расположение передает авторскую сильную позицию.

Во 2-й строфе заключительная строка 1-й редакции (*Хүвтэ жирһэж дуулдг гинэ!*) слегка лексически и грамматически изменена во 2-й редакции (*Хүвтэ төвкнүн жирһэдг гинэ!*) при сохранении общего смысла; ср. калмыки ‘счастливо живя, поют, говорят’ и калмыки ‘счастливо, мирно живут, говорят’ (здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х.). Также несколько изменена строка в 3-й строфе 2-й редакции; ср. *Дурта сээхн куукнәннь өмн* (‘Перед любимой красивой девушкой’) и *Дурта хальмг сээхлэн өмн* (‘Перед любимой калмыцкой красавицей’), во втором случае подчеркнута этническая принадлежность. В 4-й строфе 1-й редакции изменено одно слово в строке: ср. *Таңһч чидлэн хураж босад* (‘Республика, силы собрав, встав’) и *Таңһч чидлэн хураж көдлэд* (‘Республика, силы собрав, работая’). Эти глагольные формы связаны с историческими фактами: возвращение калмыков из сталинской ссылки в

1956–1957 гг., постановление Президиума ЦК КПСС «О восстановлении национальных автономий калмыцкого, карачаевского, чеченского и ингушского народов» (24 ноября 1956 г.); Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края» (9 января 1957 г.); повторное образование Калмыцкой автономной области (1957–1958 гг.). В 5-й строфе двух редакций предпоследняя строка являет словосочетание *бишһин үгмүд тавишж* ‘букв. притопывая танцевальные слова’. В 6-й строфе обеих редакций видим разное написание словосочетания *нәр-наадн*, которое пишется правильно через дефис.

Хэдрис! (1994)

Хэдрис! Халад од!
Харада мет жисэд од!
Моһа мет мөлкэд од!
Модн мет уйдад од!
Яңһг бернтэ ятхин айс
Ялмн мет күцэд од!
Хэдрис! Хэдрис! Халад од!
Хаврин салькар хорлзад² од!
Элэ мет эргэд од!
Дурта хальмг сээхлэн өмн
Дольган мет чичрэд од!

Хэдрис! Хэдрис! Ниргэд од!
Насн баһан һарһад од!
Зүркни тачалан медүләд од!
Зеегтэ нүдтэн авлад од!
Бахта *бишһин шаваш хайж*
Бийән әмтнд үзүләд од!

Хэдрис (2002)

Хэдрис! Халад од!
Харада мет жисэд од!
Моһа мет мөлкэд од!
Модн мет уйдад од!
Яңһг бернтэ ятхин айс
Ялмн мет күцэд од!
Хэдрис! Хэдрис!
Халад од!
Хаврин салькар
хурлзад од!
Элэ мет эргэд од!
Дурта хальмг
сээхлэн өмн
Дольган мет чичрэд од!
Хэдрис! Хэдрис!
Ниргэд од!
Насн баһан һарһад од!
Зүркни тачалан
медүләд од!

² Опечатка, правильно *хурлзад*. — Р. Х.

Хэдрис! Хэдрис! Нисэд од!
Хойр келэн мульжад од!
Хойр ээмэн холькад од!
Хальмг көвүн, авад од!
Бухин арсн бат улыг
Балв тустлнь цокад од!

1956 ж.

[Көглтин Д. 1994: 4]

Зеегтэ нүдтэн авлад од!
Бахта *бишһин*
шаваши хайжэ

Бийэн эмтнд үзүлэд од!

Хэдрис! Хэдрис!
Нисэд од!

Хойр келэн
мульжад од!

Хойр ээмэн
холькад од!

Хальмг көвүн, авад од!

Бухин арсн бат улыг

Балв тустлнь цокад од!

Норильск.

1956 ж.

[Көглтин Д. 2002: 6]

В газетных публикациях 1994 г. и 2002 г. последующие редакции даны под окончательным названием «Хэдрис!» со значительными сокращениями: остаются строфы с танцевальным мотивом, остальные строфы с темой новой жизни на возвращенной родине и прославлением Коммунистической партии сняты автором. Здесь прежнее сравнение *ху салькн* ‘вихрь’ сменяется окончательным сравнением *хаврин салькн* ‘весенний ветер’. Определение «весенний» вносит расширительные смыслы в раннее сравнение танцора с вихрем (амбивалентные коннотации энергии и разрушения): жизнерадостный, возрожденный, свежий, приятный и т. д. Если во 2-й редакции (1960) в строфах уже нет прежней «лесенки», бывшей в 1-й редакции (1957), то теперь она возвращена в публикации 2002 г. за исключением 1-й строфы, остающейся в этом плане неизменной. В журнальной публикации 1997 г. «Хэдрис!» дан с теми же сокращениями, но без «лесенки» [Көглтин Д. 1997: 56].

Хэдрис! (1981)

Хэдрис! Хэдрис! Халад од!
Харада мет жисэд од!
Моһа мет мөлкэд од!
Модн мет уйдад од!
Яңһг бернтэ ятхин айс
Ялмн мет күцэд од!

Бумбин орн бээдг гинэ,
Байр тенд буслдг гинэ,
Хальмгуд таһнчан буульдг гинэ,
Хөвтэ төвкнүн жирһдг гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Халад од!
Хаврин салькар хурлзад од!
Элэ мет делэд од!
Эрвэкэ мет эргэд од!
Дурта хальмг сээхлэн өмн
Дольган мет чичрэд од!

Торһн нооста тохмта хөн
Тег дүүрэд идшлж гинэ,
Танһч чидлэн хураж көдлэд
Төрскндэн тусан күргж гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Ниргэд од!
Насн баһан һарһад од!
Зүркин тачалан медүлэд од!
Зеегтэ нүдтэн авлад од!
Бахта *биһин шаваши хайжэ*
Бийэн эмтнд үзүлэд од!

Наласн сээхн хальмг теегт
Нэр-наадн шуугдыж гинэ!
Күслэн күцсн хальмгуд ни
Коммуна партыдан ханжэ гинэ!

Хэдрис! (2012)

Хэдрис! Хэдрис! Халад од!
Харада мет, жисэд од!
Моһа мет, мөлкэд од!
Модн мет, уйдад од!
Яңһг бернтэ ятхин айс,
Ялмн мет, күцэд од!

Бумбин орн бээдг гинэ,
Байр тенд буслдг гинэ,
Хальмгуд таһнчан буульдг гинэ,
Хөвтэ төвкнүн жирһдг гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Халад од!
Хаврин салькар хурлзад од!
Элэ мет, делэд од!
Эрвэкэ мет, эргэд од!
Дурта хальмг сээхлэн өмн,
Дольган мет, чичрэд од!

Торһн нооста тохмта хөн
Тег дүүргэд идшлж гинэ,
Танһч чидлэн хураж көдлэд,
Төрскндэн тусан күргж гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Ниргэд од!
Насн баһан һарһад од!
Зүркин тачалан медүлэд од!
Зеегтэ нүдтэн авлад од!
Бахта *биһин шаваши хайжэ*,
Бийэн эмтнд үзүлэд од!

Наласн сээхн хальмг теегт
Нэр-наадн шуугдгж гинэ!
Күслэн күцсн хальмгуд ни
Көдлмиич ордан ханжэ гинэ!

Хэдрис! Хэдрис! Нисэд од!
Хойр көлэн мульжад од!
Хойр ээмэн холькад од!
Хальмг көвүн авад од!
Бухин арсен бат улыг
Балв тустлнь цокад од!

1956 ж.

[Көглтин Д. 1981: 76–77]

Хэдрис! Хэдрис! Нисэд од!
Хойр көлэн мульжад од!
Хойр ээмэн холькад од!
Хальмг көвүн, авад од!
Бухин арсен бат улыг
Балв тустлнь цокад од!

1956 ж.

[Көглтин Д. 2012: 107–108]

В двух собраниях сочинений Д. Н. Кугультинова наблюдаем различие в тексте «Хэдрис!». Если в издании 1981 г. осталась ранняя строка *Коммуна партъдан ханжэ гинэ!* [калмыки] ‘Благодарят Коммунистическую партию, говорят!’ [Көглтин Д. 1981: 77], то в издании 2012 г. эта строка изменена, снят идеологический ракурс: *Көдлмиш орндан ханжэ гинэ!* [Көглтин Д. 2012: 108] ‘Труженик благодарит страну, говорят!’. Такое редакторское вторжение в текст после смерти поэта (2006 г.) вступает в противоречие с указанной прежней датой (1956 ж.). Но отметим, что и в его авторских редакциях обычно не соблюдалось новое датирование, свидетельствующее об изменении текста, что вступает в противоречие с правилом в текстологии. И это не единичные примеры при оформлении авторами рамочной конструкции произведения в истории калмыцкой поэзии XX в.

«Биинин мактал» и «Хэдрис» Д. Н. Кугультинова: поэтика шаваша

«Биинин мактал» создан разностопным ямбом, структурирован 7 строфами с разным количеством строк, в каждой строке по 4 слова. 1-я, 3-я, 5-я, 7-я строфы обращены к танцору, остальные строфы — к зрителям, наблюдающим за танцем. Строки образованы с помощью единоначатия: парная анафора во всех строфах, кроме 4-й строфы (сплошная анафора). 1-я, 3-я, 5-я, 7-я строфы имеют краткий редиф³ в виде глагола единственного числа по-

³ Редиф — термин поэтики восточных народов, слово или группа слов, повторяющихся в стихе вслед за рифмой [Квятковский 1966: 238].

велятельного наклонения: *од!* ‘иди!’ от глагола *одх* = ‘идти’, в сочетании с тем или иным деепричастием. Например, *халад* (от *халдх*) *од* ‘разгорячись’; *жисэд* (от *жисх*) *од* ‘двигайся’; *мөлкэд* (от *мөлкх*) *од* ‘ползай’; *уйдад* (от *уйдх*) *од* ‘будь гибче’, *күцэд* (от *күцх*) *од* ‘достигни’, кроме предпоследней строки в строфе (*Яңһг бернтэ ятхин айс*). Первая строфа сразу, без всякой прелюдии, передает динамику танца, подбадривание лирическим субъектом танцора. Шаваша исполнялись обычно мужчинами старшего поколения, которые сами редко танцевали, они как бы обучали танцу младших. После двух возгласов *Хэдрис!* ‘Браво!’ звучит обращение к танцору: «Разгорячись! Подобно ласточке двигайся! Подобно змее извивайся! Как дерево, будь гибким! Словно тушканчик догони мелодию ореховой ятхи!». Ятх — арфа [КРС 1977: 712], калмыцкий музыкальный струнный инструмент, упоминаемый в эпосе «Джангар», в устном народном творчестве. По-монгольски ятга — четырнадцатиструнный музыкальный инструмент, похожий на арфу, гусли [БАМРС 2002: 470].

В 3-й строфе после повтора 1-й строки 1-й строфы поэт-шавашчи сравнивает танцора с крутящимся вихрем, с летящим коршуном, с кружащейся бабочкой. Такие вращательные движения рук человека, несущегося по кругу, отсылают как к определенным танцам: «Һәрдин би» («Танец орла»), «Тоһруна би» («Танец журавля»), «Далвалһн» (от слова *далваг* ‘крыло/), так и к танцевальному движению — махать руками, как крыльями.

Поэт призывает юношу в танце сотрясаться, подобно волне, перед любимой красивой девушкой (*Дурта сээхн күүкнәннь өмн / Дольган мет чичрэд од!*). Здесь отсылка к танцевальному движению *чичрх* ‘трястись (легкая вибрация тела)’, к танцу «Чичрдг».

Ср. «Для поэтических сравнений поэт обычно выбирает наиболее близкие и доступные ему образы, это животные и птицы, растения и явления природы», — пишет Т. Б. Бадмаева [Бадмаева 1992: 14], в перечне примеров для подражания танцору в одном из популярных шавашей предлагаются коршун, камыш, поземка, вихрь:

Элэ кевтэ эрлзэд од,
Элсн кевтэ дошад од,
Хү мет хурлзалд од,
Хулсн мет ярлзад од.
Хэрслэ! Хэрслэ!

Словно коршун промелькни,
Песком-поземкой проскользни,
Словно вихрь закружись,
Стань стеною, как камыш.
Хярсля! Хярсля!
[Бадмаева 1992: 14]

В других примерах народных шавашей есть упомянутые Д. Н. Кугультиновым тушканчик и бабочка:

Ялмн кевтэ дэльтрэд од.

Тушканчиком вилай.

[Бадмаева 1992: 14]

Эрвэкэ мет эрвлзэд од.

Промелькни, как бабочка.

[Бадмаева 1992: 15]

Те же сравнения есть в шавашах, записанных Б. П. Амбековой [Биткеев 2005: 77].

Ср. в калмыцких шавашах, адресованных мужчинам и юношам, призыв подражать в танце коршуну, вихрю, тушканчику:

Элэ кевтэ эргэд од!

Словно коршун покружись!

Элсн кевтэ һулдърад од!

Словно песок выскользни!

Хү кевтэ хурлзалд од!

Словно вихрь закрутись!

Хулсн кевтэ ярлзад од!

Словно камыш покачайся!

Хагин цаһан ялмн кевтэ⁴

Словно живущий в солончаке светлый тушканчик

Хэгэд-дэгэд од!

Подпрыгивай!

Хагсуһин шар гулврдэ мет

Словно желтая ящерица, обитающая в пустыне,

Һөрвкэд од!

Извивайся!

[Хальмг поэзин антолог 1962: 67]

⁴ Правильно *гүрвлг*. — Р. Х. См.: *гүрвлг; гүрвлдэ* [КРС 1977: 149]. Калмыцкая поговорка: «*шар гүрвлг кевтэ шилвлзэд одв*» = «прошмыгнул, как желтая ящерица» [КРС 1977: 149].

Такие образы передают силу, мужественность, выносливость, гибкость, ловкость, мастерство танцора. Кроме того, обращение в 5-й строфе к танцору поднять шум *Ниргэд од!*, показать свою молодость (*Насн баһан һарһад од!*) дополняется прямой отсылкой к тому, что танец исполняется перед любимой девушкой, звучит подсказка лирического субъекта юноше, чтобы тот явил свою сердечную грусть красавице, околдовал взглядом, а также показал себя перед людьми, исполнив шавашаи (*букв.* ‘бросив восхиительные танцевальные слова’). Эта деталь (исполнение шавашей самим танцором) является уже внесением нового элемента в исполнение народного танца, что отмечено современными фольклористами и передано поэтом.

В заключительной 7-й строфе повтор той же 1-й строки 1-й строфы. Затем звучит призыв к танцору исполнить характерные танцевальные приемы: *Хойр кәлән мулдәжал од!* ‘Ступай криво, ко-солап!’, от глагола *мульжәх*, т. е. равномерные перекаты ступней из стороны в сторону — с внутреннего ребра стопы на внешнее и наоборот. Танец «Мульжур» / «Мульжлһн» сопровождается переносом тяжести тела с ноги на ногу [Бадмаева 1992: 71]. *Хойр ээмән холькад од!* ‘Подергивай плечами!’, т. е. речь идет о танцевальном движении «ээмән хольклһн» — подергивание плечами, о мужском варианте танца «Холькур» [Бадмаева 1992: 34]. Подбадривание *Хальмг көвүн, авад од!* ‘Калмыцкий юноша, давай!’ сопровождается просьбой не жалеть своих сапог из крепкой бычьей кожи, разбить их подошвы (*Бухин арси бат улинь / Балв тустльн цокад од!*); прямого включения существительного *һосн* ‘сапоги’ нет, здесь прием названия части вещи (*ул* ‘подошва’) вместо целого (синекдоха). Упоминание обуви танцора неслучайно, потому что так поэт-шавашчи отсылает к танцевальным приемам, когда энергично топают ногами («тавшур», танец с притопыванием, от глагола *тавиш* ‘топать’), бьют пятками (танец *өскә цокдг* ‘удары пятками’), т. е. производят удары каблука о каблук.

В народных шавашах часто описываются те или иные атрибуты одежды танцующих людей, с помощью которых калмыки определяли темперамент, манеру и искусство исполнителя, здесь,

согласно Т. Г. Борджановой, отражена мифологема человека как символа трехчленного деления мира: верхний мир — шапка человека, средний мир — непосредственно одежда, нижний мир — сапоги танцора, поскольку одежда является продолжением тела человека, его заместителем [Борджанова 2007: 257].

Из всей одежды танцора в шаваше поэта выделены сапоги из бычьей кожи, поскольку на обувь приходится большая нагрузка, особенно в мужском танце. Ср. в калмыцких шавашах часто упоминаются сапоги из телячьей кожи, черные хромовые сапоги, черные тонкие сапоги, красные тонкие сапоги [Хальмг поэзин антолог 1962: 68; Биткеев 2005: 74–75; Т. С. Тягинован... 2011: 88].

Ср. народный шаваш в записи Б. П. Амбековой, близкий по форме и содержанию шавашу Д. Н. Кугультинова:

... Хаврин салькар хурлзад од!	Как весенний ветер, вихрем закружись!
Элэ мет эргэд од!	Как коршун закужись!
Эрвэкэ мет эрвлэд од!	Как бабочка промелькни!
Дурта хальмг сээхлэн өмн	Перед красавицей-калмычкой
Дольган мет чичрэд од!	Дрожью волны пройдишь!
Хойр келэн мульжад од!	Щиколотки перекрести!
Хойр ээмэн холькад од!	Плечами пожимай,
Хальмг көвүн авад од!	Юноша-калмык, свою удаль покажи!
Бухин арсн носиг	Сапожками из шкуры бычьей
Балв туслнь цокад од!	Притоптывай, пока не отвалятся!
Хэдрис! Хэдрис!	Хядрис! Хядрис!

(цит. по: [Фольклор монгольских народов 2011: 229–230])

В кугультиновских строфах звучит непосредственно танцевальный мотив стихотворения, обращенный к юноше; перечисление движений частей его тела показывает разнообразие репертуара народного танца, сохранившего основы ойратского и калмыцкого хореографического искусства. Лирическая составляющая произведения явлена в психологическом портрете танцора и зрителей, среди которых есть его любимая девушка. Это сольный мужской

танец, без конкретизации, где исполняется: на молодежной вечеринке, свадьбе и т. д.

Ср. в стихотворении Нимгира Манджиева (1905–1936) «Хэдрис»⁵ (1935) обращение молодого поэта к старикам исполнить свой танец. Это отсылка к калмыцким танцам для пожилых людей: «Төвшүн би» («Медленный танец»), «Медэтнрин би» («Танец пожилых»), «Көгшдин би» («Танец стариков») [[Бадмаева 1992: 32–33](#)].

Стихотворение Н. М. Манджиева было опубликовано в газете «Улан хальмг» («Красный калмык») после ухода автора из жизни в 1936 г. с указанием в подзаголовке, что оно не печаталось, что это «биичин мактал» («магтал танцующему»), иначе говоря, шаваш. Произведение интересно по содержанию и форме: это приглашение к танцу⁶ стариков-колхозников, которые могут показать свое мастерство зрителям, в том числе внукам, под мелодию домбры. В тексте есть указание на музыкальный инструмент (домбра), на некоторые танцевальные движения (поднятие рук *далвалһн*, притопывание *тавишур*). При этом метафора (притоптать свои шестьдесят лет) не только поясняет возраст танцоров, но и выражает веру автора в то, что возраст — не помеха танцу. Музыкальный мотив также имеет смысловое значение: счастливая жизнь в старости для колхозников (социальный ракурс). Придаточное условия действия (когда девушки заиграют на домбре) определяет дальнейший сюжет стихотворения: тогда старики станцевали бы, откликнувшись на просьбу. Поэтому рефрен *яһна*, ставший редифом, повторен 12 раз в небольшом стихотворении (всего 16 строк). Текст органи-

⁵ В издании 1975 г. название стихотворения воспроизведено уже с восклицательным знаком «Хэдрис!» [[Манжин Н. 1975: 186–187](#)].

⁶ Ритуал приглашения к танцу (дословно — передача танца) имел свои разновидности: танцор подходил к кому-либо и со словами «Передаю тебе танец» ладонью правой руки дотрагивался до правого плеча приглашаемого; танцор останавливался и плясал возле человека, приглашающими движениями рук показывая на центр танцевальной площадки; приглашая женщину, танцор мог опуститься перед ней на колени, приложить руку ко лбу и слегка коснуться нижней части ее подола [[Бадмаева 2010: 49](#)].

зован синтаксической парной анафорой, в основном с парной рифмовкой, с использованием мужской рифмы, разноstopный хорей. Восклицательные знаки заключают каждый катрен, в последнем катрене восклицательный знак имеет многоточие, передающее мотив ожидания. Название «Хэдрис» («Браво»), с одной стороны, манифестирует жанр (шаваш), с другой — в контексте стихотворения выражает авторское уважительное отношение к носителям и хранителям народной культуры. Множественное число подчеркивает количество участников — домбристок, стариков.

Ср. у Д. Н. Кугультинова актуализировано единственное число: среди танцоров, среди зрителей — в фокусе внимания одна девушка.

Хэдрис

(Барлгдад уга стих, биичин мактал)

Күүкд домбран цокхла, Колхозин өвгд босхла яһна, Босхла яһна, Босхла яһна!	Когда девушки заиграют на домбре, Колхозные старики встали бы, Встали бы, Встали бы!
Домбрт орсн айсар Делэд өвгд биилхлэ яһна, Биилхлэ яһна, Биилхлэ яһна!	Под мелодию домбры, Поднимая руки, старики станцевали бы, Станцевали бы, Станцевали бы!
Жириң цаган насиг Жиңнүлэд өвгд тавшхла яһна, Тавшхла яһна, Тавшхла яһна!	Свои шестьдесят лет Старики гулко притоптывали бы, Притоптывали бы, Притоптывали бы!
Жириңлтэ цагин айст Жичиңртэн эрдмэн үзүлхлэ яһна, Үзүлхлэ яһна, Үзүлхлэ яһна!.. [Манжин Н. 1936: 1]	Под мелодию счастливых лет Внукам мастерство показали бы, Показали бы, Показали бы!..

Возвращаясь к стихотворению Д. Н. Кугультинова, к тем строфам, в которых дается описание новой жизни на возвращенной родине, отметим включение современности в старинные танцы. Во 2-й строфе сравнение калмыцкой автономии с эпической страной Бумбой, в которой кипит радость, — распространенный художественный прием в калмыцкой поэзии советского периода; мотив прославления возвращенной автономии калмыцкому народу, вернувшемуся на родину, в новых песнях — историческая вежа. Отсюда описание в 4-й строфе породистых тонкошерстных овец, заповивших родную степь, восстановление автономии, служение калмыков родине, а в 6-й строфе — праздники-игры в зазеленевшей прекрасной степи, благодарность Коммунистической партии достигших своей цели, объединившихся калмыков. В таком случае можно говорить о синтезе магтала (восхваления) и шаваша.

В перечисленных строфах многие строки завершаются редифом — глаголом «гинэ» («говорят»). Судя по биографии поэта, он в 1956 г. находился в Норильске, где написал это стихотворение, Упоминание Коммунистической партии в тексте связано и с восстановлением Д. Н. Кугультинова в рядах КПСС в сентябре 1956 г. Сам поэт вспоминал в 1965 г.: «Как бы трудно ни приходилось в жизни, я никогда не терял веру в торжество дела Ленина и нашей Коммунистической партии» [Кугультинов 1966: 215]. Так переплетаются автобиографическое и общественное начало в анализируемом нами произведении.

Ср. ранее у Н. М. Манджиева определение «колхозные старики» становится маркером современной ему действительности, как и домбровая мелодия счастливых лет.

«Хадрис!» Д. Н. Кугультинова: поэтика русского перевода

В русском переводе Семена Липкина стихотворение «Хэдрис!» печаталось под названием «Хадрис!». Приведем здесь две редакции перевода, вошедшие в коллективный сборник «Калмыкия моя» (1960 г.) и в 1-й том собрания сочинений Д. Н. Кугультинова (1976 г.).

Хадрис! (1960)

Ты извивайся, как змея! Хадрис!
Будь пламенем, будь вихрем и
грозою!
Как ласточка, взвивайся и
кружись,
Стань гибкою лозою!
Мчись, как тушканчик, не
страшись игры
И догони мелодию домбры!

Степным орлом взмой в небеса!
Хадрис!
Промчись, как буря, к северу и
югу,
Как мотылек, блеснув,
перевернись
И вновь пройди по кругу.
Дрожи, как зыбь, вздымайся,
как волна:
В тебя душа калмычки
влюблена.

Развейся пылью огненной!
Хадрис!

Хадрис! (1976)

Ты извивайся, как змея! Хадрис!
Будь пламенем, будь вихрем и
грозою!
Как ласточка, взвивайся и кружись,

Стань гибкою лозою!
Мчись, как тушканчик, не страшись
игры
И догони мелодию домбры!

*Есть, говорят, чудесная страна,
Край Бумбы светлоликий,
Там, говорят, извечная весна,
Там счастливы калмыки.*

Степным орлом взмой в небеса!
Хадрис!
Промчись, как буря, к северу и югу,
Как мотылек, блеснув, перевернись
И вновь пройди по кругу.
Дрожи, как зыбь, вздымайся, как
волна:
В тебя душа калмычки влюблена.

*В степях калмыцких тучные стада,
Им нет конца и края.
Калмык живет для счастья, для
труда,
Вновь силы набирая.*

Развейся пылью огненной! Хадрис!

Рассыпья дробью, выпрямись
упруго,
Как наша юность, ярко
повторись,
Чтоб вспыхнула подруга.
Ты посмотри, народ стоит
вокруг,
А ну-ка, покажи себя, мой друг.

Рассыпья дробью, выпрямись
упруго,
Как наша юность, ярко повторись,
Чтоб вспыхнула подруга.
Ты посмотри, народ стоит вокруг,
А ну-ка, покажи себя, мой друг.

*В степях огни веселые горят,
Здесь радостные клики.
Родную партию благодарят
От всей души калмыки.*

А ну быстрее, еще быстрее!
Хадрис!
Кружись, дрожи, лети, сверкай
очаи,
На корточки присядь, и
пробегись,
И поиграй плечами,
Из крепкой кожи сапоги разбей
И новые купи себе скорей!

А ну быстрее, еще быстрее! Хадрис!
Кружись, дрожи, лети, сверкай
очаи,
На корточки присядь, и пробегись,
И поиграй плечами,
Из крепкой кожи сапоги разбей
И новые купи себе скорей!

1957

[Кугультинов 1960: 27–28]

[Кугультинов 1976: 78–79]

Во вступительной статье к двухтомнику избранных произведений Д. Н. Кугультинова на русском языке С. И. Липкин писал: «Нередко мир красок сопрягается с миром звуков, и тогда возникает такое стихотворение, как „Хадрис!“», особенно ценимое в калмыцкой среде. Хадрис — ободряющее слово, восклицаемое во время искрометного народного танца» [Липкин 1971: 14]. В качестве примера переводчик привел в статье последнюю строфу этого стихотворения.

Заметим, что русский перевод во многом отстывает от оригинального текста. Если в 1-й редакции С. И. Липкин, по согла-

сованию с автором, передал танцевальный мотив стихотворения (4 строфы), то во 2-ю редакцию включил отсутствовавшие 3 строфы о новой жизни в калмыцкой степи. При этом в публикации перевода 1960 г. нет датировки текста, а в публикации перевода 1976 г. дана другая датировка: вместо прежнего 1956 г., теперь 1957 г. Вероятно, тип издания (собрание сочинений в русском переводе) потребовал от автора возвращения к исходному тексту, в том числе и в переводе, что соответствовало бы истории создания этого стихотворения без сделанных ранее купюр.

В 1-й редакции перевод состоит из 4-х секстинов, всего 24 строки. Во 2-й редакции 4 секстины перемежаются 3-мя катренами, всего 36 строк. Ср. с редакциями оригинального произведения в строфике и общем количестве строк.

Если ключевое слово «Хадрис» в оригинале звучит 8 раз, то в переводе вдвое меньше — 4 раза, и расположение его, хотя и сохраняется в первой строке нескольких строф, но перемещено из начальной позиции в конечную.

Обратимся к 1-й редакции перевода. Здесь, в 1-й строфе, как и во 2-й редакции, наблюдаем некоторые отступления от первоисточника. Если поэт начинает с обращения к танцору: «*Хадрис! Хадрис! Халад од!*» ‘Хадрис! Хадрис! Разгорячись!’, то в переводе стихотворение начинается сравнением танцора со змеей, хотя вначале есть сравнение его с ласточкой. Призыв к юноше разгорячиться в танце представлен в развернутом виде во 2-й строке («Будь пламенем, будь вихрем и грозой!»). Сюда вошел вихрь из 2-й строфы, а также отсутствовавшая у поэта гроза. Последующее сравнение танцующего человека с гибкою лозой заменило здесь авторское сравнение с гибким деревом, что, по нашему мнению, нарушает мифологему человека-дерева в художественной картине поэта. Кроме того, лоза вызывает иные, ментальные коннотации, больше связанные с другим географическим ландшафтом, учитывая, что калмыцкие шаваши проецируют особенности родной фауны и флоры. Заключительное сравнение с тушканчиком, догоняющим мелодию домбры, искажает искомый предмет: вместо ятхи звучит домбра, традиционный музыкальный инструмент.

Во 2-й строфе вместо коршуна появляется степной орел, включено сравнение с бурей, которой нет в оригинале, мотылек сменяет бабочку. Авторские сравнения (коршун, бабочка) ориентированы на традицию народных шавашей, примеры из которых в этом плане мы привели в статье. Кроме того, ассоциации полета бабочки визуально красочнее, чем полет мотылька, учитывая расцветку и узор. Переводчик сохранил сравнение танцевального движения с волной, но добавил то, что не вписывается в историю юноши и девушки в стихотворении («В тебя душа калмычки влюблена»).

Сравнение танцевального движения с огненной пылью в 3-й строфе тоже не является авторской деталью, как и последующая мысль лирического субъекта о собственной юности («Как наша юность, ярко повторись»), здесь внимание перемещается с объекта на субъект. Реакция на танец зрительницы («Чтоб вспыхнула подруга») также нарушает картину психологического состояния танцора, желающего понравиться любимой девушке. Исчезает и другая особенность — призыв шавашчи к юноше произнести во время танца шаваша, т. е. проявить творческую инициативу, привлечь внимание красавицы. Дистанция между лирическим субъектом и объектом в переводе снимается включением личностного аспекта («мой друг»), чего нет в оригинале.

Из двух танцевальных движений в заключительной строфе перевода остался лишь «холькур» — подергивание плечами. Появился призыв «На корточки присядь», отсылка к танцевальному элементу, например, в «Туула би» («Танец зайца»). Портретная характеристика, отсутствовавшая в оригинале, вводит в перевод высокую лексику («сверкай очами»). Переводчик опускает авторское определение обуви (из бычьей кожи), теперь это только крепкие сапоги, но добавляет то, чего нет в оригинале: пожелание купить быстрее новые сапоги вместо прежних, разбитых в танце. Тем самым снижается романтическая линия сольного мужского танца перед любимой девушкой.

В целом переводчик передал динамику и экспрессию калмыцкого танца с помощью глаголов повелительного наклонения, сравнений, во много раз сократив количество восклицательных знаков, присутствовавших в первоисточнике.

Во 2-й редакции перевода, сохранив прежние строфы без изменений, С. И. Липкин дополнительно перевел остальные 3 катрена. Начальный катрен привычно переведен С. И. Липкиным, до войны осуществившим русский перевод калмыцкого героического эпоса «Джангар», но здесь нет ключевого слова о восстановлении автономии, что актуализирует смысл сравнения Бумбы с Калмыкией-Россией. То же отступление во 2-м катрене: не просто калмык живет для счастья, для труда, вновь силы набирая, а на возвращенной родине. В 3-м катрене также нет маркера единения калмыков на родине, вместо названия «Коммунистическая партия» введен эмоциональный эпитет «родная партия», хотя понятно, о чем идет речь: это единственная политическая партия в СССР. По нашему мнению, эти катрены, важные для автора, для понимания смысла стихотворения, нивелируются, становясь агитационными шаблонами в русском переводе. И это несмотря на то, что переводчик был дружен с автором, знал его драматическую биографию, как и трудную историю калмыцкого народа в XX в. (депортация, ссылка, ликвидация национальной автономии и т. д. в период сталинских репрессий).

В переводе использованы пятистопный ямб, рифмовка и рифма в шестистрочной строфе: перекрестная рифмовка есть в первых 4-х строках, парная — в 5–6 строках, чередование женской и мужской рифм видим в первых 4-х строках, мужскую рифму — в заключительных строках; в катренах: перекрестная рифмовка, чередование мужской и женской рифм; применены анафора (частично), аллитерация, синтаксические и лексические повторы.

Характерна оценка Ю. Б. Розенблюма, не владевшего калмыцким языком и поэтому не обратившегося к оригинальному тексту: «Стихотворение Давида Кугультинова „Хадрис“ в переводе Семена Липкина действительно производит полное „впечатление жизни, а не словесности“». И дело тут не только в богатстве словарного фонда, которым так умело пользуется переводчик. Он с удивительным поэтическим чутьем уловил мелодию и ритм подлинника, и в русской огласовке искал не буквалистского тождества, а тождества выразительности на другом языке. Иногда прибегая к

вертикальной анафорической аллитерации — звуковые повторы в начальных слогах („Развейся пылью огненной! Хадрис! Рассыпья дробью, выпрямись упруго“), которые с максимально возможной точностью передают на русском языке специфическую особенность аллитерационного калмыцкого стихосложения, переводчик использует и прием звуковых повторов внутри одной или смежной строчки группы одинаковых звуков — ИС („Степным орлом взмой в небеса! ХадРИС! ПромЧИСь, как буря, к северу и югу, как мотылек, блеснув, перевернИСь и вновь пройДИСь по кругу“)» [Розенблум 1969: 68–69].

Заключение

Творческая история стихотворения Д. Н. Кугультинова «Бииһин мактал» (1956) являет несколько редакций исходного текста, созданных в разные годы, но не отмеченных соответствующим фактом: дата, если указана при публикации, остается неизменной — 1956 г., место создания в двух случаях отмечено — Норильск. Все редакции имеют другое название «Хэдрис» с восклицательным знаком или без него. Междометие «хэдрис» — ободряющий танцора возглас, означающий «браво».

Жанровая природа стихотворения, не изученная ранее, представляет собой танцевальный магтал, другими словами — шаваш, точнее, синтез магтала и шаваша в 1-й редакции, в остальных редакциях — это шаваш, звучащий во время исполнения танца, поддерживающий танцора. Элемент магтала (восхваления) в 1-й редакции обусловлен присутствием трех катренов, связанных с воспеванием возвращенной родины после ссылки, восстановлением калмыцкой автономии, прославлением родной степи и Коммунистической партии. Здесь наблюдаем соединение автобиографического и общественного начал.

Танцевальный мотив в редакциях первоисточника остается в основном тем же, с незначительными лексическими изменениями. Шаваш обращен к юноше, исполняющему сольный мужской танец, с призывом показать те или иные танцевальные элементы, даны традиционные сравнения его с представителями степной

фауны и флоры, передающие силу, гибкость, ловкость, мощь, легкость, плавность (ласточка, змея, тушканчик, коршун, бабочка, дерево), с явлениями природы (вихрь / ветер, волна). В шаваше обозначены танцевальные движения *холькур*, *мольжур*, *далвалһн*, *тавиур*. Лирическая линия определена фигурами двух участников — юноши и его любимой девушки, перед которой он танцует. Динамика, ритм, экспрессия проявляются в стихотворном размере (разностопный ямб), в глаголах повелительного наклонения, их повторах, в сравнениях, в возгласах «Браво! Браво! Давай!». В отличие от народного шаваша у Д. Н. Кугультинова возглас «Хэдрис» не заключает строфу, а начинается ее, причем с повтором.

Сравнение кугультиновского шаваша с шавашем Нимгира Манджиева демонстрирует при одинаковом названии «Хэдрис» разные типы калмыцкого танца и его исполнителей: у Н. М. Манджиева — это коллективный танец для людей старшего поколения, по форме и содержанию — это приглашение старикам показать молодежи свое мастерство, передать традицию народного танца, сохранив его каноны. В 4 катренах поэтому использованы глаголы будущего времени с придаточным условия: если девушки заиграют на домбре, колхозные старики поднялись и станцевали бы. Разностопный хорей отвечает танцевальной мелодии. Если в шаваше Д. Н. Кугультинова звучит ятха, то в шаваше Н. М. Манджиева заиграет домбра. Русский перевод кугультиновского стихотворения имеет две редакции: краткий и пространный тексты, но и последний короче исходного текста, при этом строфы с описанием танца остаются теми же. В целом перевод С. И. Липкина, выполненный разностопным ямбом, отличается от первоисточника, с одной стороны, отступлением от некоторых авторских образов и деталей, с другой — включением собственных, не всегда соответствующих национальному колориту, географическому ландшафту, лирической коллизии оригинала.

Что касается изучения жанра шаваша в калмыцкой литературе, ранее Н. Ч. Очировой в статье «Элементы танцевального фольклора калмыков в творчестве К. Эрендженова и А. Сусеева» были рассмотрены некоторые традиционные шаваша, включенные в

роман К. Эрендженова «Үлалан хадһл» («Береги огонь») и в пьесу А. Сусеева «Кишг хээлһнд» («В поисках счастья»), с выводом о том, что у прозаика шаваша имеют классическую форму, а у драматурга — экспрессивный характер с оттенком иронии [Очирова 2010: 202–216].

В нашей статье «Стихия танца в лирике Михаила Хонинова» были изучены некоторые стихи и поэмы поэта в аспекте темы калмыцкого хореографического искусства, в том числе посвященные Калмыцкому государственному ансамблю песни и танца «Тюльпан» — «Мини домбр күңкнхлэ» («Когда звенит моя домбра», 1963), с использованием элемента шаваша [Ханинова 2010: 191–201].

Дальнейшее выявление жанра авторского шаваша позволит расширить понимание жанровой системы калмыцкой поэзии XX в. в связи с традицией фольклорного аналога.

Литература

- Бадмаева 1985 — *Бадмаева Т. Б.* Вопросы издания танцевального фольклора // Калмыцкий фольклор. Проблемы издания / отв. ред. Н. Ц. Биткеев. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 92–108.
- Бадмаева 1992 — *Бадмаева Т. Б.* Калмыцкие танцы и их терминология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 96 с.
- Бадмаева 2010 — *Бадмаева Т. Б.* Особенности формирования танцевального фольклора калмыков // Танцевальный фольклор народов России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. и 50-летию творч. деят-ти П. Т. Надбитова (г. Элиста, 17–18 декабря 2008 г.) / отв. ред. Н.Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 44–62.
- Бадмаева 1982 — *Бадмаева Т. Б.* Танцевальный фольклор калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 97 с.
- Бадмаева 1984 — *Бадмаева Т. Б.* Шаваша — малый жанр калмыцкого фольклора // Калмыцкая народная поэзия / отв. ред. Н. Ц. Биткеев. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 141–156.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 4. X–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 4. X–Я. Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 501 с.
- Биткеев 2005 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.

- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Горяева 2010 — *Горяева Б. Б.* Шаваш: жанровая специфика и современное бытование // Танцевальный фольклор народов России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности П. Т. Надбитова (г. Элиста, 17–18 декабря 2008 г.) / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 168–170.
- Дуулич, теегм... 1958 — Дуулич, теегм, дуул! (Хальмг дуудин хураңһу) / Жимбин Б. (хураж, диглж һарһв). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1958. 324 х.
- Квятковский 1966 — *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
- Көглтин Д. 1957 — *Көглтин Д.* Бииһин мактал // Хальмг үнн. 1957. Августин 31. X. 2.
- Көглтин Д. 1960 — *Көглтин Д.* Хэдрис! // Көглтин Д. Жирһл: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. X. 22–23.
- Көглтин Д. 1981 — *Көглтин Д.* Хэдрис! // Көглтин Д. Үүдэврмүдин хураңһу. 1-гч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1981. X. 76–77.
- Көглтин Д. 1994 — *Көглтин Д.* Хэдрис! // Хальмг үнн. 1994. Апрельин 29. X. 4.
- Көглтин Д. 1997 — *Көглтин Д.* Хэдрис! // Теегин герл. 1997. № 2. X. 56.
- Көглтин Д. 2002 — *Көглтин Д.* Хэдрис // Хальмг үнн. 2002. Бар сарин 27. X. 6.
- Көглтин Д. 2012 — *Көглтин Д.* Хэдрис! // Көглтин Д. һурвн ботьд шүүһэд барһн үүдэврмүд. 1-гч боть. Шүлгүд. Тууль. Поэмс. Элст: Барин гер «Герл», 2012. X. 107–108.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Кугультинов 1966 — *Кугультинов Д. Н.* Страницы автобиографии // Кугультинов Д. Н. Утоление жажды. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. С. 201–221.
- Кугультинов 1960 — *Кугультинов Д.* Хадрис // Калмыкия моя: сборник стихов и поэм / сост. В. Гнеушев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. С. 27–28.
- Кугультинов 1970 — *Кугультинов Д.* Хадрис! // Кугультинов Д. Н. Избранные произведения в 2 томах. Т. 1. М.: Худ. лит., 1970. С. 239–240.
- Кугультинов 1976 — *Кугультинов Д.* Хадрис! // Кугультинов Д. Н. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1976. С. 78–79.

- Липкин 1970 — *Липкин С.* О стихотворениях Давида Кугультинова // Кугультинов Д. Н. Избранные произведения в 2 томах. Т. 1. М.: Худ. лит., 1970. С. 5–23.
- Манжин Н. 1936 — *Манжин Н.* Хэдрис // Улан хальмг. 1936. Июлин 12. X. 1.
- Манжин Н. 1975 — *Манжин Н.* Хэдрис! // Манжин Н. Һашута үнн. Сундһсн келврмүд, түүкс, шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1975. X. 186–187.
- Олядыкова 2007 — *Олядыкова Л. Б.* Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: НПП «Джангар», 2007. 384 с.
- Олядыкова 2009 — *Олядыкова Л. Б.* Калмыцкая безэквивалентная лексика и фразеология в русских переводах произведений Давида Кугультинова: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 47 с.
- Очирова 2010 — *Очирова Н. Ч.* Элементы танцевального фольклора калмыков в творчестве К. Эрендженова и А. Сусеева // Танцевальный фольклор народов России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности П. Т. Надбитова (г. Элиста, 17–18 декабря 2008 г.) / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 202–206.
- Розенблюм 1969 — *Розенблюм Ю. Б.* Давид Кугультинов. М.: Сов. Россия, 1969. 144 с.
- Т. С. Тягинован... 2011 — Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.
- Фольклор монгольских народов 2011 — Фольклор монгольских народов: исследование и тексты. Т. 1. Калмыцкий фольклор / сост. Н. Ц. Биткеев. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 498 с.
- Хальмг дуд 1977 — Хальмг дуд / бүрдэгч Буджала Е. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1977. 156 х.
- Хальмг поэзин антолог 1962 — Хальмг поэзин антолог / бүрдөһэчнр Каллян С., Мацга И., Санган Л. Элст: Хальмг госиздат, 1962. 304 х.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор / бүрдэж кеснь, нүр үгинь болн темдгүдинь бичснь Лежнэ Ц., Шалвра Һ. Элст: Хальмг госиздат, 1941. 461 х.
- Ханинова 2010 — *Ханинова Р. М.* Стихия танца в лирике Михаила Ханинова // Танцевальный фольклор народов России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. и 50-летию творч. деят-ти П. Т. Надбитова (г. Элиста, 17–18 декабря 2008 г.) / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 191–201.

Деструкция как важнейший принцип организации художественного мира Владимира Сорокина

Санькова Алёна Александровна¹, Фокин Александр Алексеевич²

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-8020-4550. E-mail: snarks@yandex.ru

² Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Санькова А. А., Фокин А. А., 2022

Аннотация. В статье анализируется деструкция как один из важнейших приемов поэтики постмодернистского текста, исследуется роль деструкции как принципа организации художественного мира Владимира Сорокина, прослеживается эволюция и трансформация деструкции в произведениях писателя на примере наиболее показательных для поэтики автора-постмодерниста произведений различных жанров, написанных в разные периоды творчества: рассказ (новелла) «Месяц в Дахау» (1990), роман «Голубое сало» (1999), повесть «Метель» (2010), роман «Доктор Гарин» (2021). При этом отмечаются характерные особенности, присущие каждому из них. Обобщение проведенных наблюдений производится в заключительной части работы, где авторы приходят к выводу о существенных изменениях в последние десятилетия характера и механизма деструкции в дискурсивной практике писателя.

Ключевые слова: деструкция, деконструкция, постмодернистская литература, постмодернистский дискурс, творчество Владимира Сорокина

Для цитирования: Санькова А. А., Фокин А. А. Деструкция как важнейший принцип организации художественного мира Владимира Сорокина

Vladimir Sorokin's Artistic World: Destruction as Key Organizing Principle

*Alena A. Sankova*¹, *Aleksandr A. Fokin*²

¹Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-8020-4550. E-mail: snarks@yandex.ru

² Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sankova A. A., Fokin A. A., 2022

Abstract. *Goals.* The article analyzes the concept of destruction as a key tool of postmodern poetic text, examines the role of destruction as an organizing principle of Vladimir Sorokin's artistic world, traces the evolution and transformation of destruction in his works. *Materials.* The paper investigates works of various genres (and periods) that most vividly characterize poetics of a postmodern writer, namely: *The Month in Dachau* (short story, 1990), *Blue Fat* (novel, 1999), *The Snowstorm* (novella, 2010), *Doctor Garin* (novel, 2021). *Results.* The work identifies specific features inherent to each of the latter, provides a general review to further conclude that essentials and mechanisms of destruction in discursive practices of the writer have experienced significant changes in recent decades.

Keywords: destruction, deconstruction, postmodern literature, postmodern discourse, Vladimir Sorokin's creation

For citation: Sankova A. A., Fokin A. A. Vladimir Sorokin's Artistic World: Destruction as Key Organizing Principle. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 2: 209–223. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-209-223

Введение

Элементы деструкции давно уже стали закономерной составляющей обыденного мира, одной из знаковых характеристик современности, неизменным атрибутом информационной эпохи. Для русской литературы, функционирующей в новой социокультурной, экономической, политической реальности, уже в перестроечный и постперестроечный периоды стал закономерным учёт принципов нового миропорядка при создании художественного текста. Не мог не сказаться на постсоветской литературе и литературе первых десятилетий XXI в. и кризис мироощущения, связанный с изменением существующего миропорядка, переоценкой ценностей, переходом к несвойственной отечественному обывателю потребительской прозападной культуре и порождающему новую концепцию восприятия и репрезентации мира информационному обществу. Необходимо отметить, что именно информационно-коммуникационные технологии изначально явились сосредоточением тех возможностей моделирования и преобразования реальности, управления ею, создания эклектичных псевдомиров, «второй действительности» в рамках информационных моделей, компьютерных игр, политических и экономических манипуляций и др.

Всё это логично породило изменение идеологии и эстетики, внимание к новым формам репрезентации реальности, а, соответственно, и иным литературно-художественным направлениям, что требовало от литературоведа личного переосмысления текстов и многих привычных понятий и положений [Егорова, Фокин 2005: 294]. Новому миропорядку, заключающему в себе разнородное множество самостоятельных величин, непохожих, иногда практически несовместимых элементов, не обладающих привычной целостностью и системностью, были созвучны постмодернистские принципы организации художественного мира. Одним из них является деструкция, под которой в обыденном плане понимаются отрицательные, разрушительные явления, нарушение закономерных связей.

В общепредметном плане деструкция оценивается как негативный процесс, «нарушение, разрушение нормальной структуры»

[Советский энциклопедический словарь 1987: 379], «нарушение или полное разрушение структуры вещества..., нарушение нормальной работы, деятельности чего-л.» [Большой толковый словарь русского языка 1998: 254]. Оценка со знаком «минус» явно прослеживается и в рамках сосредоточенных на рациональном познании наук. Например, в содержащем термины рыночной экономики современном словаре под деструкцией понимается «нарушение структуры, сложившихся экономических и производственных связей в хозяйстве, распад, развал экономики» [Намятова 2012: 44].

Однако изначально полидисциплинарное понятие деструкции, восходящее к фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, в рамках которой оно отталкивалось от невозможности определения бытия в духе предшествующих философских систем, различения бытия и сущего, являло собой внеисторическое, венаучное, вневременное понимание пути приближения к истоку, началу, истине бытия, скрытому под напластованием знания. Именно поэтому феномен деструкции рассматривается как одна из базовых составляющих постмодернистского сознания, являющего себя как реакцию на осознание трагизма человеческого бытия и рефлексии по поводу утраты моральных, нравственно-этических ориентиров.

Для художественного текста вообще, где знаковым является любой уровень его организации, и для постмодернистского, построенного на субъективных, рефлексивных, игровых, не привязанных к конкретным историческим и временным, оценочным и мировоззренческим координатам началах, в частности, деструкция зачастую является основой для смысло- и сюжетообразующей рефлексии, творческой установкой построения и функционирования художественного пространства, камертоном, позволяющим читателю стать созвучным тексту, погрузиться в него и найти свой собственный смысл.

Постмодернисты по-разному строят повествовательную стратегию, различными методами и приёмами воздействуя на читателя и вводя собственные ценностные установки, от которых приходится отталкиваться воспринимающему субъекту. Один из

признанных писателей этого направления Владимир Георгиевич Сорокин, например, изменяет сам механизм восприятия, саму кодировку, сам генетический код своей информационной вселенной, «атмосферу» мира созданного, его информационные связи и их воздействие на индивида мира реального путем деструкции художественного пространства своих текстов. Проследим, на чём основывается и как реализуется этот механизм в произведениях писателя, и на основе сопоставления наиболее показательных для поэтики автора-постмодерниста произведений различных жанров, написанных в разные периоды творчества (рассказ «Месяц в Дахау», роман «Голубое сало», повесть «Метель», роман «Доктор Гарин»), выявим эволюцию и трансформацию деструкции в его художественном мире.

Рассказ Владимира Сорокина «Месяц в Дахау» (1990)

В соответствии с поставленной целью рассмотрим вначале один из самых ярких рассказов писателя «Месяц в Дахау» [Сорокин 2002], где деструктивность художественного пространства является одновременно и организующим началом повествования. Характерной для отечественного постмодернизма является рефлексия на реалии, установки и ценности советского прошлого, что актуально и для данного текста, появившегося на свет после путешествия писателя в находящийся в Германии концентрационный лагерь Дахау, представленный как воплощение тоталитарного мира. Интересно, что добирался к нему герой в поезде, движущемся «на запад», то есть «на свободу», из метафизического ада, но попавшем, по сути, в чистилище, где он столкнулся с той же тоталитарной несвободой, подчиненностью и обреченностью.

Рассказ Сорокина построен по схеме ведущихся от первого лица дневниковых записей alter ego писателя – «Сорокина Владимира Георгиевича, русского, беспартийного», которому «разрешается беспрепятственный выезд из СССР в Германскую Империю для проведения летнего отпуска (28 суток)» [Сорокин 2002: 185] в концентрационном лагере города Дахау. Переплетение и соотнесённость реального и вымышленного сразу определяют ракурс

построения возможного мира по законам деструкции, задают установку на поиск оснований для подобной взаимообусловленности и знаковость каждой из обозначенных в нем реалий.

Начало повествования — клишированные, максимально обобщённые, привычно знакомые каждому предсказания в соответствии с повальным увлечением в постперестроечный период астрологией и различными эзотерическими учениями, которые, явив себя перед читателем, плавно перетекают в мысли героя, задавая его путь, как бы predetermined ему изначально и навязанный свыше — крайняя точка фатализма: «Водолей фатально зависим от Венеры. Все, все зависит друг от друга, полнейшая опосредованность и несвобода. Мы в этой зависимости, как мухи в меду, и малейшее наше движение порождает волны, волны. Которые топят других» [Сорокин 2002: 185]. Подобная абсурдная с точки зрения рационального познания, но абсолютно логичная для героя взаимообусловленность всего и вся как ничто иное характерна для постмодернистской эстетики. Подвергаясь деструкции, закрытый, статичный внутренний мир главного героя начинает двигаться и наполняться смыслом.

В жанре романтического повествования герой воспринимает памятные ему места, наслаждаясь, восторгаясь, жажда «запах ЛАГЕРЯ, святой, родной, дорогой, лишаящий речи, разрывающий сердце» [Сорокин 2002: 193]. На первый план в подсознательном влечении героя, проходящего через чистилище Дахау, выходит уже не желание, а потребность, настоятельная необходимость самобичевания и самопознания через пытку насилия, власти, подавления себя с целью самореализации и самоочищения — единственно доступный способ, метафорический коридор, который вообще имеется. Ходить по нему не обязательно, но если уж ходить — то только по нему. Все другие направления «отмерли», оставшись в редуцированном виде, и выступают только как подсознательные эманации, которые заканчиваются тупиком или же, как происходит в рассматриваемом рассказе, создают «убранство» этого пути.

Апогеем «истомы ожидания» персонажа становится появление главного объекта вождения, двухголовой Маргариты-Гретхен,

перенесенной со страниц «Фауста» Гёте, отсылающей как к двухглавому орлу на гербах Священной Римской империи, Российской империи и воссозданной в сорокинском художественном пространстве Германской Империи, так и к овеществленному в виде женщины её символу.

Образ сорокинской героини восходит и к двуликому Янусу, который является хранителем всех входов и выходов, порядка, мира, то есть ключевой фигурой, проводником и привратником, и к другим персонажам классической литературы, прямо упоминаемым автором. Здесь, подобно традиционному сказочному сюжету, вполне реальному жизненному факту придается совершенно невероятная, фантастическая форма выражения. Характер фантазматичности повествования дополняется условностью задаваемых образов — образ не «выписывается» в жизнь, являя собой знак-символ, несущий знаковую нагрузку.

После включения в пространство текста Маргариты-Гретхен автор внезапно «распахивает двери». Читатель вместе с главным героем буквально «проваливается» в пыточные камеры. Здесь опять главенствующими оказываются законы деструкции. Разрушается ткань псевдореалистического повествования — смысловая, стилистическая, структурная, и начинается квест. Осуществляется театральный переход от сцены к сцене, от камеры к камере. Обстановка — индивидуальная для каждого действия, и для каждого действия — свой сюжет.

Каждый раз герой оказывается в новой роли, каждая новая попытка не похожа на предыдущую. Задействованы все сферы чувственного и физического восприятия – отсюда и новая эстетика, и шокирующая (от отправления естественных потребностей до каннибализма и т. п.) физиологичность, хотя и метафорического характера. Не обойдённому не осталось ничто. Но, дойдя до самой глубокой точки падения, герой обретает возможность очищения, обретения себя, достижения «рая» через подавление всего, заложенного системой тоталитарного подчинения, то есть «Я»-реального через потерю «Я»-морализованного, и выходит вместе с читателем на новый уровень саморефлексии.

Роман Владимира Сорокина «Голубое сало» (1999)

В более позднем произведении писателя — романе «Голубое сало» [Сорокин 1999] — деструктивное начало, на первый взгляд, проявляет себя несколько иначе. Оно воздействует на сознание уже на языковом уровне — читатель сразу оказывается погружен в сплав языков и стилей: русский язык смешивается с английским и китайским. Дается русское слово — и сразу же его аналог на китайском или английском в русской транслитерации. Язык эмоционален, сиюминутен, и от этого читается глубоко, знаково и при этом крайне субъективно, западает в поле зрения.

Автор заставляет нас не только «прислушаться» к языку, но и «пощупать» его, ощутить его материальную весомость. Можно утверждать, что Сорокин в некотором роде возвращает русскому читателю язык, подобно тому, как возвращают двигательные и языковые навыки человеку, перенесшему серьезную травму: за счет иноязычной лексики, языковая «инаковость» сорокинского языка (лексическая, грамматическая, семиотическая), нестандартная форма его текстового оформления, игра с лексемами в не свойственном им значении побуждает задуматься о русском языке во всем его многообразии и многоаспектных связях, о его структуре, корнях и многозначности. Писатель иронизирует над повсеместным употреблением иноязычных слов, перенасыщая текст — нет, не только английскими, не было бы того эффекта мгновенного реагирования: слишком уж привычны, осели на задворках сознания, — а также немецкими, французскими и китайскими словечками.

Отслеживаемая на других уровнях дискурсивная практика В. Сорокина основывается на деконструкции объектов соцреализма, массовой культуры (сами тексты письма Borisa), литературы классической путем псевдовоспроизведения литературных текстов писателей-классиков и писателей советского периода.

Знаковое для писателя пространство — как и в предыдущем тексте, мы оказываемся в «семи камерах, обитых натуральным войлоком 3x3x3» [Сорокин 1999: 44], писателей-клонов, семи «объектов» — Толстой-4, Чехов-3, Набоков-7, Пастернак-1, Ахма-

това-2 и Платонов-3 — построено по принципу временной несовместимости и нецелесообразности. Так, например, у Толстого-4 в камере «прозрачный стол в стиле позднего конструктивизма (Гамбург, 1929), бамбуковое кресло (Камбоджа, 1996), кровать с гелиевым наполнителем (Лондон, 2026). Освещение — три керосиновые лампы (Самара, 1940). Ereggen-объект — чучело пантеры-альбиноса» [Сорокин 1999: 47]. Таким образом, эклектичность современной культуры проецируется и на обстановку камеры, призванную способствовать «скрипт-процессу», результатом которого должно быть выделение вождя голубого сала.

Подверженные деструктивному воздействию тексты клонов классиков у В. Сорокина также стремятся к своему истинному началу: они узнаваемы, поскольку аккумулируют характерное для эстетики творчества классиков, оставляя неприкосновенными мировоззренческие доминанты картины мира Л. Н. Толстого, грусть и меланхолию А. П. Чехова, изощренность языка В. В. Набокова, эстетизм Б. Л. Пастернака, классичность А. А. Ахматовой, идеологизм Ф. М. Достоевского. При этом они включены в единый гипертекст современной культуры, иногда намеренно частично эклектичны, аграмматичны, бессмысленны.

Персонажи-классики введены в роман не только как клоны, но и как семиотические доминанты сорокинского художественного мира. Отодвигая возможность буквального прочтения, В. Сорокин актуализирует знаковость культурных фигур и их иерархическую соотношенность. Так, юродивая-ААА, воплощение русской классической традиции, передает наследие единственному, кто смог его принять — мальчику Иосифу. Потенциальных «наследников» Ахматова «причащает» харкотой великого Мандельштама.

Роман описывает процесс интертекстуализации в современном культурном макропространстве. Подобная метаязыковая и метасмысловая игра разрушает, деструктурирует всё наносное, актуализируя истинное авторское видение России, в которой не может быть разделения литературы и философии, поскольку «нет разницы между феноменальным и ноуменальным» [Сорокин 1999: 314]. Посредством деконструкции объектов элитарной литературы до-

стигается эффект размывания и остывания вечных тем и вопросов, осмысливавшихся в классической литературе, в жерле массовой культуры, которая использует имена, темы, сюжеты элитарной литературы как знаковые доминанты с целью дорожке продать товар [Санькова 2007: 17–18].

Гипертрофия телесного начала, свойственная эстетике всей русской постмодернистской литературы, творчеству В. Сорокина («Норма», «Тридцатая любовь Марины», «Месяц в Дахау», «Доктор Гарин» и др.), в романе «Голубое сало» доведена до крайности. Переданный Магистру маленькими детскими ручками текст «Заплыв» — квинтэссенция постмодернистской деконструкции соцреалистических мифологем. По смыслу он близок роману В. Пелевина «Омон Ра» (1991), где автор развенчивает пафос советских мифов, приоритетность коллективного перед частным, общества перед человеком. Перенасыщение текста не просто физиологическими подробностями (как, например, в «Месяце в Дахау»), а введение обценной лексики в имена собственные, «создание» Ордена Российских Магистров, сексуальные оргии между знаковыми фигурами XX в., способствующие их десакрализации, созданию снижено-травестированных персонажей, подразумевают аполитичность, создают эффект идеологического и культурного отстранения.

Эта вакханалия — ирония над массовой культурой, пародия ее перенасыщенности постельными сценами, акцентированности на бесстыдной, неэстетизированной телесности, которая господствует и на теле-, и видеоэкранах, в современной литературе, в сети Internet. Не случайно в беседе с Магистром звучит фраза «Не дарами Земли едиными жив русский человек, но любовью к Матери Сырой Земле» [Сорокин 1999: 166], где понятия «любовь» и «секс» — неразрывная синонимическая пара, а книги Де Сада в деструктивном художественном мире сорокинского романа — скучны.

Повесть Владимира Сорокина «Метель» (2010)

Перенесемся ещё на десятилетие вперед — к знаковой для творчества Владимира Сорокина повести «Метель» [Сорокин

2018], где в фокусе внимания писателя, создавшего «любопытный комментарий о судьбе исторического времени в России» [Кобрин 2016], опять оказалась классическая русская литература, но уже не являющаяся источником «голубого сала», а образующая саму плоть повествования, насыщающая его реминисценциями, стилевыми подражаниями и смысловыми аллюзиями.

Произведение отсылает нас к одноименному рассказу Л. Н. Толстого с главным героем, которого метель сближает с извозчиком, его же рассказу «Хозяин и работник», изобилующему убаюкивающей (а у В. Сорокина — почти что патологической) детальностью описаний рутинных дел, одноименной повести А. С. Пушкина, структурно и сюжетно перекликающейся с текстом современного автора. Предшествующий тексту стихотворный эпиграф, задающий настроение и настраивающий на романтично-мрачный лад (у А. Пушкина это фрагмент из баллады В. Жуковского «Светлана», у В. Сорокина — начало стихотворения А. Блока); сам текст, погружающий нас в неспешное и мастерски стилизованное под оказавшийся (судя и по реакции критиков, и простых читателей) вполне жизнеспособным дискурс классической литературы — всё это подтверждает успешность попытки автора написать, не отходя от канонов постмодернизма, классическую русскую повесть с главным героем — уездным 42-летним доктором Платоном Ильичом Гариным, вступившим в противоборство и одновременно фаталистично отдавшимся бесконечному зимнему пути в никуда, который, по признанию самого автора, «собственно.., и есть наша жизнь» [Бугрова 2010].

Деструктивное начало этой повести о «ретробудущем России» [Липовецкий 2010] уже совсем иного порядка: мы можем наблюдать сдвиг от деструкции к деконструкции, важнейшим аспектом которой выступает то, что «всякое понятие с необходимостью вписано в цепочку или систему, внутри которых оно соотносимо с другими понятиями за счёт систематической игры различий» [Gasche 1986: 114], а новая жизнь старых понятий, слов, имён, звучаний обеспечивается путём их введения в новый контекст [Деррида 1990: 22].

Исследователи творчества Сорокина отмечают, что «деконструкция властного дискурса как метод, а также как сверхидея всего раннего творчества писателя, похоже, исчерпала себя» [Даниленко 2012: 113], сместившись к утончённой игре с образами и мотивами русской классической прозы (от А. С. Пушкина до И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака, М. А. Булгакова), упрощению сюжетных стратегий и обрастанию большей, нежели в более раннем творчестве писателя, причинно-следственной повествовательной логикой, цельностью повествования, обращению к «злободневной социальной проблематике» [Даниленко 2012: 114] и использованию популярных жанров массовой литературы и беллетристики (антиутопии и альтернативной истории). Встречаем мы и ироничные определения жанра произведения, определяемого, например, как «литературное reality-шоу с элементами КВНа» [Погорелая 2012: 67].

Роман Владимира Сорокина «Доктор Гарин» (2021)

Вхождение через одиннадцать лет проанализированной выше повести в новый роман В. Сорокина «Доктор Гарин» [Сорокин 2021] обеспечило постаревшему главному герою новую жизнь на титановых ногах и существование уже не в рамках псевдоклассической повести, а занимательного авантюрного романа с дуэлями, перестрелками и любовными интрижками. И хотя подопечные доктора — восемь искусственно выведенных для политической деятельности — «высиживания» и «подсиживания» — существ с телами в виде гипертрофированных ягодиц вроде бы и созвучны образам героев того же «Голубого сала», знакова роль и телесного начала в создании их образов, но сам текст уже не отличается той изощренностью и знаковостью деструкции, попыткой высветить и до отторжения, неприятия, отвращения, шока обнажить волнующие писателя проблемы. Узнаваемые сорокинские остроумные вкрапления в виде романа бывшего пациента, текста из забытой кем-то в парке книги или пародии на «Норму», встречающуюся на бумаге для осуществления гигиенических процедур в деревенском сортире, уже не достигают того эффекта, как ранняя проза писа-

теля, безальтернативно погружая нас в иные реалии и заставляя видеть привычный мир в свете иных законов его существования.

Заключение

В художественном пространстве Владимира Сорокина 1990–2000-х гг. посредством деструкции, смывания наносных пластов устоявшихся «фундаментальных» представлений, ценностей, осуществляется переход от более низкой к более высокой организации восприятия и внутреннего преобразования информации, определение знаковости описываемых реалий. Деструкция здесь реализуется и на уровне языка, и на уровне смыслов и образов, и на уровне сюжета, и социально-исторических и культурных реалий, по-своему взаимообуславливая и объединяя различные элементы художественного целого. Герои произведений писателя через деструктивные процессы, меняющие их (и читателей) картину мира, создают пространство, ориентированное на новые ценностные установки. Это уже не перестройка линейно существующих вещей (идей, взглядов и т. п.), а перенастройка, перегруппировка без заданной шаблонности, форма вне формы, вне контекста реальности данной, а на основе субъективной, изначальной, исходной, вневременной реальности.

В более поздних произведениях писателя-постмодерниста, на наш взгляд, отмечается тенденция достаточно формального следования выработанным ранее дискурсивным установкам, позволяющим полноценно воспринимать текст даже менее элитарному, нежели раньше, читателю, но не запускающим у него, как раньше, механизм «перепостижения» действительности через обнажение, гипертрофию, нивелирование, перевоплощение и др. привычных реалий и ролей. Жанрово-стилевое своеобразие текстов смещается в сторону массовой литературы и беллетристики, иронически осмысливаемые образы порождаются злободневной для современников проблематикой, а деструкции подвергаются лишь отдельные элементы художественного целого.

Возможно, сверхдетерминированность функционирования сорокинского текста деструктивными составляющими в итоге и

привела к синергетическому эффекту гармонизации дискурсивной практики писателя, её выравниванию (как в диахроническом, так и синхроническом аспектах) в плане культурно-содержательного и жанрово-стилевого единства с окружающими его литературными текстами и их совокупностями.

Источники

- Сорокин 1999 — *Сорокин В.* Голубое сало. М.: Ad Marginem, 1999. 352 с.
Сорокин 2002 — *Сорокин В. Г.* Месяц в Дахау // Сорокин В. Сердца четырёх. М.: Ad Marginem, 2002. С. 185–214.
Сорокин 2018 — *Сорокин В. Г.* Метель. М.: Corpus, 2018. 224 с.
Сорокин 2021 — *Сорокин В. Г.* Доктор Гарин. М.: Corpus, 2021. 544 с.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка 1998 — Большой толковый словарь русского языка: А–Я / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
Бугрова 2010 — *Бугрова О.* Интервью с Владимиром Сорокиным на радио «Голос России». 20 августа 2010 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.radiorus.ru/archive.html?date=20-08-2010> (дата обращения: 08.04.2022).
Даниленко 2012 — *Даниленко Ю. Ю.* Реминисценции классики в современном тексте (на материале повести «Метель» Владимира Сорокина) // Филологический класс. 2012. № 2(28). С. 113–116.
Деррида 1990 — *Деррида Ж.* Московские лекции 1990. Свердловск: Институт философии и права УрО РАН, 1991. 89 с.
Егорова, Фокин 2005 — *Егорова Л. П., Фокин А. А.* Основы литературоведческой интерпретации (Антропоцентрический аспект) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 289–294.
Кобрин 2016 — *Кобрин К.* Кабинет мертвых вещей Владимира Сорокина // Неприкосновенный запас. 2016. № 2 [электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2016/2/kabinet-mertvyh-veshhej-vladimira-sorokina.html> (дата обращения 01.03.2022).
Липовецкий 2010 — *Липовецкий М.* Метель в ретробудущем: Сорокин о модернизации // Openspace.ru. 13 сент. 2010 г. [электронный ресурс] // URL: os.colta.ru/literature/projects/13073/details/17810/?expand=yes#expand (дата обращения: 13.05.2022).

- Намятова 2012 — *Намятова Л. Е.* Термины рыночной экономики: Современный словарь-справочник делового человека. 4-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 150 с.
- Погорелая 2012 — *Погорелая Е. А.* Marche funèbre на окраине Китая. Владимир Сорокин // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 54–71.
- Санькова 2007 — *Санькова А. А.* Картина мира постмодернистской литературы (типология массового и элитарного): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 25 с.
- Советский энциклопедический словарь 1987 — Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров; редкол.: А. А. Гусев и др. Изд. 4-е. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 1600 с.
- Gasche 1986 — Gasche R. The tain of the mirror: Derridaa. The philosophy of reflection. Cambridge (Mass); L; Harvarduniv.press, 1986. 358 p.

Общественно-политическая жизнь на Северном Кавказе и проблемы ее этнизации: размышления экспертов

*Галина Дмитриевна Грищенко*¹

¹ Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
доктор философских наук, главный научный сотрудник
 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovet@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022
© Грищенко Г. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* Для современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе характерна неустойчивость. Актуализируется этнизация общественно-политической жизни северокавказского сообщества. *Цель* исследования — уточнение функционального назначения этнизации социальной жизни в данном макрорегионе в контексте динамики этнополитической ситуации на Северном Кавказе. *Материалы и методы.* Использовалась конфликтологическая и рискологическая методология. Эмпирическая база представлена результатами экспертного опроса. *Результаты.* Полученный исследовательский материал позволил провести всесторонний анализ функционирования этнополитических процессов в Северо-Кавказском федеральном округе и сделать выводы о роли этнизации в полиэтничном сообществе. Большинство экспертов оценивает процесс этнизации как результат политико-управленческих просчетов, обуславливающих конфликтогенность этнополитической ситуации в северокавказском регионе. Актуализации процесса этнизации социально-политической жизни на Северном Кавказе способствуют риски «принятия решения», среди которых, прежде всего, выделяются абсолютизация национально-территориального принципа государственного устройства, несбалансированность социально-экономических программ и проектов, мифологизация истории этносов, непродуманность языковой политики. Часть экспертов указывают на другое функциональное назначение этнизации общественно-политической жизни. Утверждается, что это процесс

закономерный и объективно детерминированный, имеющий как прогрессивный тренд, так и дестабилизирующее воздействие. Соотношение между данными характеристиками исследуемого процесса определяется качеством «принятия решения». Двойственность оценки этнизации политической сферы в итоге сводится к одному выводу: ее функциональное назначение обусловлено результатами субъективно-управленческой деятельности современной политической элиты. Уровень конфликтогенности этнизации общественно-политической жизни, делают вывод эксперты, зависит от адекватности принимаемых решений, эффективности политики управления в целом, от качества политических элит в частности.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнизация политической сферы, риски «принятия решения», конфликтогенность этнополитической ситуации, экспертный опрос.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации / деэтнолизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе».

Для цитирования: Гриценко Г. Д. Общественно-политическая жизнь на Северном Кавказе и проблемы ее этнизации: размышления экспертов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021: № 2. С. 224–237. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-224-237

Sociopolitical Life in the North Caucasus and Problems of Its Ethnicization: Expert Opinions Reviewed

*Galina D. Gritsenko*¹

¹ Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov Ave., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Chief Research Associate

 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovet@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Gritsenko G. D., 2022

Abstract. *Introduction.* The current ethnopolitical situation in the North Caucasus is characterized by instability. In sociopolitical life of region, it is ethnicization that tends to come to the foreground. *Goals.* The paper aims at

clarifying functional essentials of ethnicization in the macroregion's social life in the context of ethnopolitical dynamics. *Materials and methods.* The work employs a number of conflictology and riskology research methods. The empirical base rests on results of an expert survey. *Results.* The obtained research materials make it possible to comprehensively analyze functioning patterns inherent to ethnopolitical processes in the North Caucasian Federal District and outline conclusions as to impacts of ethnicization trends in the polyethnic environment. Most experts consider the ethnicization process has resulted from political and administrative miscalculations that ultimately give rise to ethnopolitical conflictogenity in the North Caucasus. The ethnicization is facilitated by 'decision making risks', such as absolutization of the ethnoterritorial principle in politics, imbalances of socioeconomic programs and projects, mythologization of ethnic histories, inefficient language policies. Some experts point out that this process is natural and objectively determined, with both progressive and destabilizing effects. The ratio between these characteristics is determined by the quality of 'decision making'. The duality of assessments ultimately resumes that the phenomenon is functionally determined by subjective administrative efforts undertaken by contemporary political elites. The conflictogenity level of the ethnicization in sociopolitical life depends on the adequacy of decisions made, efficiency of administrative policy at large, and specifically the qualitative features of political elites.

Keywords: North Caucasus, ethnicization of politics, 'decision making' risks, ethnopolitical conflictogenity, expert survey

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-011-00132 'Sociopolitical Life in the North Caucasus: Ethnicization / De-Ethnicization Trends Analyzed'.

For citation: Gritsenko G. D. Sociopolitical Life in the North Caucasus and Problems of Its Ethnicization: Expert Opinions Reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 2: 224–237. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-224-237

Введение

Положительные изменения в этнополитической ситуации на Северном Кавказе, проявляющиеся, как показывает социальная практика, в наметившемся переходе от негативного конфликтологического сценария развития региона к умеренному, не носят устойчивого характера [[Авксентьев и др. 2021](#); [Авксентьев и др.](#)

2019; Суций 2021]. По-прежнему сохраняются риски, снижающие уровень стабильности и безопасности в северокавказском сообществе [Avksent'evetal 2020; Апажева, Мамсиров 2021; Атласкиров 2019; Тумов и др. 2019; Узнародов 2019]. Кроме того, имеют место процессы, характеризующиеся противоречивостью функционирования, среди которых чаще всего называется процесс этнизации общественной жизни [Авксентьев и др. 2020]. Сложность, противоречивость, нестабильность общественной жизни на Северном Кавказе обуславливают необходимость регулярного проведения мониторинга этнополитических процессов с целью определения тенденций, преобладающих в этнополитической сфере северокавказского макрорегиона, и понимания последствий, к которым они могут привести [Аклаев 2008].

В ходе исследования этнизации общественной жизни и политизированной этничности использовалась методология, ориентированная на конфликтологический и рискологический анализы. Обращение к конфликтологическому подходу дает возможность рассматривать этнополитическое противостояние как столкновение при реализации своих интересов этнических антрепренеров, опирающихся на политическую мобилизацию этнических групп [Аклаев 2008: 25] и использующих некое иррациональное начало, кроющееся в этнокультурных стереотипах, мифологизированных представлениях, исторических травмах и т. д. [Тишков, Шаббаев 2011: 205]. Опора на рискологическую парадигму обеспечивает понимание процесса нарастания рискогенности как неотъемлемой черты современной эпохи [Beck 1999: 135] и осознание сосредоточенности рисков в организационно-управленческой сфере современного общества как рисков «принятия решений», рисков неопределенности и, следовательно, ответственности субъекта, принимающего решение [Luhmann 1993; Яницкий 2001].

В качестве эмпирического метода использовался опрос экспертов, применение которого расширяет исследовательскую базу за счет включения аналитического материала, предоставленного экспертами. Экспертный анализ продуктивен как уникальными оценками сегодняшнего дня, проблем и достижений современного эта-

па этнополитического развития северокавказского общества, так и прогнозами возможных управленческих решений по снижению латентной этнополитической напряженности на Северном Кавказе и его дальнейшей интеграции в российское политическое и социокультурное пространство.

Экспертный опрос, в котором приняли участие 20 экспертов, представляющих Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, Адыгею, Дагестан, Карачаево-Черкессию и Северную Осетию-Аланию, проводился в ноябре 2020 г.

Обсуждение

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов относительно этнополитических процессов на Северном Кавказе. Основным из них является утверждение о наличии различных тенденций в столь полиэтничном, многоконфессиональном, традиционном сообществе, в общественном сознании которого актуальны исторические мифы, исторические травмы [Атласкиров 2020], что поддерживает потенциал протестного настроения. Наиболее значимой тенденцией в современных условиях на Северном Кавказе, согласно экспертному мнению, является процесс этнизации, в результате которого реальностью общественной жизни северокавказского сообщества стала политизированная этничность. Такую оценку дало абсолютное большинство экспертов (18 аналитиков из 20).

Прежде чем раскрыть всю палитру точек зрения экспертов на причины мощности процесса этнизации и актуальности политизированной этничности, озвучим мнение тех двух экспертов, кто утверждает о неактуальности процесса этнизации политики и политизированной этничности в нынешних условиях. Так, один из экспертов полагает, что *«политизированная этничность в конце 1990-х и в начале нулевых была единственно эффективным инструментом этнополитических элит в их борьбе за передел власти и собственности. Это была яростная, бескомпромиссная, беспрецедентная по своей жестокости схватка не на жизнь, а на смерть! ... Сегодня, когда передел власти и денег завершен, а отношения между элитами все больше становятся цивилизован-*

ными, уже нет необходимости „политизированную этничность“ воспроизводить» [ПМА 2020: В. Р. Ч.]. Другой аналитик видит выход на первый план в борьбе определенных политических элит за свои интересы конфессионального фактора.

Аналитики, придерживающиеся мнения о значимости в настоящее время процесса этнизации политической сферы региона и распространенности политизированной этничности, полагают, что данные явления общественно-политической жизни регионального сообщества являются источником конфликтов. Такой взгляд на политизированную этничность соответствует оценкам, распространенным в зарубежной, особенно американско-британской, научной литературе, связанной с проблемами этничности. Суть вывода в том, что одним из серьезных негативных последствий политизации этничности является повышенный риск насильственных конфликтов [Adediji 2016; Maksić 2017; Pedersen, Kienzler 2017; Weberetal 2016].

При этом, как подчеркивают участники опроса, *«сама по себе этничность и этническое многообразие не конфликтогенны»* [ПМА 2020: А. З. А.]; этничность становится конфликтной в результате *«мобилизации определенной группы людей, идентифицирующей себя с той или иной этнокультурной общностью, на достижение политических целей. ... Включение в политические процессы и постановка политических целей перед этнической группой обязательно вызовет презентацию интересов данной группы с помощью этнической риторики, что канализирует борьбу за политические цели в плоскость межэтнических взаимодействий, в том числе и конфликтных»*, так, по оценкам экспертов, *«мобилизация этнических масс превращается в продукт этнического национализма, который порождает сепаратизм, территориальные и статусные претензии к государству, региону, соседним этническим сообществам»* [ПМА 2020: Г. С. Д.].

Представители экспертного сообщества, придерживающиеся конфликтологической оценки процесса этнизации общественной жизни и политизированной этничности, разделились на две неравномерные группы. Первая, наиболее многочисленная, группа

(11 из 18 экспертов) полагает, что функционирование политизированной этничности есть результат субъективно-управленческих просчетов, «ошибок» в принятии решений политической элитой или этническими антрепренерами, а именно есть результат сосредоточенности рисков «принятия решений» в организационно-управленческой сфере. Вторая группа экспертов утверждает, что эти феномены этнополитической реальности есть закономерные, *«объективно-детерминированные явления»* [ПМА 2020: М. А. А.].

Актуализация этнизации политики на Северном Кавказе, как свидетельствует анализ оценок первой группы экспертов, вызвана рядом рискогенных факторов. К ним, прежде всего, была отнесена абсолютизация национально-территориальной организации государственной власти. Вот что эксперты по этому поводу говорят: *«политизированная этничность на Северном Кавказе воспроизводится и поддерживается посредством наличия этнических административно-территориальных образований, отождествление с которыми способствует развитию у населения „регионально-этнического“ уровня национальной идентичности»* [ПМА 2020: Д. И. У.]; *«политизация этничности воспроизводится самой структурой региональных субъектов федерации, представленной в основном республиками, а также внутренней политической повесткой самих республик. Политизированная этничность является удобным камуфляжем для клановости и создания вертикально и горизонтально интегрированных неформальных политических сетей. Она также поддерживается характером политической риторики ряда региональных лидеров и смешиванием этнической и конфессиональной повестки»* [ПМА 2020: А. И. К.]. К наиболее ярким высказываниям можно отнести следующее: *«в федерализме России с учетом присутствия административно-территориальных и национально-территориальных субъектов изначально заложен принцип этнизации политики. Это проявляется, в частности, в дискуссиях по поводу „титულიности — нетитულიности“ этносов, неся в себе конфликтность»* [ПМА 2020: Е. А. А.].

Предсказуемо среди рискогенных факторов этнизации региональной политической жизни, обусловленных субъективно-управ-

ленческой направленностью, названы «неразрешенность многих, прежде всего социально-экономических, проблем в регионе» из-за «недостаточного внимания центра» [ПМА 2020: 3. X. Т.] к данному аспекту жизни и деятельности жителей региона. Все это, считают представители экспертного сообщества, «обуславливает активизацию в общественном сознании концепции единой кавказской цивилизации, что в свою очередь чревато угрозой этнического сепаратизма» [ПМА 2020: Д. Б. Б.]. Для описания социально-экономических проблем эксперты пользуются и другой аргументацией: «не решаемые властями проблемы, как правило, мелкого рода, постепенно накапливаются, раздражают население и могут вылиться в нацвопрос: „Нам не чинят дорогу, потому что мы (вставить любую национальность), а начальник (вставить другую национальность)“» [ПМА 2020: А. А. М.].

Близкими к социально-экономическим вопросам являются исторически сложившиеся этнотерриториальные споры внутри республик и между ними [ПМА 2020: 3. X. Т.]: «в значительной степени этнизация политики поддерживается оппозиционными силами из-за нерешенных территориальных споров» [ПМА 2020: С. Ю. И.]; «за последние 5 лет российское общество имело возможность наблюдать за проявлениями политизированной этничности. В частности, можно привести пример территориального спора между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» [ПМА 2020: А. В. Б.]; «территориальные конфликты между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия явились фактором воспроизводства политизированной этничности в этих регионах» [ПМА 2020: Е. А. А.].

Далее эксперты к рискогенным факторам причислили активизацию мифотворчества, а именно мифологизацию истории тех или иных этносов [ПМА 2020: Е. А. Щ.], нередко ведущую к «войне историй», дополненную актуализацией исторических травм: «ресурсы региональных властей по выстраиванию исторической политики играют ... на укрепление этно-национальной идентичности. В каждой северокавказской республике ... есть государственные праздники и официальные памятные даты, которые

воспроизводят ... коллективные (этнические) исторические травмы» [ПМА 2020: А. З. А.].

В качестве рискогенных факторов называют также непродуманность языковой политики, что проявляется, в частности, во «внесении изменений в законодательство России о языках, предполагающих добровольное изучение национальных языков» [ПМА 2020: А. В. Б.].

Достаточно серьезным рискогенным фактором эксперты называют современные технологии манипуляций общественным сознанием: «в мобилизации этничности не последнюю роль играют технологии манипуляций общественным сознанием. Даже в отсутствие на сегодняшний день сколько-нибудь значительных политических сил, выступающих с открытыми сепаратистскими лозунгами, потенциал вооруженного сепаратизма на Северном Кавказе остается высоким» [ПМА 2020: Д. Б. Б.].

Вторая группа экспертов, оценивающая процесс этнизации политической сферы в качестве закономерного, объективно детерминированного процесса, утверждает, что «на практике все функциональные проекции этничности невозможны вне политики, вне политико-административного управления, политического позиционирования. ... Этничность в рамках общественно-политических процессов не может не быть политизированной. ... Вся жизнь общества — это политика» [ПМА 2020: М. А. А.].

Вот логика доказательств закономерности приобретения этничностью политизированной сущности, предложенная другим экспертом: «любой этнокультурный, этнотерриториальный вопрос, например, сохранение родного языка, обрядов, традиций или ... реализация конфессиональных интересов ... можно решать только в контексте государственной национальной политики политико-управленческими методами» и с помощью таких феноменов и институтов политики, «как политическое решение, политическая воля, политическое принуждение, политический дискурс, политические сети, политический PR и GR и др.» [ПМА 2020: М. А. А.].

Еще один аргумент: «продолжающийся процесс этнизации общества и политизации этничности, — убежден представитель

экспертного сообщества, — обеспечивается помимо традиционных институтов (языка, семьи, поселенческой общины, обычаев, форм материальной культуры) специальными социальными институтами, поддерживающими воспроизводство этнических признаков в регионе. К ним можно отнести формы государственной организации, систему образования, правовые акты. В своем функционировании такие институты постоянно культивируют, воспроизводят и восстанавливают ткань специфически этнических отношений» [ПМА 2020: 3. А. Ж.].

И в этом феномене или процессе нет негативной коннотации. Более того, акцентируется внимание на позитивной стороне политизированной этничности: *«политизированная этничность может способствовать этносу улучшить свое положение, отстаивая свои права, но не переходя в фазу конфликта»* [ПМА 2020: А. Н. Г.].

Это означает, что этнизация общественно-политической жизни на Северном Кавказе как любой закономерный процесс несет в себе и положительный тренд, и негативный аспект. По этому поводу один из экспертов констатировал: *«Любая идентичность реализуется в рамках политического процесса и общественно-политических отношений и в контексте политического управления. Если формально под политизацией иметь в виду борьбу за власть и за представленность во власти, за влияние на решения власти и за симпатии власти — то это необходимые и правильные стратегии и тактики любого сообщества с любой идентичностью. Это стоит только поощрять, разумеется, в рамках законов РФ, ее стратегий и концепций. В то же время представляется, что сама этничность как феномен и как институт в любом случае независимо от политизации имеет конфликтный ресурс, как и любая другая идентичность — гендерная, возрастная, профессиональная, стратная и др.»* [ПМА 2020: М. А. А.].

Согласно экспертному мнению, *«политизированная этничность может стать источником конфликтов при наличии определенных условий»* [ПМА 2020: И. В. Ю.]. К таким условиям, по мнению одного из экспертов, относятся *«статусные противоре-*

чия региональных и федеральных правящих элит, наличие этно-территориальных конфликтов» [ПМА 2020: А. В. Б.], по мнению другого эксперта — это «отсутствие согласованности в определениях, смыслах и, соответственно, в управленческих усилиях», что позволяет «на уровне политических лидеров русский национализм воспринимать как приверженность российским ценностям и т. п. Именно в таких условиях политизированная этничность как феномен, действительно, может являться источником конфликтов» [ПМА 2020: Е. А. А.].

Следовательно, конечный результат зависит от причин политизированности и от того, какие цели элиты этносов хотят достичь [ПМА 2020: Е. А. Щ.; А. Ю. Ш.]. Собственно поэтому, уверены эксперты, важно отслеживать баланс «плюсов» и «минусов», чтобы вовремя корректировать процесс этнизации политики, не доводя до накопления критической массы рискогенных факторов, дестабилизирующих этнополитическую ситуацию в регионе: качество «реализации» закономерного процесса этнизации обусловливается качеством принятия решения политической элитой [ПМА 2020: С. Н. З.; С. Ю. И.; А. А. В.; Г. С. Д.]. Так, согласно точке зрения экспертов, негативные аспекты этнизации социально-политической жизни накапливаются в результате концентрации рисков «принятия решений» в организационно-управленческой сфере, когда элита по разным причинам — объективным (недостаточность объективной информации или аналитических данных, и т. д.) или субъективным (некомпетентность, коррумпированность, безответственность и т. д.) — не может оценить функционирующую либо формирующуюся систему рисков «принятия решения».

Заключение

В ходе экспертного опроса была зафиксирована этнизация общественно-политической жизни на Северном Кавказе как одна из значимых тенденций региональных этнополитических процессов. С таким взглядом на региональную этнополитическую ситуацию практически все эксперты согласны. Однако в оценке роли этнизации аналитики не единодушны. Большая часть представителей экспертного сообщества рассматривают этнизацию политики как

результат ошибок в организационно-управленческой сфере, рисков «принятия решений» и называют приоритетные рискогенные факторы, активизирующие этнизацию в качестве непосредственного источника конфликтности и нестабильности в регионе. Некоторые эксперты расценивают данный процесс как закономерность, для которой характерны и позитивные, и негативные проявления. Разность экспертных оценок этнизации осложняет процесс принятия решений по стабилизации этнополитической ситуации в регионе, и в итоге множатся угрозы рисков «принятия решений» как угрозы эскалации этнополитической ситуации в северокавказском сообществе.

Полевые материалы авторов

[ПМА 2020] — Опрос 20 экспертов, работающих в научно-исследовательских учреждениях и учреждениях высшей школы Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, Адыгеи, Дагестана, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании, который проводился в рамках научного проекта «Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе», грант РФФИ № 20-011-00132.

ПМА 2020: В. Р. Ч. — В. Р. Ч., д-р полит. наук, Ставропольский край.

ПМА 2020: А. З. А. — А. З. А., д-р полит. наук, Республика Дагестан.

ПМА 2020: Г. С. Д. — Г. С. Д., д-р соц. наук, Ростовская область.

ПМА 2020: М. А. А. — М. А. А., д-р полит. наук, Ставропольский край.

ПМА 2020: Д. И. У. — Д. И. У., д-р полит. наук, Ростовская область.

ПМА 2020: А. И. К. — А. И. К., д-р полит. наук, Краснодарский край.

ПМА 2020: Е. А. А. — Е. А. А., д-р полит. наук, Ставропольский край.

ПМА 2020: Д. Б. Б. — Д. Б. Б., д-р филос. наук, Республика Северная Осетия — Алания.

ПМА 2020: А. А. М. — А. А. М., д-р полит. наук, Республика Дагестан.

ПМА 2020: З. Х. Т. — З. Х. Т., канд. пед. наук, Республика Северная Осетия — Алания.

ПМА 2020: С. Ю. И. — С. Ю. И., д-р филос. наук, Ставропольский край.

ПМА 2020: А. В. Б. — А. В. Б., канд. полит. наук, Республика Северная Осетия — Алания.

ПМА 2020: З. А. Ж. — З. А. Ж., д-р полит. наук, Республика Адыгея.

ПМА 2020: А. Н. Г. — А. Н. Г., канд. соц. наук, Республика Северная Осетия — Алания.

- ПМА 2020: И. В. Ю. — И. В. Ю., д-р полит. наук, Краснодарский край.
ПМА 2020: Е. А. Щ. — Е. А. Щ., канд. полит. наук, Карачаево-Черкесская Республика.
ПМА 2020: С. Н. З. — С. Н. З., канд. полит. наук, Ставропольский край.
ПМА 2020: А. Ю. Ш. — А. Ю. Ш., д-р филос. наук, Республика Адыгея.
ПМА 2020: А. А. В. — А. А. В., д-р полит. наук, Ставропольский край.

Литература

- Авксентьев и др. 2019 — *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Г., Иванова С. Ю., Шульга М. М.* Интеграционный потенциал полиэтничного региона в контексте укрепления социокультурной безопасности // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2019. № 10. С. 14–21. DOI: 10.24158/spp.2019.10.2.
- Авксентьев и др. 2020 — *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Г.* Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // *Политическая наука.* 2020. № 3. С. 74–97. DOI: 10.31249/poln/2020.03.04/
- Авксентьев и др. 2021 — *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Г.* Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века // *Конфликтология.* 2021. Т. 16. № 2. С. 81–93. DOI: 10.31312/2310-6085-2021-16-2-81-93.
- Аклаев 2008 — *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: Дело, 2008. 471 с.
- Апажева, Мамсиров 2021 — *Апажева С. С., Мамсиров Х. Б.* Межнациональные отношения в молодежной среде Кабардино-Балкарской Республики // *Кавказология.* 2021. № 2. С. 135–153. DOI 10.31143/2542-212X-2021-2-135-153.
- Атласкиров 2019 — *Атласкиров А. Р.* Проблема земельных отношений в общественной жизни Кабардино-Балкарской республики // *Кавказология.* 2019. № 1. С. 193–212. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-1-193-212
- Атласкиров 2020 — *Атласкиров А. Р.* Коммеморативные практики в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарской Республики // *Кавказология.* 2020. № 4. С. 205–228. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-205-228
- Суций 2021 — *Суций С. Я.* Конфликтологический потенциал Северного Кавказа на рубеже 2020-х годов: факторы и основные тенденции // *Научная мысль Кавказа.* 2021. № 1 (105). С. 72–78. DOI: 10.18522/2072-0181-2021-105-1-72-78.

- Тишков, Шабаев 2011 — *Тишков В. А., Шабаев Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 376 с.
- Тумов и др. 2019 — *Тумов А. А., Татаров А. А., Машиуков Х. В.* Кабардино-Балкария в 2014–2019 годах: в поисках решения старых проблем // *Кавказология*. 2019. № 4. С. 112–127. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-4-112-127.
- Узнародов 2019 — *Узнародов Д. И.* Черкесский вопрос на Юге России: этнополитические итоги и перспективы // *Кавказология*. 2019. № 3. С. 222–239. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-3-222-239.
- Яницкий 2001 — *Яницкий О. Н.* Россия как «общество риска»: контуры теории // *Россия реформирующаяся*. 2001. № 1. С. 21–44.
- Adediji 2016 — *Adediji A.* The Politicization of Ethnicity as Source of Conflict: The Nigerian Situation (*Globale Gesellschaft und Internationale Beziehungen*). Wiesbaden: Springer VS, 2016. 529 p.
- Avksent'ev et al 2020 — *Avksent'ev V. A., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shulga M. M.* Risks in the North Caucasus: potential or real escalation of the ethno-political situation // *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2020. Vol. 25. No. 3. Pp. 115–128. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.10.
- Beck 1999 — *Beck U.* *World Risk Society*. Cambridge: UK/Malden, MA, Polity Press, 1999. 184 p.
- Luhmann 1993 — *Luhmann N.* *Risk: A Sociological Theory*. New York: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 236 p.
- Maksic 2017 — *Maksić A.* *Ethnic Mobilization, Violence, and the Politics of Affect*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 281 p.
- Pedersen, Kienzler 2017 — *Pedersen D., Kienzler H.* Ethnic conflict and public health // *International Encyclopedia of Public Health*. 2017. Vol. 2. Pp. 36–45.
- Weber et al 2016 — *Weber A., Hiers W., Flesken A.* *Politicized Ethnicity. Perspectives in Comparative Politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2016. 187 p.

Проблема старения населения в Республике Калмыкия

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бадмаева Н. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Проблема старения населения является актуальной для Республики Калмыкия. По результатам переписей населения с 1926 г. по 2010 г. возрастная структура населения региона изменилась значительно: произошло снижение численности населения в возрастной группе от 0 до 14 лет, при этом вырос удельный вес населения трудоспособного и старше трудоспособного возрастов. С 1990-х гг. население республики считается старым. *Цель* статьи — оценка масштабов и глубины процессов старения населения в Республике Калмыкия. *Материалы и методы.* Метод исследования — анализ статистических данных с использованием методов сравнительного анализа. *Результаты.* В Калмыкии старение населения происходит на фоне таких неблагоприятных демографических процессов, как депопуляция населения, миграция трудоспособного населения, смертность мужского населения трудоспособного возраста. В регионе наблюдается рост нагрузки на трудоспособное население. Доля населения старше 65 лет во всех районах республики и в г. Элисте выше 7 %, что по методике ООН характеризует населения как старое. Процесс старения населения в Республике Калмыкия соответствует общероссийским тенденциям. Доля пожилых преклонного и старческого возраста в общей численности населения незначительна, что говорит о социально-экономических проблемах дожития. Феминизация старения в регионе и в России в целом является следствием высокой смертности мужчин трудоспособного возраста.

Ключевые слова: возрастная структура населения, демографическое старение населения, население старше трудоспособного возраста, глубина старения, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации 122022700133-9).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Проблема старения населения в Республике Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С.238–254. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-238-254

Population Ageing in Kalmykia Reviewed

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Badmaeva N. V., 2022

Abstract. *Introduction.* Population ageing is a topical issue for the Republic of Kalmykia. According to the censuses from 1926 to 2010, the age structure of the population has changes dramatically, namely: the share of individuals aged 0 to 14 has decreased while those of working-age and elderly ones have increased. Since the 1990s the Republic's population is classified as ageing. *Goals.* The article attempts an assessment of the extent and depth of ageing processes in Kalmykia. *Materials and methods.* The study examines statistical data through comparative analysis methods. *Results.* In Kalmykia, population ageing is aggravated by such negative demographic processes as depopulation, outflow of working-age population, and heavy masculine mortality. These result in increased burdens on employable population. The share of citizens aged 65 and over in all rural districts and the city of Elista exceeds 7%, i.e. according to UN standards the population is characterized as ageing. In general, the ageing process in Kalmykia clusters with national trends observed. Those of declining and senile years are few enough, which attests to that people face

socioeconomic problems never to reach ripe old age. Both in the region and nationwide, the feminization of ageing is largely determined by high mortality rates among working-age men.

Keywords: population age structure, demographic ageing, elderly population, depth of population ageing, Republic of Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 ‘Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes’.

For citation: Badmaeva N. V. Population Ageing in Kalmykia Reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 2: 238–254. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-238-254

Введение

Демографический фактор в развитии регионов является одним из определяющих. Исследователи отмечают, что особенно ярко на региональном уровне проявляются диспропорции демографической динамики [Макарова 2021: 30]. Численность населения, половозрастная структура населения, состояние трудовых ресурсов составляют основу качества человеческого капитала территории. Снижение качества человеческого капитала может привести к замедлению социально-экономического развития того или иного региона, что позволяет говорить о социально-демографической асимметрии территориального развития.

Качество человеческого капитала регионов неразрывно связано с половозрастной структурой населения, которая влияет на особенности формирования и перспективы развития трудовых ресурсов регионов. Современной проблемой или даже вызовом развития человеческого капитала в стране является проблема старения населения.

Старение населения — актуальная проблема для многих развитых и развивающихся стран. Быстрые темпы увеличения доли пожилых людей приводят к увеличению нагрузки на пенсионную систему, систему социальной защиты и здравоохранения. Перед правительствами стран также встает необходимость решения вопроса использования потенциала пожилых людей.

Социально-экономические последствия процесса старения населения являются предметом изучения многих исследователей. До недавнего времени демографическое старение населения рассматривалось в контексте отрицательного влияния на экономическое развитие государств, в названиях публикаций старение населения обозначалось как «угроза экономической безопасности», изучались социально-экономические риски старения населения и др. Однако, проведя анализ результатов различных исследований, экономисты выявили, что сами по себе процессы старения населения не препятствуют темпам экономического роста и роста благосостояния населения [Васильева, Васильева 2022: 12]. Е. В. Васильева, А. В. Васильева отмечают, что старение населения является скорее «потенциалом развития территории», препятствием они считают «плохую адаптируемость сложившихся институтов к ним» [Васильева, Васильева 2022: 12, 13]. Согласимся с мнением В. В. Локосова, что трансформация возрастной структуры населения является «системным вызовом безопасности...», поэтому проблема демографического старения требует разработки эффективной политики, комплексно решающей проблемы трансформации рабочей силы, здоровья и социального обеспечения пожилого населения и др. [Локосов 2020: 254].

Россия является страной, в которой сдвиг возрастной структуры к старшим возрастам обозначился довольно давно. Доля населения старше трудоспособного возраста в 2022 г. составила 24,1 % [Старшее поколение...].

Старение населения в России имеет свои особенности. Старение населения в России неглубокое: доля самых старых невелика и среди пожилых, и в населении в целом, что, по мнению исследователей, связано с высокой смертностью взрослого населения. Исследователи отмечают, что Россия практически не прогрессирует в части роста показателей дожития и ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения, что находит своё отражение в заметно меньших темпах углубления старости возрастной структуры [Доброхлеб, Барсуков 2020: 46; Кумо 2021: 11].

В. Г. Доброхлеб отмечает, что процесс демографического старения в России в большей степени характерен для женщин. В возрастах старше трудоспособного возраста женщины составляют значительное большинство. В группе 85 лет и старше численность женщин превышает численность мужчин более чем в три раза. Также она отмечает, что особенностью старения населения в Российской Федерации остается невысокая продолжительность жизни и невысокий уровень здоровья населения [[Доброхлеб 2019: 55](#)].

Масштаб проблемы актуализирует изучение процесса старения населения на региональном уровне. Анализ изменения возрастной структуры населения в регионах необходим для оценки социально-экономических последствий влияния данного процесса на дальнейшее развитие регионов.

Цель данной статьи — оценка масштабов и глубины процессов старения населения в Республике Калмыкия. Метод исследования — анализ статистических данных с использованием методов сравнительного анализа.

Актуальность проблемы старения населения для Республики Калмыкия

Проблема старения населения является актуальной для Республики Калмыкия. С 2019 г. в республике реализуется региональная программа Министерства социального развития, труда и занятости Республики Калмыкия и Министерства здравоохранения Республики Калмыкия «Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Республике Калмыкия на 2019–2024 годы» [[Региональная программа...](#)].

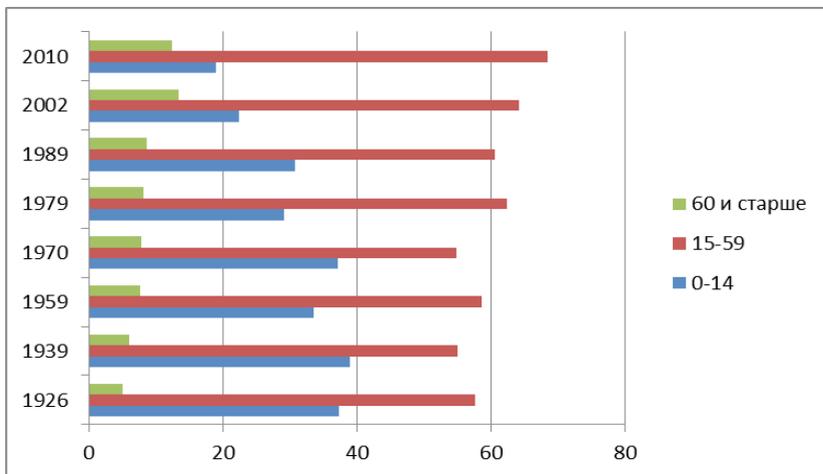
Процесс демографического старения происходит на фоне сокращения общей численности населения региона. Калмыкия — один из самых малочисленных регионов не только юга России, но и всей Российской Федерации. На 1 января 2022 г. численность населения Республики Калмыкия составила 267 756 человек. На процесс старения влияют и активная миграция трудоспособного

населения, увеличение смертности мужского населения трудоспособного возраста. На протяжении многих лет в республике наблюдается миграционная убыль населения [Бадмаева, Натсак 2021: 191]. Миграционный прирост населения в 2021 г. также был отрицательный и составил — 1 274 человека [Социально-демографическая... 2021]. В 2021 г. смертность мужчин в возрасте 16–59 лет составила 678,6 на 100 тысяч населения, смертность женщин в возрасте 16–54 лет составила 190,6 на 100 тысяч населения, т. е. смертность мужчин в 3,6 раза больше смертности женщин в трудоспособном возрасте [Годовой отчет... 2021: 4].

Численность населения старше 60 лет на 01.01.2022 г. составила 56 306 человек или 21 % от общей численности населения, численность населения старше 65 лет — 35 467 человек или 13,2 % от общей численности населения [Возрастно-половой состав... 2022]. Средний возраст населения в республике на 1 января 2021 г. составлял 38,46 лет, этот показатель ниже общероссийского показателя (40,39 лет) и является самым низким в Южном федеральном округе (40,96 лет) [Численность населения... 2021].

Динамика изменения половозрастной структуры населения Республики Калмыкия

Возрастная структура населения региона с середины 20-х гг. XX в. до настоящего времени изменилась значительно. Анализ изменения распределения населения Калмыкии по основным возрастным группам по результатам переписей населения с 1926 по 2010 гг. показал (рис. 1), что произошло значительное снижение численности населения в возрастной группе от 0 до 14 лет, при этом вырос удельный вес населения трудоспособного и старше трудоспособного возрастов. Так, удельный вес детей сократился практически в два раза с 37,3 % в 1926 г. до 19 % в 2010 г., за этот же период доля трудоспособного населения увеличилась с 57,6 % до 68,5 %, доля населения старше 60 лет увеличилась более чем в два раза — с 5,1 % до 12,5 %.

* Источник: Данные переписей 1926–2010 гг. Расчеты автора. [Данные переписей...].

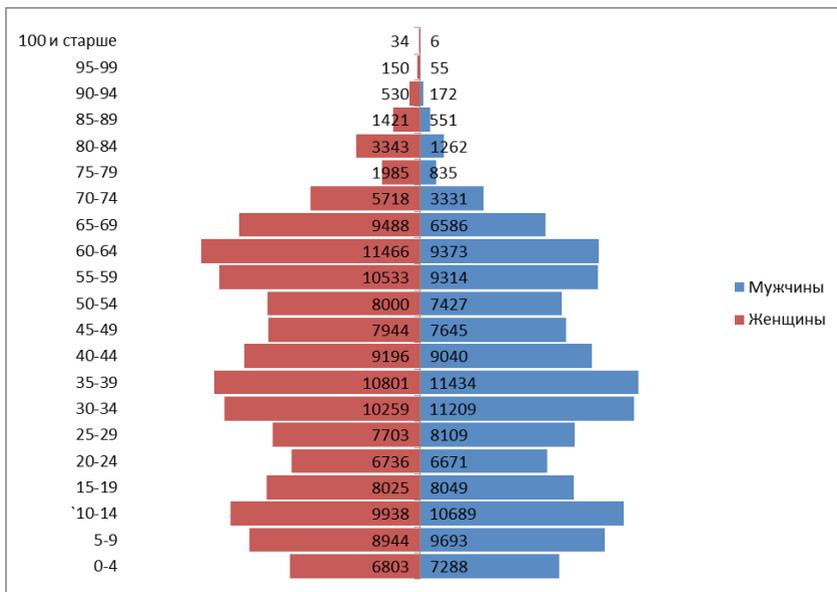
Рис. 1. Распределение населения Республики Калмыкия по основным возрастным группам с 1926 по 2010 гг.

Современная половозрастная структура населения республики представлена на рисунке 2. Самой многочисленной возрастной группой являются женщины в возрасте от 60 до 64 лет. По данным половозрастной пирамиды мы также видим, что мужское население преобладает в возрастных группах до 39 лет, в возрастных группах от 40 лет и старше — женское население.

В Калмыкии, как и в России в целом, также наблюдается низкая «глубина старения»: доля населения в возрастной группе от 60 до 74 лет составляет 17,2 % от общей численности населения, а доля населения в возрасте 75 лет и старше — 3,9 %. Индекс глубины старения (доля населения в старческом возрасте среди всего пожилого населения) в республике составляет 14 %.

По основным возрастным группам структура населения республики представлена следующим образом: от 0 до 14 лет — 19,9 %, от 15 до 59 лет — 59 %, старше 60 лет — 21,1 % [Возрастно-половой состав... 2022].

Сравнение половозрастной структуры населения по результатам переписи с 1926 по 2010 гг. и половозрастной структуры населения на начало 2022 г. показывает, что темпы старения населения за последнее десятилетие значительно ускорились: так, если в 2010 г. доля населения старше 60 лет составляла 12,5 %, в общей численности населения, то в 2021 г. она составила 21,1 %.

* Источник: Возрастно-половой состав Республики Калмыкия на 1 января 2022 года [[Возрастно-половой состав... 2022](#)].

Рис. 2. Половозрастная структура населения Республики Калмыкия на 01.01.2022.

Рассмотрим возрастную структуру населения Калмыкии по отношению к участию в трудовом процессе (табл. 1). К населению моложе трудоспособного возраста отнесены дети в возрасте 0–15 лет, трудоспособного возраста — женщины 16–55 лет и мужчины 16–60 лет, старше трудоспособного возраста — женщины 56 лет и более, мужчины 61 год и более [[Труд и занятость... 2021: 11](#)].

Таблица 1. Возрастной состав населения Республики Калмыкия, 2005–2020 гг., %

Население	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Моложе трудоспособного возраста	21,4	20,4	21,7	21,9	21,7	21,4
Трудоспособного возраста	64,2	63,4	58,0	55,1	56	55,5
Старше трудоспособного возраста	14,4	16,2	20,3	23,0	22,3	23,1

* Источник: Регионы России: Социально-экономические показатели — 2021 г. [Регионы России... 2021].

Анализ данных таблицы показал динамику увеличения удельного веса населения старше трудоспособного возраста за период с 2005 по 2020 гг. за счет сокращения удельного веса населения трудоспособного возраста. При этом доля населения моложе трудоспособного возраста в 2,5 раза меньше доли населения трудоспособного возраста. Это говорит о том, что в ближайшем будущем удельный вес населения трудоспособного возраста в Калмыкии будет неуклонно сокращаться, а населения старше трудоспособного возраста — стремительно увеличиваться. Поскольку динамика группы моложе трудоспособного возраста определяет дальнейшие изменения в численности и структуре населения, это явление необходимо рассматривать как негативную предпосылку. Динамика данной возрастной группы определяет дальнейшие изменения в численности населения трудоспособного возраста, выявленные сокращения приводят к соответствующим количественным и качественным изменениям в социальной структуре населения, а в дальнейшем — в формировании трудовых ресурсов региона.

При сравнении показателей возрастного состава населения Калмыкии с аналогичными показателями в целом по стране и регионами Южного федерального округа (ЮФО) можно увидеть, что в республике доля населения моложе трудоспособного возраста

та выше, чем в целом по округу, а также выше общероссийского показателя. При этом доля населения трудоспособного населения в республике практически такая же, как в целом по округу, а показатель доли населения старше трудоспособного возраста — самый низкий в округе и также ниже общероссийского показателя (табл.2).

Таблица 2. Возрастной состав населения в некоторых регионах Южного федерального округа, 2020 г., %

Территория	Моложе трудо- способного	Трудоспособ- ного	Старше трудо- способного
Российская Федерация	18,7	56,0	25,3
Южный федеральный округ	18,2	55,5	26,3
Республика Калмыкия	21,4	55,5	23,1
Астраханская область	20,6	55,1	24,3
Волгоградская область	17,1	55,7	27,2
Ростовская область	17,0	56,2	26,8

* Источник: Регионы России: Социально-экономические показатели — 2021 г. [Регионы России... 2021].

Для экономического анализа востребованным остаётся коэффициент демографической нагрузки пожилым населением, рассчитываемый как отношение числа лиц старше трудоспособного возраста к численности трудоспособного населения. В России и в ее регионах наблюдается рост нагрузки на трудоспособное население. При этом важно отметить, что коэффициенты демографической нагрузки понизились в 2019 г. Это связано с сокращением доли населения старше трудоспособного возраста из-за увеличения пенсионных границ.

Таблица 3. Демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста на 1 января 2021 г. (на 1 000 лиц трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных), чел.

Территория	Всего	Моложе трудоспособного возраста	Старше трудоспособного возраста
Российская Федерация	785	334	451
Южный федеральный округ	801	328	473
Республика Калмыкия	800	386	414

* Источник: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года [[Численность населения... 2021](#)].

Данные таблицы 3 показывают, что нагрузка лицами старше трудоспособного возраста на трудоспособное население в Калмыкии, а также в ЮФО и по России в целом, выше, чем нагрузка населения лицами моложе трудоспособного возраста. При этом в Калмыкии нагрузка лицами моложе трудоспособного возраста намного выше, чем в ЮФО и по стране в целом. Это, на наш взгляд, связано с тем, что в регионе доля населения моложе трудоспособного возраста выше, чем во многих регионах страны. Важно при этом отметить, что до недавнего времени по общим коэффициентам рождаемости (число родившихся на 1 000 человек) Калмыкия имела показатели значительно выше общероссийских. Однако коэффициент рождаемости значительно сократился в 2017 г., что связано с вступлением в активный репродуктивный возраст малочисленного поколения середины 90-х гг. XX в. [[Общие коэффициенты...](#)].

Проблема старения населения в районах республики

Рассмотрим возрастную структуру населения по районам Республики Калмыкия и г. Элисте (табл. 4).

Таблица 4. Доля населения по возрастным группам, по районам Республики Калмыкия, %

Район	Моложе трудоспособного	Трудоспособного	Старше трудоспособного
г. Элиста	22,9	53,7	23,3
Городовиковский	19,7	54,5	25,8
Ики-Брульский	21,0	58,5	20,5
Лаганский	19,6	55,8	24,6
Малодербетовский	20,0	55,1	24,9
Октябрьский	20,8	56,8	22,4
Кетченеровский	22,1	53,9	24,0
Приютненский	19,3	56,0	24,7
Сарпинский	15,5	57,4	27,1
Целинный	22,7	56,5	20,8
Черноземельский	22,6	58,7	18,7
Юстинский	19,9	55,9	24,2
Яшалтинский	20,2	58,9	20,9
Яшкульский	21,6	59,2	19,2

* Источник: Возрастно-половой состав Республики Калмыкия на 1 января 2022 г. [[Возрастно-половой состав... 2022](#)].

Анализ возрастной структуры районов республики показывает, что наибольшая доля молодого населения проживает в Целинном (22,7 %), Черноземельском (22,6 %), Кетченеровском районах (22,1 %). Наименьшая доля молодых людей проживает в Сарпинском районе (15,5 %). Наибольшая доля трудоспособного населения проживает в Яшкульском (59,2 %), Яшалтинском (58,9 %), Черноземельском (58,7 %), Ики-Бурульском (58,5 %) районах республики. Наибольшая доля населения старше трудоспособного возраста проживает в Сарпинском (27,1 %), Городовиковском (25,8 %), Малодербетовском (24,9 %) районах. Наименьшая доля — в Черноземельском (18,7 %), Яшкульском (19,2 %), Ики-Бурульском (20,5 %) районах.

Процессы старения населения затронули все территориальные единицы региона. Во всех районах республики доля населения старше 65 лет превышает 7 % барьер, что по методике ООН характеризует население как старое (табл. 6) [Барсуков 2014: 5].

Таблица 5. Доля населения старше 65 лет по районам и г. Элисте, %

Район	Старше 65 лет	Всего
г. Элиста	13,1	13542
Городовиковский	14,9	14898
Ики-Брульский	10,4	9497
Лаганский	13,3	17801
Малодербетовский	13,1	9518
Октябрьский	10,9	8043
Кетченеровский	10,6	8917
Приютненский	13,7	9868
Сарпинский	15	11413
Целинный	10,6	20503
Черноземельский	8,8	12280
Юстинский	12	9551
Яшалтинский	11,6	14669
Яшкульский	9,2	14900

* Источник: Возрастно-половой состав Республики Калмыкия на 1 января 2022 г. [Возрастно-половой состав... 2022].

По данным, представленным в таблице 5, районом, где проживает большее количество населения в возрасте старше 65 лет, является Городовиковский район республики — доля пожилого населения здесь составляет почти 15 %. Также наиболее «старыми» являются Приютненский и Лаганский районы республики, более 13 % пожилых проживает в г. Элисте.

Таблица 6. Численность населения старше трудоспособного возраста в 2021 г. по полу, чел.

Район	Старше трудоспособного	
	Муж.	Жен.
г. Элиста	7 367	17 949
Городовиковский	1 211	2 635
Ики-Бурульский	641	1 311
Лаганский	1 410	2 971
Малодербетовский	753	1 623
Октябрьский	594	1 211
Кетченеровский	742	1 395
Приютненский	781	1 654
Сарпинский	1 017	2 082
Целинный	1 392	2 858
Черноземельский	776	1 516
Юстинский	725	1 584
Яшалтинский	1 010	2 058
Яшкульский	1 024	1 844

* Источник: Возрастно-половой состав Республики Калмыкия на 1 января 2022 г. [[Возрастно-половой состав... 2022](#)].

Таким образом, возрастная структура районов республики показала, что доля населения трудоспособного возраста более чем в два раза превышает долю населения моложе трудоспособного возраста. Анализ половозрастной структуры по полу в районах республики показывает, что в группе старше трудоспособного возраста число женщин превышает число мужчин более чем в два раза (табл. 6).

Выводы

Старение населения является неизбежным демографическим процессом во всем мире. Социально-экономическое развитие страны или региона, уровень развития здравоохранения влияют на протекание этого демографического процесса: глубину старения, продолжительность жизни пожилых и др.

В Калмыкии старение населения происходит на фоне ряда неблагоприятных демографических процессов, а именно сокращения численности населения республики, активной миграции трудоспособного населения, увеличения смертности мужского населения трудоспособного возраста. Процесс старения населения в Республике Калмыкия соответствует общероссийским тенденциям. Доля пожилых преклонного и старческого возраста в общей численности населения — чуть более 3 %, что говорит о социально-экономических проблемах дожития. Феминизация старения в регионе и в России в целом является следствием высокой смертности мужчин трудоспособного возраста.

Вышеуказанные проблемы старения являются показателем развития системы здравоохранения, а именно ранней диагностики и профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, кадровых проблем здравоохранения, совершенствования медицинской помощи гражданам старшего поколения, развития гериатрии и др.

При этом процессы демографического старения населения ставят задачу для региональных властей по решению вопросов использования трудового потенциала пожилого населения, уменьшения демографической нагрузки на трудоспособное население. Важным является развитие социальных институтов, способствующих трудовой деятельности пожилых, активному долголетию. Значимым, на наш взгляд, является и вопрос развития регионального и российского общества в преодолении эйджизма и повышения толерантного отношения к пожилым и старым людям.

Литература

- Бадмаева, Натсак 2021 — *Бадмаева Н. В., Натсак О. Д.* Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 186–205.
- Барсуков 2014 — *Барсуков В. Н.* Демографическое старение населения: методы оценки // Вопросы территориального развития. 2014. № 4 (14) [электронный ресурс] // URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1404> (дата обращения: 01.02.2021).

- Васильева, Васильева 2022 — *Васильева Е. В., Васильева А. В.* Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // Экономика региона. 2022. Т. 18. Вып. 1. С. 1–20.
- Возрастно-половой состав... 2022 — Возрастно-половой состав Республики Калмыкия на 1 января 2022 года [электронный ресурс] // URL: <https://astrastat.gks.ru/folder/163633> (дата обращения: 02.06.2022).
- Годовой отчет... 2021 — Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Республики Калмыкия «Развитие здравоохранения Республики Калмыкия» за 2021 год [электронный ресурс] // URL: http://minzdrav.kalmregion.ru/upload/iblock/d23/godovoy_otchet_po_gosudarstvennoy_programme_razvitie_zdravookhraneniya_respubliki_kalmykiya_na_2013_2020_gody_za_2021_god.pdf (дата обращения: 17.06.2022).
- Данные переписей — Данные переписей 1926–2010 гг. [электронный ресурс] // URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 01.02.2021).
- Доброхлеб 2019 — *Доброхлеб В. Г.* Особенности старения населения как социальный вызов демографического развития России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Сер. «Демография. Социология. Экономика». Том 5. № 4. М.: Экон-Информ, 2019. С. 54–56.
- Доброхлеб, Барсуков 2020 — *Доброхлеб В. Г., Барсуков В. Н.* Старение населения в России и Китае: особенности и социально-экономические риски // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4. С. 36–48.
- Кумо 2021 — *Кумо К.* Старение населения, низкая рождаемость и социальная защита в России // *Japanese Slavic and East European Studies*. 2021. Т. 41. С. 1–17.
- Локосов 2020 — *Локосов В.В.* Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 251–258.
- Макарова 2021 — *Макарова М.Н.* Моделирование социально-демографической асимметрии территориального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 29–42. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.2
- Общие коэффициенты... — Общие коэффициенты рождаемости. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2020 г. [электронный ресурс] // URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 15.06.2022).

- Региональная программа... — Региональная программа Республики Калмыкия «Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Республике Калмыкия» на 2019–2024 годы [электронный ресурс] // URL: <http://minsoc.kalmregion.ru/upload/iblock/90b/obshch.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
- Регионы России 2021 — Регионы России: Социально-экономические показатели — 2021 г. [электронный ресурс] // URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 03.06.2022).
- Социально-демографическая...2021 — Социально-демографическая характеристика мигрантов Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: <https://astrastat.gks.ru/folder/35673> (дата обращения: 17.06.2022).
- Старшее поколение — Старшее поколение. Численность населения Российской Федерации. Доля численности населения в возрасте старше трудоспособного во всем населении [электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 02.06.2022).
- Труд и занятость... 2021 — Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М.: б. и., 2021. 177 с.
- Численность населения... 2021 — Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г. (Статистический бюллетень) [электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

УДК / UDC 316.354

DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-255-269

Статистический анализ безработицы в южнороссийских регионах

*Людмила Васильевна Намруева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7805-8710. E-mail: lnamrueva@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Намруева Л. В., 2022

Аннотация. Развитие любого современного региона определяется множеством факторов, лежащих в основе социально-экономических процессов. *Цель* исследования: проанализировать уровень безработицы в исследуемых южнороссийских регионах, а также официальные документы, научную литературу, мнения экспертов относительно проблем безработицы, которые позволят проанализировать текущее состояние экономики республики. *Результаты.* Проблема не снижающейся безработицы актуальна для экономики южнороссийских регионов. Особенно она усугубляется в дотационных регионах, где преобладает сельскохозяйственная специализация. Только в одном из исследуемых регионов, Ростовской области, безработица находится на уровне нормы, 4-5 %. Уровень безработицы в трех регионах (Волгоградской, Астраханской областях, Республике Калмыкия) выше нормы. В Республике Калмыкия в течение нескольких лет уровень безработицы превышает 7 %; самым высоким является уровень безработицы среди молодого населения 20–29 лет, 30–39 лет. К недостаточно востребованным на рынке труда следует отнести и жителей республики, имеющих высшее профессиональное образование. **Ключевые слова:** южнороссийские регионы, Республика Калмыкия, социально-экономические процессы, демографические показатели, уровень безработицы

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед

традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер государственной регистрации 122022700133-9).

Для цитирования: Намруева Л. В. Статистический анализ безработицы в южнороссийских регионах // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021: № 2. С. 255–269. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-255-269

Statistical Analysis of Unemployment in Southern Russian Regions

Ludmila V. Namrueva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

 0000-0001-7805-8710. E-mail: lnamrueva@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Namrueva L. V., 2020

Abstract. *Introduction.* Development of any contemporary region is determined by a variety of factors underlying socioeconomic processes. *Goals.* The study aims at analyzing the unemployment rate in regions of Southern Russia under study, as well as official documents, scientific literature, expert opinions relating to problems of unemployment, employment of the population — to further examine the actual current conditions of the Republic’s economy. *Results.* Problem of unemployment is topical for Southern Russian regions’ economics. It becomes more common in subsidised regions with agricultural specialization predominated. Only one of the regions — Rostov Oblast — is characterized by average unemployment rate (4–5 %), in others three (Volgograd Oblast, Astrakhan Oblast, Republic of Kalmykia) the rate is high. For last few years the unemployment rate in the Republic of Kalmykia exceeds 7 %, with the highest percentage of young people ageing 20–29 and 30–39. Residents of the Republic who have higher professional education should also be considered to be in insufficient demand on the labour market.

Keywords: Southern Russian regions, Republic of Kalmykia, socioeconomic processes, demographic indicators, unemployment rate

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 ‘Asymmetrically Developing Territories to Face

Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes’.

For citation: Namrueva L. V. Statistical Analysis of Unemployment in Southern Russian Regions. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 2: 255–269. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-255-269

Введение

Исследуемые южнороссийские регионы — Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области — имеют общие черты в экономике: преимущественно аграрно-промышленное развитие региональной экономики; благоприятный южный климат, способствующий развитию сельского хозяйства; расширение низкорентабельного промышленного производства и сферы услуг. Из четырех регионов промышленный потенциал более развит в Волгоградской и Ростовской областях, где действуют предприятия тяжелой промышленности, машиностроения, цветной металлургии. Следует отметить, что экономике исследуемых четырех южнороссийских регионов свойственна многоукладность хозяйственной системы, в которой сохранились архаичные и «кустарные» практики в обрабатывающем и сельскохозяйственном производствах, фермерском и подсобном хозяйствах; традиционные хозяйственные практикам, в том числе доиндустриального и полуиндустриального типа [Митрофанова и др. 2021: 23–24].

Член-корреспондент РАН Л. В. Бондаренко характеризует «безработицу как одну из ключевых категорий рынка труда, определяющей масштабы недоиспользования рабочей силы, складывающиеся в результате превышения спроса на рабочие места над их предложением» [Бондаренко 2017: 5]. Уровень безработицы, являясь основным индикатором рынка труда, показывает отношение незанятого населения к общей численности трудоспособного. Исследователи считают, что важным требованием современного периода является изучение безработицы, с одной стороны, как социально-экономической системы, когда предложение рабочей силы превышает спрос на нее. А с другой — как элемента, воспроизводимого развитием экономики и влияющего на эффективность

функционирования хозяйствующих субъектов [Эрдниева, Буркутбаева, Цедеев 2020: 77].

Материалы и методы исследования. Основой для написания статьи послужили статистические данные об уровне безработицы, а также научная литература и экспертное мнение по заявленной теме. Исследование, результаты которого мы анализируем, проведено в г. Элисте в ноябре 2021 г. Оно носило поисковый характер, методом глубинного интервью по полуструктурированному гайд-у было опрошено 16 экспертов. Среди них ученые из различных научных областей (социологи, экономисты, историки, философ, политолог), имеющие степень кандидатов (8 чел.), докторов наук (2 чел.), а также управленцы (2 чел.), руководители общественных организаций (4 чел.), функционирующих на территории республики. В статье использованы отдельные фрагменты интервью, описывающие ситуацию с безработицей в Калмыкии.

Общая характеристика безработицы в южнороссийских регионах

Согласно разделяемому нами мнению, безработица «не столько продукт рыночной системы хозяйствования, а сколько естественные последствия структурных преобразований и индивидуальных пожеланий самих субъектов хозяйствования и результаты нерыночных факторов» [Якшибаева 2012: 348]. Исходя из современных представлений экономистов, уровень безработицы в 4–5 % считается нормой. Низкая безработица (2–4 %) свидетельствует о периоде подъема, высокая безработица (7 % и выше) говорит о спаде экономических процессов [Хулхачиева, 2013: 96]. Исходя из этих установок, фиксируем, что в 2018–2020 гг. уровень безработицы в Ростовской области находится на уровне нормы, 4–5 %. В Волгоградской области уровень безработицы был незначительно выше нормы в допандемийные годы и существенно вырос в пандемийный 2020 год. В Астраханской области уровень безработицы высокий, что свидетельствует о некотором спаде экономики (табл. 1).

Таблица 1. Уровень безработицы (в %)

Регионы	2018	2019	2020
Республика Калмыкия	9,7	9,2	9,6
Астраханская область	7,5	7,6	7,9
Волгоградская область	5,6	5,3	7,6
Ростовская область	5,1	4,8	5,0
ЮФО	4,8	4,6	5,8
РФ	5,6	5,3	6,1

* Источник: [Регионы России 2021: 162]

Как видим из приведенных данных в таблице 1, уровень безработицы в Калмыкии превышает семипроцентный рубеж, что свидетельствует о высоком ее уровне в республике, и, соответственно, о спаде экономических процессов в регионе. Безработица, обостряя противоречия в обществе, сдерживает экономический рост, ведет, с одной стороны, к деградации трудового потенциал, а с другой — к усилению миграционной активности населения.

Таблица 2. Уровень безработицы по полу и типу поселения в 2020 г. (в %)

Регионы	Все население	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Республика Калмыкия	9,6	10,2	8,9	10,7	8,7
Астраханская область	7,9	7,2	8,6	8,4	11,1
Волгоградская область	7,6	6,7	8,6	7,1	9,2
Ростовская область	5,0	5,4	4,7	4,6	6,2
ЮФО	6,1	6,0	6,2	5,5	7,2
РФ	5,8	5,8	5,7	5,2	7,9

* Источник: [Регионы России, с. 162]

Статистические сведения, помещенные в таблицу 2, позволяют нам констатировать, что только в Ростовской области уровень

безработицы ниже, чем в ЮФО и РФ по всем исследуемым категориям. В трех других регионах уровень безработицы выше, чем в ЮФО и РФ по всем анализируемым группам. Однако имеются определенные различия. Так в Калмыкии уровень безработицы среди мужчин выше, чем среди женщин. А в Астраханской области и Волгоградской области уровень безработицы среди мужчин, напротив, ниже, чем среди женщин. Статданные показывают, что в Калмыкии уровень безработицы городского населения выше, нежели сельского населения. В Астраханской и Волгоградской областях уровень безработицы среди сельчан более высокий, чем среди горожан.

Волгоградские экономисты, исследуя три области (Астраханская, Волгоградская, Ростовская области), отмечают, что уровень безработицы в исследуемых регионах снижается, однако остается выше среднего по России, что свидетельствует о низком уровне экономической безопасности этих южнороссийских областей. Наибольший уровень безработицы в Астраханской области [Митрофанова, Чернова, Тюпакова 2021: 24]. Далее остановимся подробнее на рассмотрении безработицы в Калмыкии.

Анализ безработицы в Калмыкии в 2016–2020-е гг.

Калмыкия, являясь депрессивным регионом, по показателям социально-экономического развития находится в последней десятке по стране. Вполне ясно, что «разрушение производственного потенциала привело к социальным проблемам, снижению уровня доходов населения, бедности, безработице и др.» [Методологический инструментарий 2020: 86]. Одной из острых социальных проблем в республике является безработица.

Изучением безработицы в Калмыкии в первые десятилетия XXI в. занимались ученые из разных научных областей, перечислим некоторых из них: социолог Н. В. Бадмаева [Бадмаева 2017; Бадмаева 2018а; Бадмаева 2018б; Бадмаева 2019; Бадмаева 2020], экономисты Е. С. Кованова [Кованова, Лиджиева, Стакиева 2021], М. Б. Убушаев [Убушаев 2009], которые анализировали с междисциплинарных позиций статистические показатели проблем занятости, безработицы в республике. Автор статьи также уделяла

внимание изучению проблем безработицы и миграции населения Калмыкии [Намуева 2011; Намуева 2013]. В 2016 г. Е. А. Гунаев констатировал, что «по ряду параметров характеристики безработицы в Калмыкии хуже, нежели в целом по стране и ЮФО. Высокий уровень трудовой миграции за пределы региона в определенной степени позволяет судить о масштабах «бегства» от безработицы в республике» [Гунаев 2016: 106]. Используя статистические данные, рассмотрим, как изменяются количественные данные по безработным в республике.

Таблица 3. Количество безработных в Республике Калмыкия, тыс. чел.

Республика Калмыкия	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего	15,3	13,9	13,4	12,2	12,9
Мужчины	9,0	8,5	7,8	7,5	7,2
Женщины	6,4	5,5	5,5	4,7	5,7

* Источник: [Республика Калмыкия 2021: 25]

В Республике Калмыкия на 31.12.2020 численность безработных граждан составила 12,9 тыс. чел., что на 2,4 тыс. чел. меньше, чем в 2016 г., что может свидетельствовать о снижении количества безработных. Однако эти показатели не дают нам повода делать оптимистические выводы, и автор не согласен с теми исследователями, которые считают, что «рынок труда в Калмыкии в начале 2021 года отличался стабильностью, демонстрировал тенденции к росту и развитию» [Болдырева, Амбукова и др. 2021: 215]. Анализируемые статистические сведения показывают, что в течение исследуемого периода с 2016 по 2020 г. среди безработных постоянно доминирует мужская часть населения (табл. 3).

Таблица 4. Уровень безработицы в Республике Калмыкия (в %)

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего	10,6	9,9	9,7	9,2	9,6

Мужчины	11,6	11,5	10,9	10,6	10,2
Женщины	9,2	8,2	8,4	7,7	8,9

* Источник: [Республика Калмыкия 2021: 25]

Уровень безработицы, превышающий семипроцентный рубеж, свидетельствует о спаде экономики в регионе. Следовательно, ни о какой стабильности, а тем более развитию рынка труда в Калмыкии в начале 2021 г., о котором пишут вышеупомянутые исследователи, говорить не приходится. Факторы, воздействующие на безработицу, которые отмечены Е. А. Гунаевым в 2016 г. в качестве основных, на наш взгляд, продолжают оставаться таковыми. Среди них: сокращение общей численности населения, снижение количества экономически активного населения (рабочей силы), обусловленное процессами старения населения, сокращения числа лиц трудоспособного возраста [Гунаев 2016: 106].

Таблица 5. Распределение численности безработных по полу, возрасту в Республике Калмыкия (в % к итогу)

	До 20 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет
	Мужчины					
2016 г.	3,3	28,3	26,7	18,2	22,1	1,0
2017 г.	2,0	27,3	30,6	14,3	25,1	0,7
2018 г.	4,6	28,2	23,6	18,1	24,6	1,0
2019 г.	1,3	30,3	24,5	18,3	23,6	2,1
2020 г.	1,5	25,9	31,0	20,9	18,8	1,9
	Женщины					
2016 г.	2,6	29,9	28,5	22,8	16,3	-
2017 г.	11,5	32,3	26,5	20,0	8,9	0,7
2018 г.	2,3	39,1	21,0	22,0	13,2	2,3
2019 г.	–	21,6	37,0	25,6	15,8	–
2020 г.	1,7	31,6	33,1	14,5	16,8	2,0

* Источник: [Республика Калмыкия 2021: 28]

Наибольшее количество безработных в республике приходится на возрастные категории 20–29 лет, 30–39 лет. Суммированное количество безработных этих возрастных групп представляет большую часть этой категории в анализируемый период (более 50 %), независимо от гендерной принадлежности. Отметим, что со временем доля безработных мужчин 20–29 лет незначительно снижается от 28,3 % до 25,9 %. И наоборот, эта доля увеличивается в группе безработных мужчин 30–39 лет от 26,7 % до 31,0 %.

Доля безработных женщин 20–29 лет незначительно увеличивается от 29,9 % до 31,6 %. Эта доля увеличивается и в группе безработных женщин 30–39 лет от 28,5 % до 33,1 %. В остальных группах она снижается или остается на том же уровне, что и в 2016 г.

Распределение численности безработных в Калмыкии по уровню образования показывает, что за рассматриваемый период возрастает численность безработных, имеющих высшее профессиональное образование (табл. 4). Если в 2016 г. доля безработных мужчин, имеющих такое образование, составляла примерно четверть от всего количества безработных, то в 2020 г. она достигла почти трети. Такой же процесс наблюдается и среди женщин, окончивших вузы. Только их доля в 2020 г. уже свыше трети — 36,8 %.

Стабильно количество безработных мужчин и женщин, имеющих среднее профессиональное образование, прошедших подготовку специалистов среднего звена, в начале и конце анализируемого периода. У мужчин оно держится на уровне 18–19 %, у женщин 22–21 %.

Статистические данные показывают, что снижается количество безработных среди тех, кто прошел подготовку квалифицированных рабочих (служащих). У мужчин эта доля уменьшилась с 21,3 % до 14,9 %. А у женщин — с 13,3 % до 11,4 %.

Доля среди тех, кто имеет среднее (полное) общее образование, не устойчива, на всем исследуемом периоде наблюдаются увеличение / уменьшение численности безработных этой группы независимо от гендерной принадлежности.

Таблица 6. Распределение численности безработных в Республике Калмыкия по уровню образования (в %)

	Высшее профессиональное	Среднее профессиональное		Сред. полное общее	Основное общее
		По программе подготовки спец-гов среднего звена	По progr. под-готовки квали-фицир. рабочих (служащих)		
Мужчины					
2016 г.	25,4	18,6	21,3	27,6	7,0
2017 г.	26,7	15,9	23,8	30,9	2,7
2018 г.	29,3	6,8	17,6	34,7	8,5
2019 г.	27,4	18,0	19,1	31,6	3,3
2020 г.	32,7	19,3	14,9	28,1	4,5
Женщины					
2016 г.	32,8	22,0	13,3	26,3	5,7
2017 г.	34,0	15,7	21,5	22,1	6,7
2018 г.	26,4	21,3	24,2	18,4	8,0
2019 г.	29,3	25,7	10,2	26,5	8,3
2020 г.	36,8	21,2	11,4	28,8	1,8

* Источник: [Республика Калмыкия 2021: 28]

К сожалению, безработица в республике характеризуется тем, что лица, имеющие высшее профессиональное образование, недостаточно востребованы на рынке труда. Об этом с горечью говорили и опрошенные автором эксперты. Один из них поднял проблему безвозвратной учебной миграции молодежи, получившей образование в престижных вузах Москвы и Санкт-Петербурга, владеющей знаниями современных технологий, которая так необходима для модернизационного прорыва республики. Однако молодые люди не возвращаются в родные края по причине отсутствия соответствующей их профессиональным требованиям работы и возможностей социальных лифтов.

«Очень большой отток населения, именно работоспособного возраста. Молодежь уезжает и не возвращается. Ясно: „рыба ищет, где глубже...“. Все это понятно, но дело в том, что, вернувшись на родину, они не могут здесь найти себе работу и достойную зарплату. Это и есть одна из проблем и социальных, и экономических» (жен., 56 лет, управленец).

Согласно разделяемому нами мнению Н. В. Бадмаевой, «межрегиональная внутрироссийская образовательная миграция приобретает некомпенсируемый характер. Регионы, теряя интеллектуальный, демографический ресурс, становятся донорами для центральных российских регионов. Последствия учебной невозвратной миграции для регионов, находящихся в сложном социально-экономическом положении и испытывающих демографические проблемы, можно рассматривать как угрозу социальной, демографической, экономической стабильности региона-исхода» [Бадмаева 2021а: 138].

По признанию другого участника опроса, его брат, инженер-геолог, уехал работать в Еврейскую автономную область, так как не нашел работу по полученной специальности. *«Эта должность у нас в республике востребована, но предприятия, компании не готовы всех выпускников обеспечить работой. В силу разных причин они не задействуют наших специалистов, уроженцев республики. У нас же не только нефть, газ, сейчас довольно популярно бурение скважин на воду для животноводческих стоянок. Какие-то организации приезжают, на любительском уровне с помощью небольшой полупрофессиональной бурильной установки бурят землю на глубину до 10–15 метров. Если это был бы профессионал, то он тоже нашел бы свое применение в бурении глубоких скважин» (муж., 41 год, ученый).*

Не всегда востребованными в агросфере оказываются и выпускники калмыцкого вуза, который ежегодно выпускает по 20–30 зоотехников с высшим образованием. К сожалению, такое количество выпускников сложно трудоустроить, так как оставшиеся крупные сельхозпредприятия давно укомплектованы, а фермерам не по силам трудоустроить даже одного человека. Из слов на-

шего эксперта, «в этом плане хороший опыт демонстрируют колледжи нашего степного региона. У них есть специальности по растениеводству, механизации, к тому же там обучают сварным работам, которые всегда необходимы в хозяйстве» (муж., 41 год, ученый).

По мнению этого же эксперта, «в этой ситуации тот выпускник способен выиграть, если он универсальный, может во всем подстраховать того же фермера, то есть и на тракторе может работать, и за скотиной ухаживать, так как имеет ветеринарные навыки, ставить скотине уколы, готовить лекарственные растворы, оказывать первую помощь скотине, проводить различные профилактические мероприятия. Не каждый животновод согласится на то, чтобы молодой специалист занимался только племенной работой. Нужны специалисты-универсалы» (муж., 41 год, ученый). Поэтому многим молодым специалистам приходится трудоустроиваться не по специальности или выезжать за пределы республики, решая множество личных и семейных проблем. Для закрепления молодых кадров на селе необходимо в школах популяризировать сельскохозяйственные специальности, деятельность успешных фермеров, прививать детям любовь к сельскому труду, приобщать к уходу за домашними животными, мотивировать их к сельскохозяйственным занятиям на современной основе, далее — к получению сельскохозяйственного образования и возвращению в сельскую местность.

Заключение

Проблема не снижающейся безработицы актуальна для экономики анализируемых регионов. Особенно она усугубляется в дотационных регионах, где преобладает сельскохозяйственная специализация и к которым относится Республика Калмыкия. Осуществленный нами анализ статистических сведений показал, что уровень безработицы только в одном из исследуемых регионов, Ростовской области, находится на уровне нормы, 4–5 %. В трех других анализируемых регионах (Волгоградской, Астраханской областях, Республике Калмыкия) уровень безработицы выше нормы, это свидетельствует о некотором спаде экономики в этих юж-

нороссийских субъектах. Экономисты, анализируя безработицу в указанных областях по гендерному и территориальному критериям, отмечают, что уровень безработицы в этих регионах снижается, однако остается выше среднего по стране.

Анализ статистических данных по Калмыкии свидетельствует, что уровень безработицы среди молодого населения 20–29 лет, 30–39 лет является самым высоким. К недостаточно востребованным на рынке труда следует отнести и жителей республики, имеющих высшее профессиональное образование.

Проанализированные характеристики безработицы в Калмыкии хуже, нежели в целом по Российской Федерации и Южному федеральному округу. Активная трудовая миграция за пределы региона позволяет оценить масштабы «бегства» от безработицы. Ради сохранения человеческого потенциала, развития социально-экономических процессов в современной Калмыкии необходима государственная поддержка преодоления недостаточного развития многих отраслей экономики, малого предпринимательства в республике.

Литература

- Бадмаева 2017 — *Бадмаева Н. В.* Демографический потенциал и проблемы занятости сельского населения южнороссийских регионов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 2(2). С. 110–118. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-2-2-110-118
- Бадмаева 2018a — *Бадмаева Н. В.* Проблемы безработицы и миграционные настроения сельского населения Калмыкии (по результатам социологического исследования) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. Вып. 2. С. 23–28. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-2-6-23-28
- Бадмаева 2018б — *Бадмаева Н. В.* Миграция сельского населения южнороссийских регионов: проблемы, тенденции, направления // *Oriental Studies*. 2018. № 3(37). С. 152–164. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-152-164
- Бадмаева 2019 — *Бадмаева Н. В.* Структура занятости сельского населения Калмыкии (по результатам социологического опроса) // *Село России*. 2019. № 2. С. 73–83. DOI: 10.22162/2658-5987-2019-2-73-83

- Бадмаева 2020 — *Бадмаева Н. В.* Проблемы занятости и миграции сельской молодежи Республики Калмыкия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 4. С. 669–678. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-669-678
- Бадмаева 2021a — *Бадмаева Н. В.* Учебная миграция сельской молодежи Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1(17). С. 135–145. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-135-145
- Бадмаева 2021б — *Бадмаева Н. В.* Миграция сельских жителей Калмыкии в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности // Oriental Studies. 2021. №3 (55). С. 531–540. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-531-540
- Болдырева, Амбукова и др. 2021 — *Болдырева С. Б., Амбукова К. Э., Бурлучинов А. В., Валетов В. Э.* Современные тенденции на рынке труда в России и в Республике Калмыкия // Мониторинг, оценка и анализ трендов социально-экономического развития региона: организация и направление совершенствования. Международ. науч.-практ. конф. (24 ноября 2021 г., г. Элиста) / редкол. К. Е. Бадмаева и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. С. 214–220.
- Бондаренко 2017 — *Бондаренко Л. В.* Безработица в сельской местности и опасения потери работы // Вестник сельского развития и социальной политики. 2017. № 4(16). С. 5–8.
- Гунаев 2016 — *Гунаев Е. А.* Безработица и безработные в Республике Калмыкия // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 105–106.
- Кованова, Лиджиева, Стакиева 2021 — *Кованова Е. С., Лиджиева Э. Д., Стакиева И. Б.* Безработица населения в Республике Калмыкия: анализ и оценка // Мониторинг, оценка и анализ трендов социально-экономического развития региона: организация и направление совершенствования». Международ. науч.-практ. конф. (24 ноября 2021 г., г. Элиста) / редкол. К. Е. Бадмаева [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. С. 211–214.
- Методологический инструментарий 2020 — Методологический инструментарий оценки угроз экономической безопасности полиэтничного региона / под ред. Н. Л. Курепиной. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020. 284 с.
- Митрофанова, Чернова, Тюпакова 2021 — *Митрофанова И. В., Чернова О. А., Тюпакова Н. Н.* Показатели оценки стратегий социально-экономического развития региона в координатах конкурентоспособности, устойчивости, безопасности и сбалансированности // Ре-

- гиональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9. № 1. С. 16–31. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.1.2
- Намруева 2011 — *Намруева Л. В.* Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере калмыков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2011. № 2. С. 87–92.
- Намруева 2013 — *Намруева Л. В.* Миграционные установки молодежи Калмыкии // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 2 (18). С. 64–70.
- Республика Калмыкия 2021 — Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2021: Стат.сб. – Элиста, 2021 – 164 с.
- Регионы России 2021 — Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
- Убушаев 2009 — *Убушаев М. Б.* Миграционные процессы в Республике Калмыкия в постсоветский период // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 65–69.
- Хулхачиева 2013 — *Хулхачиева И. Г.* Российский рынок труда: эффективность занятости или сокращение безработицы // Развитие человеческого потенциала как приоритет государственной политики. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 7–11 июня 2013 г.). Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 95–98.
- Эрдниева, Буркутбаева, Цедеев 2020 — *Эрдниева Э. В., Буркутбаева Н. А., Цедеев А. Б.* Факторы, сдерживающие устойчивое развитие региона (на примере Республики Калмыкия) // Теория и практика хозяйственного развития: разработка новых и адаптация существующих методов, механизмов и инструментов. Мат-лы науч.-практ. конф. (г. Элиста, 18 декабря 2020 г.). Элиста: Изд-во Калм ун-та, 2020. С. 77–80.
- Якшибаева 2012 — *Якшибаева Г. В.* Занятость и безработица — две стороны реализации трудового потенциала // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. мат-лов VIII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2012 г.) Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 344–352.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2022. № 2

Редактор *Саряева Р. Г.*
Переводчик *Джагрунов С. В.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 17.10.2022. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 16,87. Тираж 100 экз. Заказ 07-22.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8